

СОЧИНЕНІЯ
ПУШКИНА.

1835.

5.6.

П. Е.

ИЗЪ КНИГЪ

П. А. ЕФРЕМОВА.

№

ШК.

ПОЛ.

Л. II. 3.

23 $\frac{7}{30}$ 3)

Сенатъ

ПОЭМЫ и ПОВѢСТИ

ПУШКИНА.

I.

18-90

THE UNIVERSITY OF CHICAGO

П О Э М Ы

И

ПОВѢСТИ

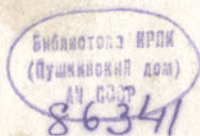
Александра Пушкина.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Печатано въ Военной Типографіи.

1 8 3 5.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ:

Съ пѣмъ чѣобы по напечатаніи представлены
были въ Ценсурный Комитетъ три экземпляра.
Санктшербургъ. Генваря 12-го дня 1835 года.

Ценсоръ Никитенко.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стран.
I. РУСЛАНЪ И ЛЮДМИЛА	5.
II. КАВКАЗСКІЙ ПЛѢННИКЪ	147.
III. БАХЧИСАРАЙСКІЙ ФОНТАНЪ	197.

ОТЪЛЪВЕНІЕ

Изданіе Книгопродавца А. Смирдина.

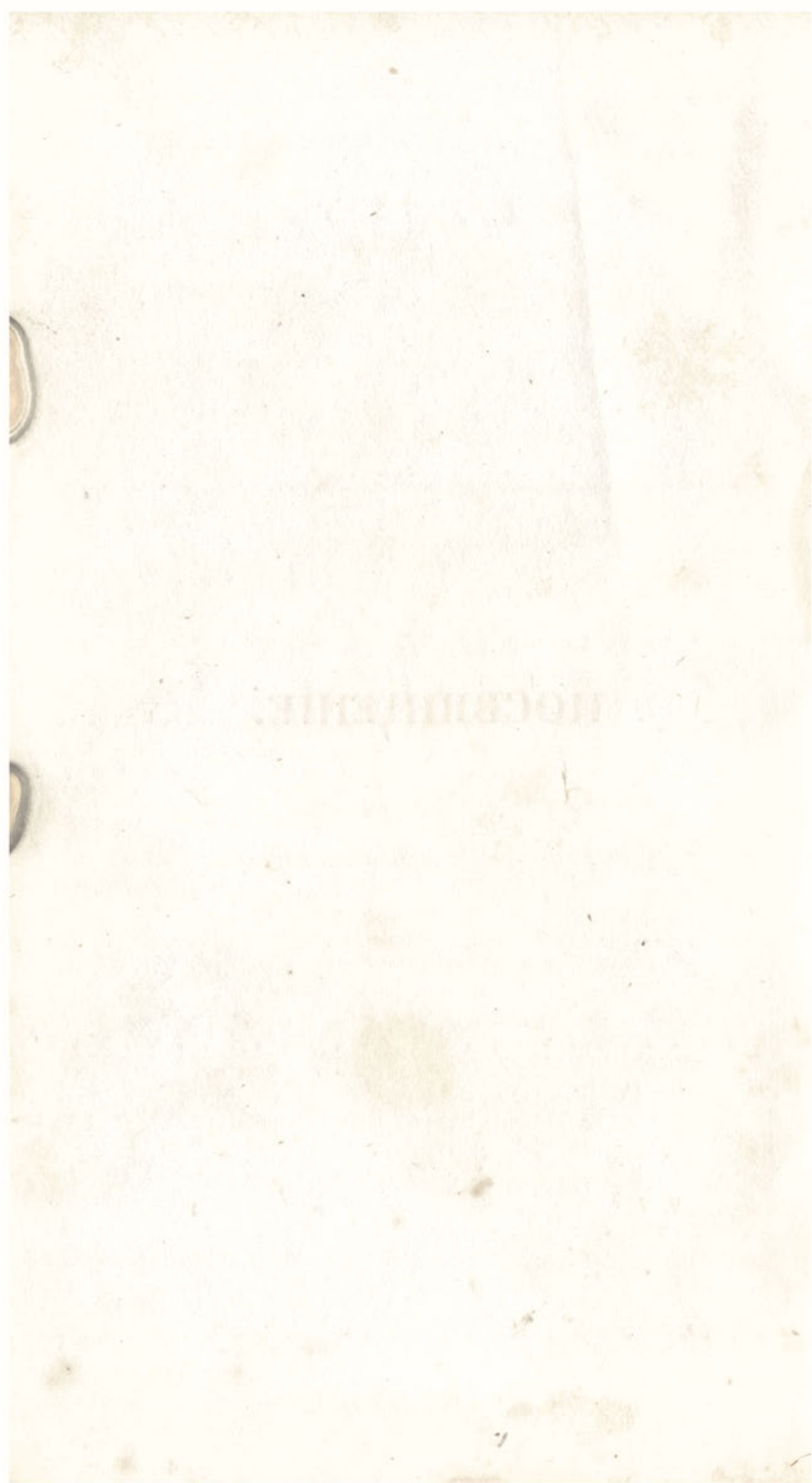
РУСЛАНЪ и ЛЮДМИЛА.

П О Э М А.

РАСЧЕТЪ И ПОДПИСА.

ИЗДАНО

ПОСВЯЩЕНІЕ.

Для васъ, души моей царицы,
Красавицы, для васъ однихъ
Временъ минувшихъ небылицы,
Въ часы досуговъ золотыхъ,
Подъ шопотъ старины болтливой,
Рукою вѣрной я писалъ;
Примите жъ вы мой трудъ игривой!
Ни чѣхъ не требую похвалъ,
Счастливъ ужъ я надеждой сладкой,
Что дѣла съ трепетомъ любви
Посмотритъ, можетъ быть, украдкой
На пѣсни ершныя мои.

1. The first, which is the

second, and the third

of the four, which is the

fourth, and the fifth

of the six, which is the

sixth, and the seventh

of the eight, which is the

eighth, and the ninth

of the tenth, which is the

tenth, and the eleventh

of the twelfth, which is the

twelfth, and the thirteenth

ПѢСНЬ ПЕРВАЯ.

WILSON, JAMES

У лукоморья дубъ зеленый;
Златая цѣпь на дубѣ помѣ:
И днемъ и ночью копѣ ученый
Все ходишь по цѣпи кругомъ;
Идешь направо — пѣснь заводишь,
Налѣво — сказку говоришь.

Тамъ чудеса: тамъ лѣшій бродитъ,
Русака на вѣпвяхъ сидитъ;
Тамъ на невѣдомыхъ дорожкахъ
Слѣды невиданныхъ звѣрей;
Избушка тамъ на курьихъ ножкахъ
Стоитъ безъ оконъ, безъ дверей;
Тамъ лѣсъ и долъ видѣній полны;
Тамъ о зарѣ прихлынутъ волны
На брегъ песчаный и пустой,
И тридцать выпязей прекрасныхъ
Чредой изъ водъ выходятъ ясныхъ,
И съ ними дядька ихъ морской;

Тамъ королевичъ мимоходомъ
 Плѣняеиъ грознаго царя;
 Тамъ въ облакахъ передъ народомъ
 Черезъ лѣса, черезъ моря
 Колдунъ несеиъ богатыря;
 Въ пещищѣ шамъ цареина пужишъ,
 А бурый волкъ ей вѣрно служишъ;
 Тамъ спуга съ Бабою Ягой
 Идеиъ, бредейиъ сама собой;
 Тамъ царъ Кащей надъ златомъ чаеиъ;
 Тамъ Руской духъ... шамъ Русью пахнеиъ!
 И шамъ я былъ, и медъ я пилъ;
 У моря видѣлъ дубъ зеленый;
 Подъ нимъ сидѣлъ, и копъ ученый
 Свои мнѣ сказки говориъ.
 Одну я помню: сказку эпу
 Повѣдаю теперъ я свѣпу...

Дѣла давно минувшихъ дней,
 Преданья старины глубокой.

Въ толпѣ могучихъ сыновей,
 Съ друзьями, въ грядницѣ высокой
 Владиміръ-солнце пировалъ;
 Меньшую дочь онъ выдавалъ
 За князя храбраго Руслана,
 И медъ изъ пѣжкаго спакана
 За ихъ здоровье выпивалъ.
 Не скоро ѣли предки наши,
 Не скоро двигались кругомъ
 Ковши, серебряныя чаши
 Съ кипящимъ пивомъ и виномъ.
 Они веселье въ сердце лили,
 Шипѣла пѣна по краямъ,
 Ихъ важно чашники носили
 И низко кланялись госпнямъ.

Смилися рѣчи въ шумъ невяпный;
 Жужжишь госпей веселый кругъ;
 Но вдругъ раздался гласъ пріятный
 И звонкихъ гуслей бѣглый звукъ;
 Всѣ смолкли, слушають Баяна:
 И славить сладоспный пѣвецъ
 Людмилу-прелестъ и Руслана
 И Лелемъ свипый имъ вѣнецъ.

Но, спраспью пылкой упомленный,
 Не ѣспъ, ни пѣспъ Русланъ влюбленный;
 На друга милаго глядишь,
 Вздыхаетъ, сердился, горитъ
 И, щипля усъ опъ неперѣнья,
 Щипаетъ каждыя мгновенья.
 Въ уныны, съ пасмурнымъ челомъ,
 За шумнымъ, свадебнымъ споломъ
 Сидящъ при выпязя млады;
 Безмолвны, за ковшемъ пуспымъ,
 Забыли кубки круговые
 И брашна неприяны имъ;
 Не слышащъ вѣщаго Баяна,
 Попущили смущенный взглядъ:
 То при соперника Руслана;

Въ душѣ несчастные шаяптъ
 Любви и ненависти ядъ.
 Одинъ — Рогдай, вопиель смѣлый,
 Мечемъ раздвинувшій предѣлы
 Богатыхъ Кіевскихъ полей;
 Другой — Фарлафъ, крикунъ надменный,
 Въ пирахъ никѣмъ непобѣжденный,
 Но воинъ скромный средь мечей;
 Послѣдній, полный спраспной думы,
 Младой Хазарскій ханъ Рагммиръ:
 Всѣ прѣе блѣдны и угрюмы,
 И пиръ веселый имъ не въ пиръ.

Вошъ конченъ онъ; вспаюптъ рядами,
 Смѣшались шумными толпами,
 И всѣ глядяптъ на молодыхъ:
 Невѣста очи опустила,
 Какъ будпо сердцемъ приуныла,
 И свѣпелъ радоспный женихъ.
 Но пѣнь объемлептъ всю природу,
 Ужъ близко къ полночи глухой;
 Бояре, задремавъ опъ мѣду,
 Съ поклономъ убрались домой.
 Женихъ въ восшоргѣ, въ уносѣхъ:

Ласкаетъ онъ въ воображеньѣ
 Спыдаивой дѣвы красоту;
 Но съ тайнымъ, грустнымъ умиленьемъ
 Великій князь благословеньемъ
 Даруетъ юную чепу.

И вопъ невѣсту молодую
 Ведутъ на брачную постель;
 Огни погасли . . . и ночную
 Лампаду зажигаетъ Лель.
 Сверхились милыя надежды,
 Любви готовящися дары;
 Падутъ ревнивыя одежды
 На Цареградскіе ковры . . .
 Вы слышите ль влюбленный шопотъ
 И поцѣлуевъ сладкій звукъ
 И прерывающійся ропотъ
 Последней робости? . . . Супругъ
 Воспорги чувствуетъ заранѣ;
 И вопъ они наспали . . . Вдругъ
 Громъ грянулъ, свѣтъ блеснулъ въ шуманѣ,
 Лампада гаснѣтъ, дымъ бѣжитъ,
 Кругомъ все смерклося, все дрожитъ,
 И замерла душа въ Русланѣ . . .

Все смолкло. Въ грозной пшшинѣ
 Раздался дважды голось спранной,
 И кпо-по въ дымной глубинѣ
 Взвился чернѣ мглы шуманной...
 И снова перемъ пуспъ и пихъ;
 Вспааетъ испуганный женихъ,
 Съ лица каппиися попъ оспылой;
 Трепеща, хладною рукой
 Онъ вопрошаетъ мракъ нѣмой...
 О горе: нѣтъ подруги милой!
 Хватаетъ воздухъ онъ пуспой;
 Людмилы нѣтъ во пмѣ густой,
 Похищена безвѣстной силой.

Ахъ, если мученикъ любви
 Спрадаетъ спраспью безнадежно;
 Хопъ грустно жипъ, друзья мои,
 Однако жипъ еще возможно.
 Но послѣ долгихъ, долгихъ лѣтъ
 Обнятъ влюбленную подругу,
 Желаній, слезъ, тоски предмешъ,
 И вдругъ минушнюю супругу
 Навѣкъ ушраппиъ... о друзья,
 Конечно лучше бъ умеръ я!

Однако живъ Русланъ несчастной.
 Но что сказалъ великій князь?
 Сраженный вдругъ молвой ужасной,
 На зыбля гнѣвомъ распалясь,
 Его и дворъ онъ созываетъ:
 «Гдѣ, гдѣ Людмила?» вопрошаетъ
 Съ ужаснымъ, пламеннымъ челомъ.
 Русланъ неслышитъ. «Дѣшн, други!
 «Я помню прежнія заслуги:
 «О, сжалъсь вы надъ спарикомъ!
 «Скажице, кто изъ васъ согласенъ
 «Скакавъ за дочерью моею?
 «Чей подвигомъ будешь ненапасенъ,
 «Тому — перзайся, плачь, злодѣи!
 «Не могъ сберечь жены своей! —
 «Тому я дамъ ее въ супруги
 «Съ полцарствомъ прадѣдовъ моихъ.
 «Кто жъ вызовется, дѣшн, други?...»
 — Я! молвилъ горестный женихъ.
 «Я! я! воскликнули съ Рогдаемъ
 Фарлафъ и радостный Рапмиръ:
 Сей часъ коней своихъ сѣдаемъ;
 Мы рады весь изѣздить мѣръ.

Отецъ нашъ, не продлимъ разлуки;
 Не бойся: ѣдемъ за Княжной.»
 И съ благодарностью нѣмой
 Въ слезахъ къ нимъ проспираетъ руки
 Старикъ, измученный поской.

Всѣ четверо выходятъ вмѣстѣ:
 Русланъ унынемъ какъ убишъ;
 Мысль о потерянной невѣстѣ
 Его терзаетъ и мерзвитъ.
 Садясь на коней репивыхъ;
 Вдоль береговъ Днѣпра счастливыхъ
 Лешащъ въ клубящейся пыли;
 Уже скрываются вдаль;
 Ужъ всадниковъ не видно болѣ...
 Но долго все еще глядишъ
 Великій князь въ пусное поле
 И думой имъ во слѣдъ лещишъ.

Русланъ помнися молчаливо,
 И смыслъ и памяшъ потерявъ.
 Черезъ плечо глядя стѣсниво
 И важно подбочась, Фарлафъ
 Надувшись ѣхалъ за Русланомъ.

Онъ говоритъ: «наслу я
 « На волю вырвался, друзья!
 « Ну, скоро ль встрѣчусь съ великаномъ?
 « Ужъ по-по крови будетъ течь,
 « Ужъ по-по жерпвъ любви ревнивой!
 « Повеселись, мой вѣрный мечъ,
 « Повеселись, мой конь репнивой!»

Хазарскій Ханъ, въ умѣ своёмъ
 Уже Людмилу обнимая,
 Едва не пляшетъ надъ сѣдломъ;
 Въ немъ кровь играетъ молодая,
 Огня надежды полонъ взоръ:
 То скачетъ онъ во весь опоръ,
 То дразнитъ бѣгуна лихаго,
 Кружитъ, подымаетъ на дыбы,
 Иль дерзко мчитъ на холмы снова.

Рогдай угрюмъ, молчитъ — ни слова...
 Спрашась невѣдомой судьбы
 И мучась ревностью напрасной,
 Всѣхъ больше безпокоитъ онъ,
 И часно взоръ его ужасной
 На князя мрачно устремлѣнъ.

Соперники одной дорогой

Все вмѣспѣ ѣдутъ цѣлый день.

Днѣпра спалъ пемень брегъ оплогой;

Съ воспока льется ночи пѣнь;

Туманы надъ Днѣпромъ глубокимъ;

Пора конямъ ихъ отдохнуть.

Волъ подъ горой пушемъ широкимъ

Широкій пересѣкъ путь.

«Разѣдемся, пора!» сказали,

Безвѣстной вѣримся судьбѣ.»

И каждый конь, не чуя спани,

По волъ путь избралъ себѣ.

Что дѣлаешь, Русланъ несчастный,

Одинъ въ пустынной пищинѣ?

Людмилу, свадьбы день ужасный,

Все, мнился, видѣлъ пы во снѣ.

На брови мѣдный шлемъ надвинувъ,

Изъ мощныхъ рукъ узду покинувъ,

Ты шагомъ ѣдешь межъ полей,

И медленно въ душѣ швоей

Надежда гибнешъ, гаснешъ вѣра.

Но вдругъ предъ нами пещера;
 Въ пещерѣ свѣтъ. Онъ прямо къ ней
 Идетъ подъ дремлющія своды,
 Ровесники самой природы.
 Вошелъ съ уныньемъ: что-же зрѣтъ?
 Въ пещерѣ спарецъ; ясный видъ,
 Спокойный взоръ, брада сѣдая;
 Лампада передъ нимъ горитъ;
 За древней книгой онъ сидитъ,
 Ее внимательно читая.
 «Добро пожаловать, мой сынъ!»
 Сказалъ съ улыбкой онъ Руслану:
 «Ужъ двадцать лѣтъ я здѣсь одинъ
 Во мракѣ спарой жизни вянущу;
 Но наконецъ дождался дня,
 Давно предвидѣннаго мною.
 Мы вмѣстѣ сведены судьбою;
 Садись и выслушай меня.
 Русланъ, лишился ты Людмилы;
 Твой твердый духъ теряетъ силы;
 Но зла протѣкающаго быстрой мигъ:
 Навремя рокъ тебя постигъ.
 Съ надеждой, вѣрою веселой
 Иди на все, не унывай;

Впередъ! мечемъ и грудью смѣлой
Свой путь на полночь пробивай.

«Узнай, Русланъ: пвой оскорбитель
Волшебникъ спрашнѣй Черноморъ,
Красавицъ давнѣй похититель,
Полнощныхъ обладатель горъ.
Еще ничей въ его обитель
Не проникалъ дониндѣ взоръ;
Но ты, злыхъ козней испребителъ,
Въ нее ты вступишь, и злодѣй
Погибнетъ опъ руки пвоей.
Тебѣ сказать не долженъ болѣ:
Судьба пвоихъ грядущихъ дней,
Мой сынъ, въ пвоей опнынѣ волѣ.»

Нашъ выпязъ спарцу палъ къ ногамъ,
И въ радости лобзаетъ руку.
Свѣплѣетъ міръ его очамъ,
И сердце позабыло муку.
Вновь ожилъ онъ; и вдругъ опашъ
На вспыхнувшемъ лицѣ кручина...
«Ясна поски пвоей причина;
Но грусть не прудно разогнашь,

Сказалъ старикъ: тебѣ ужасна
 Любовь сѣдаго колдуна;
 Спокойся, знай: она напрасна
 И юной дѣвѣ не спрашна.
 Онъ звѣзды сводишь съ небосклона,
 Онъ свиснеть — задрожитъ луна;
 Но прошивъ времени закона
 Его наука не сильна.
 Ревнивый, прелепный хранитель
 Замковъ безжалостныхъ дверей,
 Онъ только немощный мучитель
 Прелестной плѣнницы своей.
 Вокругъ нея онъ молча бродитъ,
 Клянеть жестокий жребій свой...
 Но, добрый выпязь, день проходишь,
 А нуженъ для себя покой.

Русланъ на мягкій мохъ ложился
 Предъ умирающимъ огнёмъ;
 Онъ ищетъ позабылся сномъ,
 Вдыхаетъ, медленно вернется...
 Напрасно! Выпязь наконецъ:
 «Не спится чпо-то, мой отецъ!
 Чпо дѣлать: боленъ я душою,

И сонъ не въ сонъ, какъ пошню жипь.
 Позволь мнѣ сердце освѣжипь
 Твоей бесѣдою свящюю.
 Проспи мнѣ дерзоспный вопросъ.
 Опкройся: кпо ты, благодарпный,
 Судьбы наперспникъ непоняпный?
 Въ пустыню кпо шебя занёсъ?»

Вздохнувъ съ улыбною печальною,
 Спарикъ въ опвѣпъ: «любезный сынъ,
 Ужъ я забылъ опчизны дальнѣй
 Угрюмый край. Природный Финъ,
 Въ долинахъ, намъ однимъ извѣспныхъ,
 Гоняя спадо селъ окреспныхъ,
 Въ безпечной юности я зналъ
 Оди дремучія дубравы,
 Ручьи, пещеры нашихъ скалъ,
 Да дикой бѣдности забавы.
 Но жипь въ опрадной пищинѣ
 Дано не долго бымо мнѣ.

Тогда близъ нашего селенья,
 Какъ мимый цвѣпъ уединенья,
 Жила Нанна. Межъ подругъ

Она гремѣла красотою.
 Однажды упренней порою
 Свои спада на темный лугъ
 Я гналъ, волюнку надувая;
 Передо мной шумѣлъ пошокъ.
 Одна, красавица младая
 На берегу плела вѣнокъ.
 Меня влекла моя судьбина...
 Ахъ, выпяжь, то была Наина!
 Я къ ней — и пламень роковой
 За дерзкій взоръ мнѣ былъ наградой,
 И я любовь узналъ душой
 Съ ея небесною опрадой,
 Съ ея мучительной шоской.

Умчалась года половина;
 Я съ шрепешомъ открылся ей,
 Сказалъ: люблю тебя, Наина.
 Но робкой гореспи моей
 Наина съ гордоспью внимала,
 Лишь прелеспи свои любя;
 И равнодушно опивчала:
 Паспухъ, я не люблю тебя!

И все мнѣ дико, мрачно спало:
 Родная куща, пѣнь дубровъ,
 Веселы игры паспуховъ —
 Ничто поски не упѣшало.
 Въ уныньи сердце сохло, вѣлю.
 И наконецъ задумалъ я
 Оставишь Финскія поля;
 Морей невѣрныя пучины
 Съ дружиной брапской переплышь,
 И бранной славой заслужишь
 Вниманье гордое Наины.
 Я вызвалъ смѣлыхъ рыбаковъ
 Искать опасностей и лапа.
 Впервые пшихъ край опцовъ
 Услышалъ бранный звукъ булапа
 И шумъ немирныхъ челноковъ.
 Я вдаль уплылъ, надежды полный,
 Съ полпой безспрашныхъ земляковъ;
 Мы десять лѣтъ снѣга и волны
 Багрили кровію враговъ.
 Молва неслась: цари чужбины
 Спрашались дерзости моей;
 Ихъ горделивыя дружины
 Бѣжали стѣверныхъ мечей.

Мы весело, мы грозно бились,
 Дѣлили дани и дары,
 И съ побѣжденными сѣдѣли
 За дружелюбные пиры.
 Но сердце, полное Наиной,
 Подъ шумомъ бѣшвы и пировъ,
 Томилось пайною кручиной,
 Искало Финскихъ береговъ.
 Пора домой, сказалъ я, други!
 Повѣсимъ праздныя кольчуги
 Подъ сѣнью хижины родной.
 Сказалъ — и весла за шумѣли;
 И, спрахъ оставя за собой,
 Въ заливъ отчизны дорогой
 Мы съ гордой радостью влѣпѣли.

Сбылись давнишнія мечпы,
 Сбылися пылкія желанья!
 Минула сладкаго свиданья,
 И для меня блеснула пы!
 Къ ногамъ красавицы надменной
 Принесъ я мечъ окровавленной,
 Кораллы, лапы и жемчугъ;
 Предъ нею, спраспы упоенный,

Безмолвнымъ роємъ окруженный
 Ея зависпивыхъ подрутъ,
 Стоялъ я плѣнникомъ послушнымъ;
 Но дѣва скрылась опъ меня,
 Примолвъ съ видомъ равнодушнымъ:
 Герой, я не люблю тебя!

Къ чему рассказывать, мой сынъ,
 Чего пересказать нѣтъ силы?
 Ахъ, и теперь одинъ, одинъ,
 Душой уснувъ, въ дверяхъ могилы,
 Я помню горесъ, и порой,
 Какъ о минувшемъ мысль родится,
 По бородѣ моей сѣдой
 Слезъ тяжелая капится.

Но слушай: въ родинѣ моей
 Между пуспынныхъ рыбарей
 Наука дивная пишется.
 Подъ кровомъ вѣчной тишины,
 Среди лѣсовъ, въ глуши далѣкой
 Живутъ сѣдые колдуны;
 Къ предметамъ мудрости высокой
 Все мысли ихъ устремлены;

Все слышашъ голосъ ихъ ужасный,
 Чпо было и чпо будетъ вновь,
 И грозной волѣ ихъ подвласны
 И гробъ и самая любовь.

И я, любви искапелъ жадной,
 Рѣшися въ труппи безопрадной
 Нану чарами привлечь,
 И въ гордомъ сердцѣ дѣвы хладной
 Любовь волшебствами зажечь.
 Спѣшилъ въ обѣщанія свободы;
 Въ уединенный мракъ лѣсовъ;
 И шамъ, въ ученіи колдуновъ,
 Провелъ невидимые годы.
 Наспалъ давно желанный мигъ,
 И пайну спрашную природы
 Я свѣтлой мыслію постигъ:
 Узналъ я силу заклинаньямъ.
 Вѣнецъ любви, вѣнецъ желаньямъ!
 Теперь, Нанна, пы моя!
 Побѣда наша: думалъ я.
 Но въ самомъ дѣлѣ побѣдился
 Былъ рокъ, упорный мой гонитель.

Въ мечпахъ надежды молодой,
 Въ воспоргѣ пыкаго желанья,
 Творю поспѣшно заклинанья,
 Зову духовъ — и въ пѣмѣ лѣсной
 Спрѣла промчалась громовая,
 Волшебный вихорь поднялъ вой,
 Земля вздрогнула подъ ногой...
 И вдругъ сидишь передомной
 Спарушка дряхлая, сѣдая,
 Глазами впаыми сверкая,
 Съ горбомъ, съ прясучей головой,
 Печальной вепхоспин карпина.
 Ахъ, выпязь, шо была Нанна!...
 Я ужаснулся и молчалъ,
 Глазами спрашнѣй призракъ мѣрилъ,
 Въ сомнѣннѣ все еще не вѣрилъ,
 И вдругъ заплакалъ, закричалъ:
 Возможно ль! ахъ, Нанна, пы ли!
 Нанна, гдѣ пивоя краса?
 Скажи, уже ли небеса
 Тебя шакъ спраццо измѣнили?
 Скажи, давно ль, оспавя свѣтъ,
 Разспался я съ душой и съ милой?
 Давно ли?... «Ровно сорокъ лѣтъ»,

Былъ дѣвы роковый опивѣтъ:
 Сегодня семдесятъ мнѣ било.
 Чпо дѣлапѣ, мнѣ пиципѣ она,
 Толпою годы пролетѣли,
 Прошла моя, швоя весна —
 Мы оба поспарѣпѣ успѣли.
 Но, другъ, послушай: не бѣда
 Невѣрной младости упраса.
 Конечно, я теперь сѣда,
 Немножко, можетъ быпѣ, горбапа;
 Не по, чпо вспарину была,
 Не пакъ жива, не пакъ мила;
 За по (прибавила болпунья),
 Опкрою пайну: я колдунья!»

И было въ самомъ дѣлѣ пакъ.
 Нѣмой, недвижный передъ нею,
 Я совершенный былъ дуракъ
 Со всей премудроспью моею.

Но вопѣ ужасно: колдовспво
 Вполнѣ свершилось по несчаспью.
 Мое сѣдое божеспво
 Ко мнѣ пымало новой спраспью.

Скрививъ улыбкой спрашнй ропъ,
 Могильнымъ голосомъ уродъ,
 Бормочешъ мнѣ любви признание.
 Вообрази мое спраданье!
 Я пренепалъ, попуя взоръ;
 Она сквозь кашель продолжала
 Тяжелый, спрашнй разговоръ;
 «Такъ, сердце я шеперь узнала;
 Я вижу, вѣрный другъ, оно
 Для нѣжной спрашн рождено;
 Проснулись чувства, я стараю,
 Томлюсь желаньями любви...
 Приди въ объятія мои...
 О милый, милый! умираю...»

И между тѣмъ она, Русланъ,
 Мигала помными глазами;
 И между тѣмъ за мой кафтанъ
 Держалась тонкими руками;
 И между тѣмъ — я обмиралъ,
 Опъ ужаса, зажмуря очи;
 И вдругъ перитѣнь не спало мочи;
 Я съ крикомъ вырвался, бѣжалъ.

Она во слѣдъ: «о недостойный!
 Ты возмущилъ мой вѣкъ спокойный,
 Невинной дѣвы ясны дни!
 Добился пы любви Наны,
 И презираешь — вопль мушны!
 Измѣной дыщупъ всѣ они!
 Увы, сама себя вини;
 Онъ обольспилъ меня, несчастной!
 Я опдалась любви спраспной...
 Измѣнникъ, извергъ! о позоръ!
 Но пренеци, дивичій воръ!»

Такъ мы распались. Съ эпикъ поръ
 Живу въ моемъ уединеньѣ
 Съ разочарованной душой;
 И въ мірѣ спарцу упѣшенъе
 Природа, мудрость и покой.
 Уже зовепъ меня могла;
 Но чувспва прежнія свои
 Еще спарушка не забыла,
 И пламя позднее любви
 Съ досады въ злобу превратила.
 Душою черной зло любя,
 Колдунья спарая конечно

Возненавидишь и себя;
Но горе на землѣ не вѣчно.»

Нашъ выпязь съ жадностью внималъ
Разказы спарца; ясны очи
Дремотой легкой не смыкалъ,
И пихаго полета ночи
Въ глубокой думѣ не слыхалъ.
Но день блистаетъ лучезарный...
Со вздохомъ выпязь благодарный
Объемлетъ спарца-колдуна;
Душа надеждою полна;
Выходишь вонъ. Ногами списнулъ
Русланъ заржавшаго коня;
Въ сѣдлѣ оправился, присвиснулъ.
«Опецъ мой, не оспавь меня.»
И скачетъ по пустому лугу.
Сѣдой мудрецъ младому другу
Кричишь во слѣдъ: «счастливыи путь!
Просни, люби свою супругу,
Совѣшовъ спарца не забудь!»

ПѢСНЬ ВТОРАЯ.

Соперники въ искусствѣ брани,
Не знайте мира межъ собой;
Несите мрачной славѣ дани,
И упивайтесь враждой!
Пусть миръ предъ вами цѣпенѣетъ,
Дивясь грознымъ поржесивамъ:
Никпо о васъ не пожалѣетъ,
Никпо не помѣшаетъ вамъ.
Соперники другаго рода,
Вы, рыцари Парнаскихъ горъ,
Спайтесь не смѣшивъ народа
Нескромнымъ шумомъ вашихъ ссоръ;
Браньтесь — только оспорожно.
Но вы, соперники въ любви,
Живите дружно, если можно!
Повѣрьте мнѣ, друзья мои:
Кому судьбою непремѣнной
Дѣвичье сердце суждено,
Топъ будетъ мнѣ на зло вселенной;
Сердитесь глупо и грѣшно.

Когда Рогдай неукропшмый,
 Глухимъ предчувспвіемъ помимый,
 Оспавя спутниковъ своихъ,
 Пустился въ край уединенный
 И ѣхалъ межъ пущынь лѣсныхъ,
 Въ глубоку думу погруженный —
 Злой духъ превозжилъ и смущалъ
 Его поскоющую душу,
 И выпязъ пасмурный шенпалъ:
 «Убую!... преграды всѣ разрушу...
 Русланъ!... узнаешь ты меня...
 Теперь-по дѣвица поплачетъ...»
 И вдругъ, поворотивъ коня,
 Во весь опоръ назадъ онъ скачетъ.

Въ то время доблестный Фармачъ,
 Все упрю сладко продремавъ,
 Укрывшись опъ лучей полдневныхъ,
 У ручейка, наединѣ,
 Для подкрѣпленья силъ душевныхъ,
 Обѣдалъ въ мирной тишинѣ.
 Какъ вдругъ, онъ видишь: кно-по въ полѣ,
 Какъ буря, мчипся на конѣ;
 И, времени не шрапя болѣ,

Фарлафъ, покинувъ свой обѣдъ,
 Кошье, кольчугу, шлемъ, перчашки,
 Вскочилъ въ сѣдло, и безъ оглядки
 Лепишъ — а шопъ за нимъ во слѣдъ.
 «Оспановись, бѣглець безчестный!»
 Кричишъ Фарлафу неизвѣстный.
 «Презрѣнный, дай себя догнашь!
 Дай голову съ тебя сорвать!»
 Фарлафъ, узнавши гласъ Рогдая,
 Со спрахъ скорчась, обмиралъ,
 И, вѣрной смерти ожидая,
 Коня еще быспрѣ гналъ.
 Такъ почно заяць порошливой,
 Прижавши уши боязливо,
 По кочкамъ, полемъ, сквозь лѣса
 Скачками мчишся ошю пса.
 На мѣстѣ славнаго побѣга
 Весной расшопленнаго снѣга
 Попоки мушныя шекли
 И рыли влажну грудь земли.
 Ко рву примчался конь репшвой,
 Взмахнулъ хвостомъ и бѣлой гривой,
 Бразды спашныя закусилъ
 И черезъ ровъ перескочилъ;

Но робкій всадникъ вверхъ ногами
 Свалился тяжко въ грязный ровъ,
 Земли не взвидѣлъ съ небесами,
 И смерть принять ужъ былъ готовъ.
 Рогдай къ оврагу подлешаешь;
 Жестпокій мечъ ужъ занесёнъ;
 Погибни, прусъ! умри! вѣщаешь...
 Вдругъ узнаешь Фарлафа онъ;
 Глядишь, и руки опустились;
 Досада, изумленье, гнѣвъ
 Въ его чертахъ изобразились;
 Скрыпя зубами, онѣмѣвъ,
 Герой, съ поникшею главою
 Скорѣй опѣхавъ опло рва,
 Бѣсился... но едва, едва
 Самъ не смѣлся надъ собою.

Тогда онъ встрѣпилъ подъ горой
 Спарушечку чупь-чупь живую,
 Горбашую, совсѣмъ сѣдую.
 Она дорожную кляукой
 Ему на сѣверъ указала.
 Ты шамъ найдешь его, сказала.

Рогдай весельемъ закипѣлъ
 И къ вѣрной смерти полетѣлъ.

А нашъ Фарлафъ? Во рву оспался,
 Дохнувъ не смѣя; про себя
 Онъ, лежа, думалъ: живъ ли я?
 Куда соперникъ злой дѣвался?
 Вдругъ слышннть прямо надъ собой
 Старухи голосъ гробовой:
 «Вспань, молодецъ; все пиho въ полѣ;
 «Ты никого не встрѣпишь болѣ;
 «Я привела тебѣ коня;
 «Вспавай, послушайся меня.»

Смущенный выпязъ по неволѣ
 Ползкомъ оспавилъ грязный ровъ;
 Окрепнность робко озирая,
 Вздохнулъ и молвилъ оживая:
 «Ну, слава Богу, я здоровъ!»

«Повѣрь! старуха продолжала:
 «Людмилу мудрено сыскашь;
 «Она далеко забѣжала;
 «Не намъ съ тобой ее доспашь.

«Опасно разъѣзжашъ по свѣту;
 «Ты, право, будешъ самъ не радъ.
 «Послѣдуй моему совѣту,
 «Спупай пихохонько назадъ.
 «Подъ Кіевомъ, въ уединеньѣ,
 «Въ своемъ наслѣдствениомъ селеньѣ
 «Останься лучше безъ заботъ:
 «Опъ насъ Людмила не уйдѣтъ.»

Сказавъ, исчезла. Въ неперѣтнѣ
 Благоразумный нашъ герой
 Тотчасъ опправился домой,
 Сердечно позабывъ о славѣ
 И даже о княжнѣ млодой;
 И шумъ малѣйшій по дубравѣ,
 Полетъ синицы, ропотъ водъ
 Его бросали въ жаръ и въ потъ.

Межъ тѣмъ Русланъ далеко мчипся;
 Въ глуши лѣсовъ, въ глуши полей
 Привычной думою спремипся
 Къ Людмилѣ, радости своей,
 И говоритъ: «найду ли друга?
 «Гдѣ ты, души моей супруга?

« Увижу ль я пвой свѣпый взоръ?
 « Услышу ль нѣжный разговоръ?
 « Иль суждено, чпобъ чародѣя
 « Ты вѣчной плѣнницей была,
 « И, скорбною дѣвою спарѣя,
 « Въ пемницѣ мрачной опцѣла?
 « Или соперникъ дерзновенный
 « Придетъ? . . . Нѣтъ, нѣтъ, мой другъ безцѣпный:
 « Еще при мнѣ мой вѣрный мечъ,
 « Еще глава не пала съ плечь. »

Однажды, темною порою,
 По камнямъ берегомъ крупнымъ
 Нашъ выпязъ фхалъ надъ рѣкою.
 Все упихало. Вдругъ за нимъ
 Спрѣлы мгновенное жужжанье,
 Кольчуги звонъ и крикъ и ржанье
 И попопъ по полю глухой.
 Спой! грянулъ голосъ громовой.
 Онъ оглянулся: въ полѣ чистомъ,
 Поднявъ копьѣ, лепингъ со свисномъ
 Свирѣлый всадникъ, и грозой
 Помчался князь ему на вспрѣчу.
 « Ага! догналъ шебя! поспой! »
 Кричишь наѣздникъ удалой:

«Готовься, другъ, на смерпну съчу;
 «Теперь ложись средь здѣвшихъ мѣспъ;
 «А памъ ищи своихъ невѣспъ.»
 Русланъ вспылалъ, вздрогнулъ опъ гнѣва;
 Онъ узнаеспъ сей буйный гласъ...

Друзья мои! а наша дѣва?
 Оспавимъ выпязей на часъ;
 О нихъ опяпъ я вспомню вскорѣ.
 А по давно пора бы мнѣ
 Подумапъ о молодой княжнѣ
 И объ ужасномъ Черноморѣ.

Моей причудливой мечпы
 Наперсникъ иногда нескромной,
 Я разсказалъ, какъ ночью пѣмной
 Людмилы нѣжной красопы
 Опъ воспаленнаго Руслана
 Сокрылись вдругъ среди тумана.
 Несчастлиная! когда злодѣй,
 Рукою мощною своей
 Тебя сорвавъ съ постели брачной,
 Взвился, какъ вихоръ, къ облакамъ
 Сквозь пыжкій дымъ и воздухъ мрачной,

И вдругъ умчалъ къ своимъ горамъ —
 Ты чувствъ и памяти лишилась
 И въ спрашномъ замкѣ колдуна
 Безмолвна, препетна, блѣдна,
 Въ одно мгновенье очутилась.

Съ порога хижины моей
 Такъ видѣлъ я, средь лѣпныхъ дней,
 Когда за курицей прусливой
 Султанъ куряпника спѣсивой,
 Пѣпухъ мой по двору бѣжалъ
 И сладоспрашными крылами
 Уже подругу обнималъ;
 Надъ ними хипрыми кругами
 Цыплятъ селенъ спарый воръ,
 Пріявъ губипельныя мѣры,
 Носился, плавалъ коршунъ сѣрый,
 И палъ какъ молнія на дворъ.
 Взвился, лепишь. Въ когняхъ ужасныхъ
 Во пму разсѣлилъ безопасныхъ
 Уносишь бѣдную злодѣй.
 Напрасно, горестью своей
 И хладнымъ спрахомъ пораженный,
 Зовешь любовницу пѣпухъ...

Онъ видѣтъ лишь лепучій пухъ,
Лепучимъ въпрямъ занесенный.

До утра юная княжна
Лежала, шягоспнымъ забвеньемъ,
Какъ будто спрашнымъ сновидѣньемъ,
Объята — наконецъ она
Очнулась, пламеннымъ волненьемъ
И смутнымъ ужасомъ полна;
Душой лепишь за наслажденьемъ,
Кого-то ищешь съ упоеньемъ;
Гдѣ жъ, милый, шепчешь, гдѣ супругъ?
Зовешь и помершвѣла вдругъ.
Глядишь съ боязнію вокругъ.
Людмила, гдѣ твоя свѣтлица?
Лежишь несчастная дѣвица
Среди подушекъ пуховыхъ,
Подъ гордой сѣнью бадахины;
Завѣсы, пышная перина
Въ кисняхъ, въ узорахъ дорогихъ;
Повсюду пикани парчевыя;
Играютъ яхонты, какъ жаръ;
Кругомъ курильницы зланыя
Подъемаютъ ароматный паръ;

Довольно . . . благо мнѣ не нада
 Описывать волшебный домъ:
 Уже давно Шехеразада
 Меня предупредила въ помѣ.
 Но свѣшлый перемѣ не опрада,
 Когда не видимъ друга въ нёмъ.

Три дѣвы, красоны чудесной,
 Въ одеждѣ легкой и прелесной.
 Княжнѣ явились, подошли,
 И поклонились до земли.
 Тогда неслышными шагами
 Одна поближе подошла;
 Княжнѣ воздушными перспами
 Злапую косу заплела
 Съ испускомъ, въ наши дни не новымъ,
 И обвила въицомъ перловымъ
 Окружило блѣднаго чела.
 За нею, скромно взоръ склоняя,
 Попомъ приближилась другая;
 Лазурный, пышный сарафанъ
 Одѣлъ Людмилы спройный спанъ;
 Покрылись кудри золопыя,
 И грудь, и плечи молодыя

Фатой, прозрачной, какъ пуманъ.

Покровъ завистливый лобзаесть

Красы, достойныя небесъ,

И обувь легкая сжимаетъ

Двѣ ножки, чудо изъ чудесъ.

Княжѣ послѣдняя дѣвица

Жемчужный поясъ подаетъ.

Межъ тѣмъ незримая пѣвица

Веселы пѣсни ей поетъ.

Увы, ни камни ожерелья,

Ни сарафанъ, ни перловъ рядъ,

Ни пѣсни лесни и веселья

Ея души не веселятъ;

Напрасно зеркало рисуешь

Ея красы, ея нарядъ;

Попуя неподвижный взглядъ,

Она молчитъ, она поскуеетъ.

Тѣ, кои, правду возлюбя,

На шепотъ сердца днѣ чинали,

Конечно знаютъ про себя,

Что если женщина въ печали

Сквозь слезъ, украдкой, какъ нибудь,

На зло привычекъ и разсудку,

Забудеть въ зеркало взглянуть —
То грустно ей ужъ не на шутку.

Но вопъ Людмила вновь одна.
Не зная, что начать, она
Къ окну рѣшечкѣ подходитъ,
И взоръ ея печально бродитъ
Въ пространствѣ пасмурной дали.
Все мертво. Снѣжныя равнины
Коврами яркими легли;
Стоятъ угрюмыхъ горъ вершины
Въ однообразной бѣлизнѣ,
И дремлютъ въ вѣчной тишинѣ;
Кругомъ не видно дымной крови,
Не видно путника въ снѣгахъ,
И звонкій рогъ веселой ловли
Въ пустынныхъ не пробилъ горахъ;
Лишь изрѣдка съ унылымъ свистомъ
Буйствуетъ вихоръ въ полѣ чистомъ,
И на краю сѣдыхъ небесъ
Качается обнаженный лѣсъ.

Въ слезахъ опчаясь, Людмила
Опъ ужаса лице закрыла.

Увы, чпо ждепъ ее теперь!
 Бѣжипъ въ серебряную дверь;
 Она съ музыкой опворилась,
 И наша дѣва очупилась
 Въ саду. Пѣинпельный предѣлъ:
 Прекраснѣе садовъ Армиды
 И пѣхъ, копорыми владѣлъ
 Царь Соломонъ, нль князь Тавриды.
 Предъ нею зыблюпся, шумяпъ
 Вѣлколѣпныя дубровы,
 Ален пальмъ и лѣсъ лавровый,
 И благовонныхъ мирповъ рядъ,
 И кедровъ гордыя вершины,
 И золопныя апельсины
 Зерцаломъ водъ опражены;
 Пригорки, роци и долины
 Весны огнемъ оживлены;
 Съ прохладой въспся въшерь майскій
 Средь очарованныхъ полей,
 И свицелъ соловей Кыпайскій
 Во мракѣ прещепныхъ въшвей;
 Лепяпъ алмазные фоншаны
 Съ веселымъ шумомъ къ облакамъ;
 Подъ ними блещупъ испуканы,

И, мнился, живы; Фидій самъ,
 Питомецъ Феба и Палады,
 Любуясь ими, наконецъ
 Свой очарованной рѣзецъ
 Изъ рукъ бы выронилъ съ досады.
 Дробясь о мраморны преграды,
 Жемчужной, огненной дугой
 Валяясь, плещуть водопады;
 И ручейки въ пѣни лѣсной
 Чуть выюпся сонною волной.
 Приюпть покоя и прохлады,
 Сквозь вѣчну зелень здѣсь и памъ
 Мелькаюпть свѣплыя бесѣдки;
 Повсюду розъ живыя вѣпки
 Цвѣпунть и дышунть по пиропамъ.
 Но безупѣшная Людмила
 Идетъ, идетъ и не глядитъ;
 Волшебства роскошь ей постыла,
 Ей грустенъ нѣги свѣпмый видъ;
 Куда, сама не зная, бродитъ,
 Волшебный садъ кругомъ обходитъ,
 Свободу горькимъ давъ слезамъ,
 И взоры мрачныя вслѣдитъ
 Къ неумолнымъ небесамъ.

Вдругъ освѣпшися взоръ прекрасный;
 Къ ушамъ она прижала перспѣ;
 Казалось, умысель ужасный
 Раждался... Спрашный пупъ опверспѣ:
 Высокій моспикъ надъ попокомъ
 Предъ ней висипѣ на двухъ скалахъ;
 Въ уныныи пияжкомъ и глубокомъ
 Она подходишѣ — и въ слезахъ
 На воды шумныя взглянула,
 Ударила, рыдая, въ грудь,
 Въ волнахъ рѣшилась упонупѣ —
 Однако въ воды не прыгнула
 И далѣ продолжала пупѣ.

Моя прекрасная Людмила,
 По солнцу бѣгая съ упра,
 Успала, слёзы осушила,
 Въ душѣ подумала: пора!
 На правку сѣла, оглянулась —
 И вдругъ надъ нею сѣнь шапра,
 Шумя, съ прохладой развернулась;
 Обѣдъ роскошный передъ ней;
 Приборъ изъ яркаго кристалла;
 И въ пишинѣ изъ-за вѣпвей
 Незрима арфа заиграла.

Дивился плѣнная княжна,
 Но впайнѣ думаетъ она:
 «Вдали отъ мнѣ много, въ неволѣ,
 Зачѣмъ мнѣ жить на свѣтѣ болѣ?
 О пы, чья гибельная спроси
 Меня перзаетъ и лелѣетъ,
 Мнѣ не спрашна злодѣя власи:
 Людмила умереть умѣетъ!
 Не нужно мнѣ пвоихъ шапировъ,
 Ни скучныхъ пѣсень, ни пировъ —
 Не спану ѣси, не буду слушаи,
 Умру среди пвоихъ садовъ!»
 Подумала — и спала кушаи.

Княжна вспаеи, и вмигъ шапѣи,
 И пышной роскоши приборъ,
 И звуки арфы... все пропало;
 Попржнему все пихо спало;
 Людмила вновь одна въ садахъ
 Скипаеи изъ рои въ рои;
 Межъ пѣмъ въ лазурныхъ небесахъ
 Пывеи луна, царица нои,
 Находитъ мгла со всѣхъ споронъ
 И пихо на холмахъ почла;

Княжну невольно клонить сонъ,
 И вдругъ не вѣдомая сила
 Нѣжнѣй, чѣмъ вешній вѣперокъ,
 Ее на воздухъ поднимаетъ,
 Несетъ по воздуху въ черпогъ,
 И оспорочно опускаетъ
 Сквозь ошмѣи вечернихъ розъ
 На ложе грусти, ложе слёзъ.
 Три дѣвы вмгъ опянь явились
 И вокругъ нея засуетились,
 Чпобъ на ночь пышный снятъ уборъ;
 Но ихъ унылый, смутный взоръ
 И принужденное молчанье
 Являли въ пайнѣхъ сосраданье
 И немощный судьбамъ укоръ.
 Но поспѣшимъ: рукой ихъ нѣжной
 Раздѣла сонная княжна;
 Прелестна прелестью небрежной,
 Въ одной сорочкѣ бѣлоснѣжной
 Ложится поживая она.
 Со вздохомъ дѣвы поклонились,
 Скорѣй какъ можно удалились,
 И тихо припворили дверь.
 Чпо жъ наша плѣнница теперь!

Дрожишь какъ листъ, дохнушь несмѣешь;
 Хладѣешь перси, взоръ темнѣешь;
 Мгновенный сонъ опъ глазъ бѣжишь;
 Не спишь, удвоила вниманье,
 Недвижно въ темнопу гледишь...
 Все мрачно, мерзкое молчанье!
 Лишь сердца слышишь пререшанье...
 И мнишь... шепчетъ пищина;
 Идуть — идуть къ ея постелѣ;
 Въ подушки прячется княжна —
 И вдругъ... о спрахъ!... и въ самомъ дѣлѣ
 Раздался шумъ; озарена
 Мгновеннымъ блескомъ пѣла ночная,
 Мгновенно дверь отворена;
 Безмолвно, гордо выступая,
 Нагими саблями сверкая,
 Араповъ длинный рядъ идетъ
 Попарно, чинно, сколь возможно,
 И на подушкахъ оспорожно
 Стѣдую бороду несетъ;
 И входитъ съ важностью за нею,
 Подъавъ величественно шею,
 Горбатый карликъ изъ дверей:
 Его-то головѣ обрышпой,

Высокимъ колпакомъ крышкой
 Принадлежала борода.
 Ужь онъ приближился: погда
 Княжна съ постели соскочила,
 Съдаго карлу за колпакъ
 Рукою быспрой ухватила,
 Дрожащій занесла кулакъ,
 И въ спрахъ завизжала шакъ,
 Чпо всѣхъ Араповъ оглушила.
 Трепеща, скорчился бѣднякъ,
 Княжны испуганной блѣднѣ;
 Зажавши уши поскорѣ,
 Хопѣлъ бѣжапъ, но въ бородѣ
 Запупался, упалъ и бѣпся;
 Вспаептъ, упалъ; въ шакой бѣдѣ
 Араповъ черный рой мяпешся;
 Шумяптъ, полкаюпся, бѣгуптъ,
 Хватаюптъ колдуна въ охапку,
 И вонъ распупываптъ несуптъ,
 Оспавя у Людмилы шапку.

Но чпо-то добрый випязъ нашъ?
 Вы помнипе ль неждану вспрѣчу?
 Берн свой быспрый карандашъ,

Рисуи, Орловскій, ночь и сѣчу!
 При свѣтѣ прелепномъ луны,
 Сразились выпязи жеспoko;
 Сердца ихъ гнѣвомъ спѣснены,
 Ужъ копья брошены далѣко,
 Уже мечи раздроблены,
 Кольчуги кровію покрыпы,
 Щипы прещапъ, въ куски разбины...
 Они схвапились на коняхъ;
 Взрывая къ небу черный прахъ,
 Подъ ними борзы кони бьются;
 Борцы, недвижно сплещены,
 Другъ друга списнувъ, остаются,
 Какъ бы къ сѣдлу пригвождены;
 Ихъ члены злобой сведены;
 Переплелись и коспенѣютъ;
 По жиламъ быспрыи огонь бѣжитъ;
 На вражьей груди грудь дрожитъ —
 И вопъ колеблется, слабѣютъ —
 Кому-то пасъ... вдругъ выпязь мой,
 Вскипѣвъ, желѣзною рукой
 Съ сѣдла наѣздника срываетъ,
 Подъемлетъ, держитъ надъ собой
 И въ волны съ берега бросаетъ.

Погибни! грозно восклицаетъ;
Умри, зависникъ злобный мой!

Ты догадался, мой чипапель,
Съ кѣмъ бился доблестный Русланъ:
То былъ кровавыхъ бишеть искапель,
Рогдай, надежда Кіевлянъ,
Людмилы мрачный обожатпель.
Онъ вдоль Днѣпровскихъ береговъ
Искалъ соперника слѣдовъ;
Нашель, наспигъ, но прежня сила
Пшпомцу бишвы измѣнила,
И Руси древній удалецъ
Въ пуспынѣ свой нашель конецъ.
И слышно было, что Рогдая
Тѣхъ водъ Русалка молодая
На хладны перси приняла,
И, жадно выпязя лобзая,
На дно со смѣхомъ увлекла,
И долго послѣ, ночью шѣмной,
Бродя близъ шшихъ береговъ,
Богашыря призракъ огромной
Пугалъ пуспынныхъ рыбаковъ.

ПѢСНЬ ТРЕТІЯ.

Напрасно вы въ пѣни пѣтались
Для мирныхъ, счастливыхъ друзей,
Спиши мои! Вы не сокрылись
Отъ гнѣвныхъ зависпи очей.
Ужъ блѣдный крипикъ, ей въ услугу,
Вопросъ мнѣ сдѣлать роковой:
Зачѣмъ Русланову подругу,
Какъ бы на смѣхъ ея супругу,
Зову и дѣвой и кнѣжной?
Ты видишь, добрый мой чипапель,
Тупъ злобу черную печась!
Скажи, Зоилъ, скажи, предапель,
Ну какъ и что мнѣ опивчась?
Краснѣй, несчастный, Богъ съ побою!
Краснѣй, я спорить не хочу;
Довольный пѣмъ, что правъ душою,
Въ смиренной кропоспи молчу.
Но пы поймешь меня, Климена,
Попушишь помные глаза
Ты, жершва скучнаго Гимена...

Я вижу: тайная слеза
 Падетъ на спихъ мой, сердцу вняпный;
 Ты покраснѣла, взоръ погасъ;
 Вдохнула, молча . . . вздохъ поняпный!
 Ревнивецъ: бойся, близокъ часъ;
 Амуръ съ Досадою своенравной
 Вспунили въ смѣлый заговоръ,
 И для главы пвоей безславной
 Гоповъ ужъ мспщпельный уборъ.

Ужъ упро хладное сіяло
 На племени полнощныхъ горъ;
 Но въ дивномъ замкѣ все молчало.
 Въ досадѣ скрыпой Черноморъ,
 Безъ шапки въ упреннемъ халапѣ,
 Зѣвалъ сердипо на кровати.
 Вокругъ брады его сѣдой
 Рабы полпились молчаливы,
 И нѣжно гребень коспяной
 Разчесывалъ ея извивы;
 Межъ пѣмъ, для пользы и красоты,
 На безконечные усы
 Лились воспочны аромашы,
 И кудри хшпрые вились;

Какъ вдругъ, откуда ни возмись,
 Въ окно влепаесть змій крылатый:
 Гремя желѣзной чешуёй,
 Онъ въ кольца быспрыя согнулся,
 И вдругъ Нанной обернулся
 Предъ изумленною толпой.
 «Привѣспивую тебѣ, сказала,
 Собратъ, издавна чпимой мной!
 Досель я Черномора знала
 Одною громкою молвой;
 Но пайный рокъ соединяесть
 Теперь насъ общею враждой;
 Тебѣ опасноссть угрожаесть,
 Нависла пуча надъ побой;
 И голосъ оскорбленной чеспы
 Меня къ опмщенію зовесть.»

Со взоромъ, полнымъ хипрой леспы,
 Ей карла руку подаесть,
 Въщая: «дивная Нанна!
 Миѣ драгоцѣненъ пивой союзъ.
 Мы посраимъ коварспво Фина;
 Но мрачныхъ козней не боюсь:
 Пропивинкъ слабый миѣ не спрашенъ;

Узнай чудесный жребій мой:
 Сей благодапною бородой
 Недаромъ Черноморъ украшенъ.
 Доколь власовъ ея сѣдыхъ
 Враждебный мечъ не перерубитъ,
 Никпо изъ выпязей лихихъ,
 Никпо изъ смерпныхъ не погубитъ
 Малѣйшихъ замысловъ моихъ;
 Моею будетъ вѣкъ Людмила,
 Русланъ же гробу обречёнъ!»
 И мрачно вѣдма повпорила:
 « Погибнетъ онъ! погибнетъ онъ!»
 Попомъ при раза прошпѣла;
 Три раза пошнула ногой,
 И чернымъ зміемъ улепѣла.

Блиспая въ ризѣ парчевой,
 Колдунъ, колдуньей ободренной,
 Развеселясь; рѣшился вновь
 Неспи къ ногамъ дѣвицы плѣнной
 Усы, покорноспись и любовь.
 Разряженъ карликъ бородапый,
 Опяпъ идепъ въ ея палаты;
 Проходишпъ длинный комнапъ рядъ:

Княжны въ нихъ нѣтъ. Онъ далѣ въ садѣ,
 Въ лавровый лѣсъ, къ рѣшепкѣ сада,
 Вдоль озера, вкругъ водопада,
 Подъ моспики, въ бесѣдки... нѣтъ!
 Княжна ушла, пропала и слѣдъ!
 Кто выразишь его смущенье,
 И ревъ, и пренепъ испуменья!
 Съ досады дня не взвидѣлъ онъ.
 Раздался карлы дикій спонъ:
 «Сюда, невольники, бѣгите!
 Сюда, надѣюсь я на васъ!
 Сей часъ Людмилу мнѣ сыщигте!
 Скорѣе, слышигте ль? сей часъ!
 Не по — шупигте вы со мною —
 Всѣхъ удавлю васъ бородою!»

Чшпатель, расскажу ль тебѣ
 Куда красавица дѣвалась!
 Всю ночь она своей судьбѣ
 Въ слезахъ дивилась и — смѣялась.
 Ее пугала борода,
 Но Черноморъ ужъ былъ извѣстенъ,
 И былъ смѣшонъ, а никогда
 Со смѣхомъ ужасъ несовмѣстенъ.

Навстрѣчу упревшимъ лучамъ
 Поспѣль оставила Людмила,
 И взоръ невольный обратила
 Къ высокимъ, чистымъ зеркаламъ;
 Невольно кудри золотые
 Съ лилейныхъ плечъ приподняла;
 Невольно волосы густые
 Рукой небрежной зашела;
 Свои вчерашніе наряды
 Нечаянно въ углу нашла;
 Вздохнувъ, одѣлась и съ досады
 Тихонько плакать начала;
 Однако съ вѣрнаго спекла
 Вздыхая не сводила зора,
 И дѣвицѣ пришло на умъ,
 Въ волненіи своенравныхъ думъ,
 Примѣряя шапку Черномора.
 Все шихо, никого здѣсь нѣтъ;
 Никто на дѣвушку не взглянетъ...
 А дѣвушкѣ въ семнадцать лѣтъ
 Какая шапка не приспанетъ!
 Рядишься никогда не лѣтъ!
 Людмила шапкой завернула;
 На брови, прямо, на бекрень,

И задомъ напередъ надѣла.
 И что жъ? о чудо спарыхъ дней!
 Людмила въ зеркалѣ пропала;
 Перевернула — передъ ней
 Людмила прежняя предспала;
 Назадъ надѣла — снова нѣтъ;
 Сияла — и въ зеркалѣ! « Прекрасно!
 Добро, колдунъ, добро мой свѣтъ!
 Теперь мнѣ здѣсь ужъ безопасно;
 Теперь избавлюсь опть хлопотъ! »
 И шапку спараго злодѣя
 Княжна, опть радости краснѣя,
 Надѣла задомъ наперѣдъ.

Но возвратимся же къ герою.
 Не спыдно ль занимапся намъ
 Такъ долго шапкой, бороною,
 Руслана поруча судьбамъ?
 Свершивъ съ Рогдаемъ бой жестокий,
 Проѣхалъ онъ дремучій лѣсъ;
 Предъ нимъ открылся долъ широкій,
 При блескѣ упренныхъ небесъ.
 Трепещетъ вишнякъ по неволѣ:
 Онъ виднѣтъ спарой бывшей поле.

Вдали все пусто; здѣсь и памѣ
 Желтѣютъ косцы; по холмамъ
 Разбросаны колчаны, лапы;
 Гдѣ збруя, гдѣ заржавый щипъ;
 Въ косцахъ руки здѣсь мечъ лежишь;
 Травой обросъ памѣ шлемъ космачий
 И старый черепъ плѣшетъ въ немъ;
 Богатыря памѣ оставъ цѣлый
 Съ его поверженнымъ конемъ
 Лежишь не движный; копы, спрѣлы
 Въ сырую землю вонзены;
 И мирный плюцъ ихъ обвиваетъ...
 Ничто безмолвной пишины
 Пустыни сей не возмущаетъ,
 И солнце съ ясной вышины
 Долину смерти озаряетъ.

Со вздохомъ выпяжь вкругъ себя
 Взираешь грустными очами.
 «О поле, поле, кто тебя
 Усыялъ мерзвыми косцами?
 Чей борзый конь тебя пощипалъ
 Въ послѣдній часъ кровавой биввы?
 Кто на тебя со-славой палъ?

Чьи небо слышало молитвы;
 За чѣмъ же, поле, смолкло пы
 И поросло правой забвенья?...
 Время опъ вѣчной темноты,
 Быть можетъ, нѣтъ и мнѣ спасенья!
 Быть можетъ, на холмѣ нѣмомъ
 Поспаваятъ тихій гробъ Руслановъ,
 И струны громкія Баяновъ
 Не будутъ говорить о немъ!»

Но вскорѣ вспомнилъ выпязь мой,
 Чпо добрый мечъ герою нуженъ
 И даже панцырь; а герой
 Съ послѣдней битвы безоруженъ.
 Обходишь поле онъ вокругъ;
 Въ кустахъ, среди костей забвенныхъ,
 Въ громадѣ пылющихъ кольчугъ,
 Мечей и шлемовъ раздробленныхъ
 Себѣ доспѣховъ ищетъ онъ.
 Проснулись гуль и степь нѣмая,
 Поднялся въ полѣ прескъ и звонъ;
 Онъ поднялъ щипъ, не выбирая,
 Нашелъ и шлемъ и звонкій рогъ;
 Но лишь меча сыскать не могъ.

Долину брани объѣзжая,
 Онъ видѣть множество мечей,
 Но все легки, да слишкомъ малы,
 А князь красавецъ былъ не вялый,
 Не то, что выпясть нашихъ дней.
 Чѣмъ нибудь играя опъ скуки,
 Копье стальное взялъ онъ въ руки,
 Кольчугу онъ надѣлъ на грудь,
 И далѣе пустился въ путь.

Ужъ поблѣднѣлъ закатъ румяный
 Надъ усыпленную землей;
 Дымятся синія пумы
 И всходитъ мѣсяцъ золотой;
 Померкла спесь. Тропою тѣмной
 Задумчивъ ѣдетъ нашъ Русланъ,
 И видѣтъ: сквозь ночной туманъ
 Вдали чернѣетъ холмъ огромный
 И что-то спрашивное хранитъ.
 Онъ ближе къ холму, ближе — слышитъ:
 Чудесный холмъ какъ будто дышитъ.
 Русланъ внимаетъ и глядитъ
 Безпрепятно, съ покойнымъ духомъ;
 Но, шевеля пугливымъ ухомъ,

Конь упирается, дрожитъ,
 Трясепть упрямой головою,
 И грива дыбомъ поднялась.
 Вдругъ холмъ, безоблачной луною
 Въ шуманѣ блѣдно озарясь,
 Яснѣетъ; смотрипть храбрый князь —
 И чудо видипть предъ собою.
 Найду ли краски и слова?
 Предъ нимъ живая голова.
 Огромны очи сномъ объяпы;
 Храпипть, качая шлемъ пернапый,
 И перья въ темной высопть,
 Какъ пѣни, ходяпть, развѣваясь.
 Въ своей ужасной красопть
 Надъ мрачной степью возвышаясь,
 Безмолвіемъ окружена,
 Пустыни спорожъ безымянной,
 Руслану предспоипть она
 Громадой грозной и шуманной.
 Въ недоумѣнн хочепть онъ
 Тайнспвенный разрушипть сонъ.
 Вблизи осмапривая диво,
 Обѣхалъ голову кругомъ,
 И спалъ предъ носомъ молчаливо;

Щекопипъ ноздри копиѣмъ,
 И, сморцась, голова зѣвнула,
 Глаза открыла и чихнула...
 Поднялся вихоръ, спесь дрогнула,
 Взвилася пыль; съ рѣсницъ, съ усовъ,
 Съ бровей слепѣла спая совъ,
 Проснулись роцѣ молчаливы,
 Чихнуло эхо — конь репивый
 Заржалъ, запрыгалъ, оплелѣлъ,
 Едва самъ выпязь усидѣлъ,
 И вслѣдъ раздался голосъ шумный:
 «Куда пы, выпязь неразумный?
 Спупай назадъ, я не шучу!
 Какъ разъ нахала проглочу!»
 Русланъ съ презрѣньемъ оглянулся,
 Браздами удержалъ коня,
 И съ гордымъ видомъ усмѣхнулся.
 «Чего пы хочешь опъ меня?
 Нахмуясь, голова ескричала.
 «Вопъ госпя мнѣ судьба послала!
 «Послушай, убирайся прочь!
 «Я спать хочу, пеперь ужъ ночь,
 «Прощай!» Но выпязь знаменшпой,
 Услыша грубыя слова,

Воскликнуть съ важностью сердитой:

— Молчи, пустая голова!

Слыхалъ я испину бывало:

Хоть лобъ широкъ, да мозгу мало!

Я ѣду, ѣду, не свищу,

А какъ наѣду, не спущу! —

Тогда, опъ яроепи нѣмѣя,

Спѣснѣнной злобой пламенѣя,

Надулась голова; какъ жаръ,

Кровавы очи засверкали;

Напѣнясь, губы задрожали,

Изъ устъ, ушей поднялся паръ —

И вдругъ она, чпо было мочи,

Навспрѣчу князю спала дуть;

Напрасно конь, зажмуря очи,

Склонивъ главу, напужа грудь,

Сквозь вихоръ, дождь и сумракъ ночи

Невѣрный продолжаетъ путь;

Объятый спрахомъ, ослѣпленный,

Онъ мчнтся вновь, изнеможенный,

Далече въ полѣ опдохнуть.

Вновь обративъсь выпязь хочеть —

Вновь опраженъ, надежды нѣтъ!

А голова ему вослѣдъ,
 Какъ сумасшедшая, хохочетъ,
 Гремить: «ай, выпязь! ай, герой!
 «Куда ты? пище, пише, спой!
 «Эй, выпязь, шею сломишь даромъ;
 «Не прусь, наѣздникъ, и меня
 «Порадуй хопъ однимъ ударомъ,
 «Пока не заморилъ коня.»
 И между тѣмъ она героя
 Дразнила спрашнымъ языкомъ.
 Русланъ, досаду въ сердцѣ кроя,
 Грозить ей молча кошѣмъ,
 Трясаетъ его рукой свободной,
 И, задрожавъ, булатъ холодной
 Вонзился въ дерзостный языкъ.
 И кровь изъ бѣшеннаго зѣва
 Рѣкою побѣжала внизъ.
 Опъ удивленья, боли, гнѣва,
 Въ минувшу дерзости лишась,
 На князя голова глядѣла,
 Желѣзо грызла и блѣднѣла.
 Въ спокойномъ духѣ горячась,
 Такъ иногда средъ нашей сцены
 Плохой шипомецъ Мельпомены,

Внезапнымъ свистомъ оглушить,
 Ужъ ничего не видить онъ,
 Блѣднѣеть, ролю забываетъ,
 Дрожитъ, поникнувъ головой,
 И заикаясь умолкаетъ
 Передъ насмѣшливой полпой.
 Счастливымъ пользуясь мгновеньемъ,
 Къ объятию головѣ смущеньемъ,
 Какъ яспребъ, богатырь лепитъ
 Съ подъяпой, грозною десницей,
 И въ щеку пѣжкой рукавицей
 Съ размаха голову разитъ;
 И спешъ ударомъ огласилась;
 Кругомъ росистая права
 Кровавой пѣной обогрилась,
 И, зашапавшись, голова
 Перевернулась, покапшлась,
 И шлемъ чугунный заспучалъ.
 Тогда на мѣстѣ опустѣломъ
 Мечъ богатырскій засверкалъ.
 Нашъ выпязъ въ препенѣ вессломъ
 Его схватилъ, и къ головѣ
 По окровавленной правѣ
 Бѣжитъ съ намѣренъемъ жестокомъ
 Ей носъ и уши обрубить;

Уже Русланъ готовъ разить,
 Уже взмахнулъ мечемъ широкимъ —
 Вдругъ, изумленный, внемлетъ онъ
 Главы молящей жалкій спонъ...
 И пшико мечъ онъ опускаетъ,
 Въ немъ гнѣвъ свирѣпый умираетъ,
 И мщеніе бурное падетъ
 Въ душѣ, моленьемъ усмиреной:
 Такъ на долину шлетъ ледъ,
 Лучемъ полудня пораженной.

«Ты вразумилъ меня, герой,
 Со вздохомъ голова сказала:
 Твоя десница доказала,
 Чпо я виновенъ предъ побой;
 Опнынѣ я шебѣ послушенъ;
 Но, выпязь, будь великодушень!
 Доспоинѣ плача жребій мой.
 И я былъ выпязь удалой!
 Въ кровавыхъ бипвахъ супоспапа
 Себѣ я равнаго не зрѣлъ;
 Счастливъ, когда бы не имѣлъ
 Соперникомъ меньшаго брата!
 Коварный, злобный Черноморъ,

Ты, пы всѣхъ бѣдъ моихъ виною!
 Семейства нашего позоръ,
 Рожденный карлой, съ бороною,
 Мой дивный роспѣ опѣ юныхъ дней
 Не могъ онъ безъ досады видѣшь,
 И спалъ за по въ душѣ своей
 Меня, жестокий, ненавиждѣшь.
 Я былъ всегда немного проспѣ,
 Хотя высокъ; а сей несчастной,
 Имѣя самый глупый роспѣ,
 Умень какъ бѣсъ — и золь ужасно.
 Припомъ же, знай, къ моей бѣдѣ,
 Въ его чудесной бородѣ
 Тапшя сила роковая,
 И, все на свѣпѣ презирая —
 Доколѣ борода цѣла —
 Измѣнникъ не спрашився зла.
 Вопѣ онъ однажды съ видомъ дружбы,
 Послушай, хипро мнѣ сказалъ,
 Не опикажисъ опѣ важной службы:
 Я въ черныхъ книгахъ опыскалъ,
 Чпо за воспочными горами
 На пшихъ моря берегахъ,
 Въ глухомъ подвалѣ, подѣ замками

Хранился мечъ — и чпо же? страхъ!
 Я разобралъ во пмѣ волшебной,
 Чпо волею судьбы враждебной
 Сей мечъ извѣстенъ будетъ намъ;
 Чпо насъ онъ обоихъ погубитъ:
 Мнѣ бороду мою опрубитъ,
 Тебѣ главу; суди же самъ,
 Сколь важно намъ приобрѣненье
 Сего созданья злыхъ духовъ!
 «Ну, чпо же? гдѣ пунть запрудненье
 Сказалъ я карлъ, я гошовъ;
 Иду, хопъ за предѣлы свѣта.»
 И сосну на плечо взвалилъ,
 А на другое для совѣта
 Злодѣя брапа посадилъ;
 Пуснулся въ дальнюю дорогу,
 Шагаль, шагаль и, слава Богу,
 Какъ бы пророчеству на зло,
 Все счастливо сначала шло.
 За опдаленными горами
 Нашли мы роковой подвалъ;
 Я размепалъ его руками,
 И попаенный мечъ dospалъ.
 Но нѣтъ! судьба того хопѣла:

Межъ нами ссора закипѣла —
 И было, признаюсь, о чемъ!
 Вопросъ: кому владѣть мечемъ?
 Я спорилъ, карма горячился;
 Бранились долго; наконецъ
 Уловку выдумалъ хитрецъ,
 Припихъ и будто бы смягчился.
 — Оспавимъ бесполезный споръ,
 Сказалъ мнѣ важно Черноморъ:
 Мы пѣмъ союзъ нашъ обезславимъ;
 Разсудокъ въ мирѣ жишь велишь;
 Судьбѣ рѣшивъ мы предославимъ,
 Кому сей мечъ принадлежишь.
 Къ землѣ приникнемъ ухомъ оба
 (Чего не выдумаешь злоба!),
 И кпо услышимъ первый звонъ
 Топъ и владѣй мечемъ до гроба. —
 Сказалъ и легъ на землю онъ.
 Я сдуру шакже распянулся;
 Лежу, не слышу ничего,
 Смѣкая: обману его!
 Но самъ жестоко обманулся.
 Злодѣй въ глубокой пинивѣ,
 Привспавъ, на цыпочкахъ ко мнѣ

Подкрался сзади, размахнулся;
 Какъ вихоръ свиснулъ оспрый мечъ,
 И прежде, чѣмъ я оглянулся,
 Ужь голова слепѣла съ плечъ —
 И сверхъестественная сила
 Въ ней жизни духъ оспановила.
 Мой оспавъ пернѣмъ обросъ;
 Вдали, въ спранѣ, людьми забвенной,
 Исплѣлъ мой прахъ непогребенной;
 Но злобный карма перенёсъ
 Меня въ сей край уединенной,
 Гдѣ вѣчно долженъ былъ сперечь
 Тобой сегодня взяпый мечъ.
 Возми его, и Богъ съ побою!
 Быпъ можепъ, на своемъ пупи
 Ты карма-чародѣя вспрѣпнишь —
 Ахъ, если пы его замѣпнишь;
 Коварспву, злобѣ опомспи!
 И наконецъ я счастливъ буду,
 Спокойно мѣръ оспавлю сей —
 И въ благодарноспи моей
 Твою пощечину забуду. »

ПѢСНЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

RECORDS OF THE

Я каждый день, восплавъ опть сна,
Благодарю сердечно Бога
За то, что въ наши времена
Волшебниковъ не пакъ ужъ много.
Къ помуже — чesпъ и слава имъ! —
Женипъбы наши безопасны...
Ихъ замыслы не пакъ ужасны
Мужьямъ, дѣвицамъ молодымъ.
Но еспъ волшебники другіе,
Которыхъ ненавижу я:
Улыбка, очи голубыя
И голосъ милый — о друзья!
Не вѣрыпе имъ: они лукавы!
Спрашипесь, подражая мнѣ,
Ихъ уопипельной оправы,
И почивайпе въ пишипѣ.

Поэзіи чудесный геній,
 Пѣвецъ таинственныхъ видѣній,
 Любви, мечпаній и черпей,
 Могиль и рая вѣрный жителъ,
 И музы вѣтренной моей
 Наперсникъ, пѣсунъ и хранитель!
 Проспи мнѣ, сѣверный Орфей,
 Что въ повѣсти моей забавной
 Теперь вослѣдъ тебѣ лечу,
 И лиру музы своенравной
 Во лжи прелестной обличу.

Друзья мои, вы всѣ слыхали,
 Какъ бѣсу въ древни дни злодѣй
 Предалъ сперва себя съ печали,
 А памѣ и души дочерей;
 Какъ послѣ щедрымъ подаяньемъ
 Молившой, вѣрой, и поспомъ,
 И неприпворнымъ покаяньемъ
 Снискалъ заслупника въ Свяпомъ;
 Какъ умеръ онъ, и какъ заснули
 Его двѣнадцать дочерей:
 И насъ плѣнили, ужаснули
 Карпины тайныхъ сихъ ночей,

Сн чудесныя видѣнья,
 Сей мрачный бѣсъ, сей Божій гнѣвъ,
 Живыя грѣшника мученья
 И прелести непорочныхъ дѣвъ.
 Мы съ ними плакали, бродили
 Вокругъ зубчатыхъ замка стѣнъ,
 И сердцемъ пронупымъ любили
 Ихъ тихій сонъ, ихъ тихій плѣвъ;
 Душой Вадима призывали,
 И пробужденіе зрѣли ихъ,
 И часно инокинь свяпыхъ
 На гробъ опцовскій провожали.
 И чпожъ, возможно ль? . . . намъ солгали!
 Но правду возвѣщу ли я? . . .

Младшій Рагмиръ, направля къ югу
 Неперпѣливый бѣгъ коня,
 Ужъ думалъ предъ закапомъ дня
 Нагнавъ Русланову супругу.
 Но день багряный вечерѣлъ;
 Напрасно випязъ предъ собою
 Въ туманы дальніе смотрѣлъ:
 Все было пусто надъ рѣкою.
 Зари послѣдній лучъ горѣлъ

Надъ ярко-позлащеннымъ боромъ.
 Нашъ выпязь мимо черныхъ скалъ
 Тихонько проѣзжалъ и взоромъ
 Ночлега межъ деревъ искалъ.
 Онъ на долину выѣзжаетъ,
 И видишь: замокъ на скалахъ
 Зубчапы стѣны возвышаетъ;
 Чернѣютъ башни на углахъ;
 И дѣва по стѣнѣ высокой,
 Какъ въ морѣ лебедь одинокой,
 Идетъ, зарей освѣщена;
 И дѣвы пѣснь едва слышна
 Долины въ тишинѣ глубокой.

«Ложился въ полѣ мракъ ночной;
 Опъ волнъ поднялся вѣтеръ хладный.
 Ужъ поздно, пунникъ молодой!
 Укройся въ перемъ нашъ опрадный.

«Здѣсь ночью пѣга и покой,
 А днемъ и шумъ и ширвань.
 Приди на дружное призванье,
 Приди, о пунникъ молодой!

« У насъ найдешъ красавицъ рой;
Ихъ нѣжны рѣчи и лобзанье.
Приди на тайное призванье,
Приди, о пупникъ молодой!

« Тебѣ мы съ упренней зарей
Наполнимъ кубокъ на прощанье.
Приди намирное призванье,
Приди, о пупникъ молодой!

« Ложипся въ полѣ мракъ ночной;
Ошъ волнъ поднялся вѣперъ хладный.
Ужъ поздно, пупникъ молодой!
Укройся въ шеремъ нашъ опрадный. »

Она манишь, она поётъ:
И юный ханъ ужъ подъ спѣною;
Его встрѣчаютъ у ворогъ
Дѣвицы красныя полною;
При шумѣ ласковыхъ рѣчей
Онъ окруженъ; съ него не сводятъ
Онѣ плѣнительныхъ очей;
Двѣ дѣвицы коня уводятъ;
Въ черпоги входятъ ханъ молодой,

За нимъ опшельницъ милыхъ рой;
 Одна снимаетъ шлемъ крылатый,
 Другая кованыя лапы,
 Та мечъ беретъ, та пыльный щитъ;
 Одежда нѣги замѣнитъ
 Желѣзные доспѣхи брани.
 Но прежде юношу ведутъ
 Къ великолѣпной Руской бани.
 Ужъ воды дымныя шекунтъ
 Въ ея серебряные чаны,
 И брызжутъ хладные фонпаны;
 Разоспавъ роскошью ковѣръ;
 На немъ успалый ханъ ложился;
 Прозрачный паръ надъ нимъ клубился;
 Попупя нѣги полный взоръ,
 Прелестныя, полунагія,
 Въ заботѣ нѣжной и нѣмой,
 Вкругъ хана дѣвы молодыя
 Тѣснятся рѣзвою толпой,
 Надъ рыцаремъ иная машетъ
 Въпывами молодыхъ берёзъ,
 И жаръ опъ нихъ душистый пашетъ;
 Другая сокомъ вешнихъ розъ
 Успалы члены прохлаждаетъ,

И въ аромапахъ попоплясѣтъ
 Темнокудрявые волосы.
 Воспоргомъ выпязь упоенной
 Уже забытъ Людмилы плѣнной
 Недавно милоя красы;
 Томился сладоспнымъ желаньемъ;
 Бродящій взоръ его блеспитъ,
 И, полный спраспнымъ ожиданьемъ,
 Онъ пласѣтъ сердцемъ, онъ горитъ.

Но вопъ выходитъ онъ изъ бани.
 Одыпый въ бархатныя шкани,
 Въ кругу прелеспныхъ дѣвъ, Рапмръ
 Садился за богатый пиръ.
 Я не Омеръ: въ спихахъ высокихъ
 Онъ можетъ воспѣвать одинъ
 Обѣды Греческихъ дружинъ
 И звонъ и пѣну чашъ глубокихъ.
 Милѣ, по слѣдамъ Парни,
 Мнѣ славить лирою небрежной
 И нагошу въ ночной пѣни,
 И поцѣлуй любви пѣжной!
 Луною замокъ озарѣнъ;
 Я вижу перемъ опдаленный,

Гдѣ выпязь помный, воспаленный
 Вкушаетъ одинокій сонъ;
 Его чело, его ланины
 Мгновеннымъ пламенемъ горятъ;
 Его уста полуоткрыты
 Лобзанье пайное, маятъ;
 Онъ спрашно, медленно вздыхаетъ,
 Онъ видитъ ихъ — и въ пыломъ снѣ
 Покровы къ сердцу прижимаетъ.
 Но воптъ въ глубокой пещинѣ
 Дверь опворилась; полъ ревнивой
 Скрипитъ подъ ножкой порошливой,
 И при серебряной лунѣ
 Мелькнула дѣва. Сны крылашы,
 Сокройпесь, оплеппине прочь!
 Проснись — пвоя наспала ночь!
 Проснись — дорогъ мигъ упраны!...
 Она подходитъ, онъ лежитъ,
 И въ сладоспратной нѣгѣ дремлетъ;
 Покровъ его съ одра скользитъ,
 И жаркій пухъ чело объемлетъ.
 Въ молчаньи дѣва передъ нимъ
 Споитъ недвижно, бездыханна,
 Какъ лицемѣрная Діана
 Предъ мильмъ наспыремъ своимъ;

И воптъ она, на ложе Хана
 Колѣномъ опершись однимъ,
 Вздохнувъ, лице къ нему склоняетъ
 Съ помленьемъ, съ прелепомъ живымъ,
 И сонъ счастливица прерывае
 Лобзаньемъ спрашнымъ и нѣмымъ...

Но, други, дѣвственная лира
 Умолкла подъ моей рукой;
 Слабѣетъ робкій голосъ мой —
 Оспавимъ юнаго Рагмира;
 Не смѣю пѣсней продолжати:
 Русланъ насъ долженъ занимати,
 Русланъ, сей вѣпязь безпримѣрный,
 Въ душѣ герой, любовникъ вѣрный.
 Упорнымъ боемъ упомянь,
 Подъ богатырской головою
 Онъ сладоспный вкушаетъ сонъ.
 Но воптъ ужъ раннею зарёю
 Сіаетъ пихій небосклонъ;
 Все ясно; ухра лучъ игривый
 Главы космашый лобъ заащитъ.
 Русланъ вспааетъ, и конь респивый
 Ужъ вѣпязя спрѣлою мчитъ.

И дни бѣгутъ; желтѣютъ нивы;
 Съ деревь спадаетъ дряхлый листъ;
 Въ лѣсахъ осенній вѣпра свисъ
 Пѣвицъ пернатыхъ заглушаетъ;
 Тяжелый, пасмурный шуманъ
 Нагіе холмы обвиваетъ;
 Зима приближилась — Русланъ
 Свой путь отважно продолжаетъ
 На дальній сѣверъ; съ каждымъ днемъ
 Преграды новыя встрѣчаетъ:
 То бѣгуща онъ съ богатыремъ,
 То съ вѣдьмою, то съ великаномъ,
 То лунной ночью видитъ онъ,
 Какъ будто сквозь волшебный сонъ,
 Окружены сѣдымъ шуманомъ,
 Русалки, пиho на вѣпвахъ
 Качаясь, виписязь младаго
 Съ улыбкой хитрой на устахъ
 Манятъ, не говоря ни слова...
 Но пайнымъ промысломъ хранимъ,
 Безспрашный виписязь невредимъ;
 Въ его душѣ желанье дремлетъ,
 Онъ ихъ не видитъ, имъ не внемлетъ,
 Одна Людмила всюду съ нимъ.

Но между тѣмъ, никѣмъ незрима,
 Опѣ нападеній колдуна
 Волшебной шапкою хранима,
 Чпо дѣлаесть моя княжна,
 Моя прекрасная Людмила?
 Она, безмолвна и уныла,
 Одна гуляесть по садамъ,
 О другѣ мыслишь и вздыхаесть,
 Иль, волю давъ своимъ мечшамъ,
 Къ родимымъ Кіевскимъ полямъ
 Въ забвеньи сердца улепаетъ;
 Опца и брашневъ обнимаесть,
 Подружекъ видишь молодыхъ
 И старыхъ мамушекъ своихъ —
 Забыты плѣнь и разлученье!
 Но вскорѣ бѣдная княжна
 Свое перяесть заблужденье,
 И вновь уныла и одна.
 Рабы влюбленнаго злодѣя,
 И день и ночь, сидѣшь не смѣя,
 Межъ тѣмъ по замку, по садамъ
 Прелестной плѣнницы искали,
 Метались, громко призывали,
 Однако все попускакамъ.

Людмила ими забавлялась:
 Въ волшебныхъ рощахъ иногда
 Безъ шапки вдругъ она являлась,
 И кликала: сюда, сюда!
 И всё бросалась къ ней поспорою;
 Но въ спороу — незрима вдругъ —
 Она неслышною споорою
 Опть хищныхъ убѣгала рукъ.
 Вездѣ всечасно замѣчали
 Ея минувныя слѣды:
 То позлащенные плоды
 На шумныхъ вѣпвахъ исчезали,
 То капли ключевой воды
 На лугъ измятый упадали:
 Тогда навѣрно въ замкѣ знали
 Чпо пьепть иль кушаетъ княжна.
 На вѣпвахъ кедра иль березы
 Скрываясь по ночамъ, она
 Минувнаго искала сна —
 Но только прошивала слезы,
 Звала супруга и покой,
 Томила грустью и зѣвопой,
 И рѣдко, рѣдко предъ зарей,
 Склонясь ко древу головой,

Дремала понкою дремопой;
 Едва рѣдѣла ночи мгла,
 Людмила къ водопаду шла
 Умыпсья хладною спруєю:
 Самъ карла упренней порою
 Однажды видѣлъ изъ палатъ,
 Какъ подъ невидимой рукою
 Плескалъ и брызгалъ водопадъ.
 Съ своей обычною поскою
 До новой ночи, здѣсь и шамъ,
 Она бродила по садамъ;
 Нерѣдко подъ вечеръ слыхали
 Ея пріяпный голосокъ;
 Нерѣдко въ роуцахъ поднимали 465
 Иль ею брошенный вѣнокъ,
 Или клочки Персидской шали,
 Или заплаканной плапокъ.

Жестюкою спраспью уязвленый,
 Досадою, злобой омраченный,
 Колдунъ рѣшшился наконецъ
 Поймапъ Людмилу непремѣнно.
 Такъ Лемноса хромый кузнецъ,
 Пріавъ супружескій вѣнецъ

Изъ рукъ прелестной Циперей,
 Раскинулъ съпъ ея красамъ,
 Открывъ насмѣшливымъ богамъ
 Кириды нѣжныя запѣи...

Скучая, бѣдная княжна
 Въ прохладѣ мраморной бесѣдки
 Сидѣла тихо близъ окна,
 И сквозь колеблемыя вѣпки
 Смотрѣла на цвѣтущій лугъ.
 Вдругъ слышншь — кличущъ: «милый другъ!»
 И видншь вѣрнаго Руслана.
 Его черпы, походка, спанъ;
 Но блѣденъ онъ, въ очахъ туманъ
 И на бедрѣ живая рана —
 Въ ней сердце дрогнуло. «Русланъ!
 Русланъ!... онъ почно!» И спрѣлою
 Къ супругу плѣнница лепншь,
 Въ слезахъ, препенца, говорншь:
 «Ты здѣсь... ты раненъ... чпо съ тобою?»
 Уже dospнгла, обняла:
 О ужасъ... призракъ исчеаепъ!
 Княжна въ сѣпяхъ; съ ея чела
 На землю шапка упадепъ.

Хладѣя, слышнпть грозный крикъ:
 «Она моя!» и въ попь же мигъ
 Зрнпть кождуна передъ очами.
 Раздался дѣвы жалкій спонъ,
 Падеть безъ чувствъ — и дивный сонъ
 Объялъ несчастную крылами.

Что будетъ съ бѣдною княжной!
 О спрашнпый видъ: волшебникъ хилый
 Ласкаетъ дерзоспной рукой
 Младья прелеспи Людмилы!
 Уже ли счастливъ будетъ онъ?
 Чу... вдругъ раздался рога звонъ,
 И кто-то карлу вызываетъ.
 Въ смяпении, блѣдный чародѣй
 На дѣву шапку надѣваетъ;
 Трубятъ оняпъ; звучнѣй, звучнѣй!
 И онъ лепнптъ къ безвѣспной встрѣчѣ,
 Закинувъ бороду за плечи.

ПѢСНЬ ПЯТАЯ.

Ахъ, какъ мила моя княжна!
Мнѣ нравъ ся всего дороже:
Она чувствительна, скромна,
Любви супружеской вѣрна,
Немного вѣпрена... пакъ чпоже?
Еще милѣ пѣмъ она.
Всечасно прелестію новой
Умѣетъ насъ она плѣнить;
Скажице: можно ли сравнить
Ее съ Дельфиною суровой?
Одной — судьба послала даръ
Обворожающа сердца и взоры;
Ея улыбка, разговоры
Во мнѣ любви раждають жаръ.
А па — подъ юпкою гусаръ,
Лишь дайце ей усы да шпоры!
Блаженъ, кого подъ вечерокъ
Въ уединенный уголокъ
Моя Людмила поджидаетъ
И другомъ сердца назовѣтъ:

Но, вѣрьте мнѣ, блаженъ и поппъ,
 Кпо опть Дельфиры убѣгаешъ
 И даже съ нею незнакомъ.
 Да впрочемъ дѣло не о помъ!
 Но кпо прубилъ? Кпо чародѣя
 На съчу грозну вызывалъ?
 Кпо кодуна перепугалъ?
 Русланъ. Онъ, меспью пламенѣя,
 Доспигъ обипеап злодѣя.
 Ужъ выпязъ подъ горой спояптъ,
 Призывный рогъ, какъ буря, воептъ,
 Неперпѣливый конь кишиптъ
 И снѣтъ копыпомъ мочнымъ роептъ.
 Князь карлу ждептъ. Внезапно онъ
 По шлему крѣпкому спальнойму
 Рукой незримой пораженъ;
 Ударъ упалъ подобно грому;
 Русланъ подьемлептъ смущный взоръ,
 И видиптъ — прямо надъ главою —
 Съ подъяпой, спрашной булавою
 Летаешъ карла Черноморъ.
 Щипомъ покрывшись, онъ нагнулся,
 Мечемъ попрясъ и замахнулся;
 Но поппъ взвился подъ облака;

Намигъ исчезъ — и свысока
 Шумя ленивъ на князя снова,
 Проворный выпязь оплентѣтъ,
 И въ снѣгъ съ размаха роковаго
 Колдунъ упалъ — да шамъ и сѣлъ;
 Русланъ, не говоря ни слова,
 Съ коня долой, къ нему спѣшишь,
 Поймалъ, за бороду хвапаешъ,
 Волшебникъ силенъ, кряхтитъ,
 И вдругъ съ Русланомъ улебаешъ...
 Решивый конь во слѣдъ глядишь;
 Уже колдунъ подъ облаками;
 На бородѣ герой виситъ;
 Лепяшъ надъ мрачными лѣсами,
 Лепяшъ надъ дикими горами,
 Лепяшъ надъ бездною морской;
 Опъ напряженья коснешъ,
 Русланъ за бороду злодѣя
 Упорной держишь рукой.
 Межъ тѣмъ, на воздухъ слабѣя
 И силъ Руской изумясь,
 Волшебникъ гордому Руслану
 Коварно молвишь: слушай, князь!
 Тебѣ вредить я переслану;

Младое мужесство любя,
 Забуду все, прощу тебя,
 Спущусь — но только съ уговоромъ...
 «Молчи, коварный чародѣй!
 Прервалъ нашъ выпязь: съ Черноморомъ,
 Съ мучицею жены своей,
 Русланъ не знаетъ договора!
 Сей грозный мечъ накажетъ вора.
 Лепи хопъ до ночной звѣзды,
 А будь тебѣ безъ бороды!»
 Боязнь объемлетъ Черномора;
 Въ досадѣ, въ горести нѣмой,
 Напрасно длинной бородой
 Успавшій карла попрясаетъ:
 Русланъ ея не выпускаетъ
 И щиплетъ волосы порой.
 Два дни колдунъ героя носитъ,
 На претѣи онъ пощады проситъ:
 «О рыцарь, сжался надо мной;
 Едва дышу; нѣтъ мочи болѣ;
 Оставь мнѣ жизнь, въ пивоей я волѣ;
 Скажи — спущусь, куда велишь...»
 — Теперь ты нашъ: ага, дрожишь!

Смирись, покорствуй Руской силѣ!

Неси меня къ моей Людмилѣ. —

Смиренно внемлетъ Черноморъ;
 Домой онъ съ выпяземъ пущиися;
 Лепишь — и мигомъ очутился
 Среди своихъ ужасныхъ горъ.
 Тогда Русланъ одной рукою
 Взялъ мечъ сраженной головы,
 И, бороду схвативъ другою,
 Опсѣкъ ее, какъ горспъ правы.
 «Знай нашихъ! молвилъ онъ жестоко,
 Чпо, хищникъ, гдѣ пвоя краса?
 Гдѣ сила?» и на шлемъ высокой
 Сѣдые вяжетъ волоса;
 Свисля зоветъ коня лихаго;
 Веселый конь лепишь и ржетъ;
 Нашъ выпязь карлу чупъ живаго
 Въ копомку за сѣдло кладетъ,
 А самъ, боясь мгновенья прапы,
 Слѣвшишь на верхъ горы крупной,
 Доспигъ, и съ радоспной душой
 Лепишь въ волшебныя палаты.
 Вдали завидя шлемъ брадапый,

Залогъ побѣды роковой,
 Предъ нимъ Араповъ чудный рой,
 Толпы невольницъ бояливыхъ,
 Какъ призраки, со всѣхъ споронъ
 Бѣгутъ — и скрылись. Ходитъ онъ
 Одинъ средъ храминъ горделивыхъ,
 Супругу милую зоветь —
 Лишь эхо сводовъ молчаливыхъ
 Руслану голосъ подаетъ;
 Въ волненьи чувствъ неперѣливыхъ
 Онъ отворяетъ двери въ садъ —
 Идетъ, идетъ — и не находитъ;
 Кругомъ смущенный взоръ обводитъ —
 Все мертво: рошцы молчатъ,
 Бесѣдки пусты; на спремнинахъ,
 Вдоль береговъ ручья, въ долинахъ,
 Нигдѣ Людмилы слѣду нѣтъ,
 И ухо ничего не внемлетъ.
 Внезапный князя хладъ объемлетъ,
 Въ очахъ его шепчутъ свѣтъ,
 Въ умѣ возникли мрачны думы...
 «Быль можетъ, горесль... плѣнь угрюмый...
 «Минуша... волны...» Въ сихъ мечпахъ
 Онъ погруженъ. Съ нѣмой поскою

Поникнулъ выпязь головою;
 Его поминъ невольный спрахъ;
 Недвижимъ онъ, какъ мерпвѣй камень;
 Мрачнѣлся разумъ; дикій пламень
 И ядъ опчаянной любви
 Уже пекуть въ его крови.
 Казалось — пѣнь княжны прекрасной
 Коснулась прелепнымъ ушамъ...
 И вдругъ, несповѣй, ужасной,
 Спремнѣлся выпязь по садамъ;
 Людмилу съ воплемъ призываеиъ,
 Съ холмовъ упесы опрываетъ,
 Все рушииъ, все крушииъ мечемъ —
 Бесѣдки, роици упадаюиъ,
 Древа, мосны въ волнахъ ныряюиъ,
 Снепь обнажаеиъся кругомъ!
 Далеко гулы повпоряюиъ
 И ревъ, и прескъ, и шумъ, и громъ;
 Повсюду мечъ звенииъ и свищеиъ,
 Прелесный край опускаеиъ —
 Безумный выпязь жершвы ищеиъ,
 Съ размаха вправо, влѣво онъ
 Пустынный воздухъ разсѣкаетъ...
 И вдругъ — нечаянный ударъ

Съ княжны невидимой сбиваетъ
 Прощальный Черномора даръ...
 Волшебства вмигъ исчезла сила:
 Въ сѣняхъ открылася Людмила!
 Не вѣря самъ своимъ очамъ,
 Нежданнымъ счастьемъ упоенной,
 Нашъ випязь падаетъ къ ногамъ
 Подруги вѣрной, незабвенной,
 Цѣлуетъ руки, сѣши рветъ,
 Любви, воспорга слезы льетъ,
 Зоветъ ее — но дѣва дремлетъ,
 Сомкнушы очи и успа,
 И сладоспращная мечпа
 Младую грудь ея подьмлетъ.
 Русланъ съ нея не сводитъ глазъ,
 Его перзаеетъ вновь кручина...
 Но вдругъ знакомый слышитъ гласъ,
 Гласъ добродѣтельного Финна:

«Мужайся, князь! Въ обратный путь
 Спущай со спящею Людмилой;
 Наполни сердце новой силой,
 Любви и чести вѣренъ будь.
 Небесный громъ на злобу грянетъ,

И воцарился пищина —
 И въ свѣтлѣ Кіевѣ княжна
 Передъ Владиміромъ возстанешъ
 Опъ очарованнаго сва.»

Русланъ, симъ гласомъ оживленной,
 Берешъ въ объятія жену,
 И пыхо съ ношей драгоцѣнной
 Опъ оспавляешъ вышину,
 И сходитъ въ доль уединенной.

Въ молчаньи, съ карлой за сѣдомъ,
 Поѣхалъ онъ своимъ пунѣмъ;
 Въ его рукахъ лежишь Людмила,
 Свѣжа, какъ вешняя заря,
 И на плечо богатыря
 Лице спокойное склонила.
 Власами, свислыми въ кольцо,
 Пустынный вѣперокъ играешъ;
 Какъ часпо грудь ея вздыхаешъ!
 Какъ часпо тихое лицо
 Мгновенной розою пылаешъ!
 Любовь и пайная мечпа
 Руслановъ образъ ей приносяшъ,

И съ помнымъ шопопомъ успа:
 Супруга имя произносятъ...
 Въ забвенны сладкомъ ловиптъ онъ.
 Ея волшебное дыханье,
 Улыбку, слезы, нѣжный спонъ
 И сонныхъ персей волнованье...

Межъ цѣмъ, по доламъ, по горамъ,
 И въ бѣлый день, и по ночамъ,
 Нашъ выпязъ ѣдесть непреспанно.
 Еще далекъ предѣлъ желанной,
 А дѣва спитъ. Но юный князь,
 Безплоднымъ пламенемъ шомясь,
 Уже ль, спрадалецъ поспоянной,
 Супругу только спорожилъ,
 И въ цѣломудренномъ мечпаньѣ,
 Смиривъ нескромное желанье,
 Свое блаженство находилъ?
 Монахъ, копорый сохранилъ
 Попомству вѣрное преданье
 О славномъ выпязѣ моёмъ,
 Нашъ увѣряетъ смѣло въ шомъ:
 И вѣрю я! Безъ раздѣленья
 Увылы, грубы наслажденья:

Мы прямо счастливы вдвоёмъ.
 Паспушки, сонъ княжны прелестной
 Не походилъ на ваши сны,
 Порой помпезной весны,
 На муравъ, въ тѣни древесной.
 Я помню маленькой лужокъ
 Среди березовой дубравы,
 Я помню темной вечерокъ,
 Я помню Лиды сонъ лукавый...
 Ахъ, первый поцѣлуй любви
 Дрожащій, легкій, порошковой
 Не разогналъ, друзья мои,
 Ея дремоты пергѣливой...
 Но полно, я болтаю вздоръ!
 Къ чему любви воспоминанье?
 Ея ушѣха и спраданье
 Забыты мною съ давнихъ поръ;
 Теперь влекутъ мое вниманье
 Княжна, Русланъ и Черноморъ.

Предъ ними спелется равнина,
 Гдѣ ели изрѣдка взошли;
 И грознаго холма вдали
 Чернѣетъ круглая вершина

Небесъ на яркой синевѣ,
 Русланъ глядитъ — и догадался,
 Чшо подъѣзжаетъ къ головѣ;
 Быстрѣе борзый конь помчался;
 Ужъ видно чудо изъ чудесъ;
 Она глядитъ недвижнымъ окомъ;
 Власы ея какъ черный лѣсъ,
 Поросшій на челѣ высокомъ;
 Ланиты жизни лишены;
 Свинцовой блѣдноспью покрыты,
 Уста огромныя опкрыты,
 Огромны зубы спѣснены...
 Надъ полумертвой головою
 Последній день ужъ пыгопѣлъ.
 Къ ней храбрый выпязь прилепѣлъ
 Съ Людмилой, съ карлой за спиною.
 Онъ крикнулъ: « здравствуй, голова!
 « Я здѣсь! наказанъ пшвой измѣнникъ!
 « Гляди: воптъ онъ, злодѣй нашъ плѣнникъ! »
 И князя гордыя слова
 Ее внезапно оживили,
 Намигъ въ ней чувство разбудили,
 Очнулась будпо опо сна,
 Взглянула, спрашно заспонала...

Узнала випязя она,
 И брапа съ ужасомъ узнала:
 На дулись ноздри; на щекахъ
 Багровый огонь еще родился,
 И въ умирающихъ глазахъ
 Последний гнѣвъ изобразился.
 Въ смяпены, въ бѣшенствѣ нѣмомъ
 Она зубами скрежешала,
 И брапу хладнымъ языкомъ
 Укоръ невнятный лепешала...
 Уже ея въ погѣ самый часъ
 Кончалось долгое спраданье:
 Чела мгновенный пламень гасъ,
 Слабѣло пияжкое дыханье,
 Огромный закапился взоръ,
 И вскорѣ князь и Черноморъ
 Узрѣли смерти содроганье...
 Она почла вѣчнымъ сномъ.
 Въ молчаньи випязь удалися;
 Дрожащій кармикъ за сѣдомъ
 Не смѣлъ дышашъ, не шевелился,
 И черно книжнымъ языкомъ
 Усердно демонамъ молился.

На склонѣ темныхъ береговъ
 Какой-то рѣчки безымянной,
 Въ прохладномъ сумракѣ лѣсовъ,
 Споютъ поникшей хапы кровь,
 Густыми соснами вѣнчанной.
 Въ печени медленномъ рѣка
 Вблизи плесень изъ проспектика
 Волною сонной омывала,
 И вокругъ него едва журчала
 При легкомъ шумѣ вѣтерка.
 Долина въ сихъ мѣстахъ падалась,
 Уединенна и темна;
 И память, казалось, пишища
 Съ начала міра воцарилась.
 Русланъ оспановилъ коня.
 Все было тихо, безмятежно;
 Опять разсвѣтающаго дня
 Долина съ рощею прибрежной
 Сквозь упренный сіяла дымъ.
 Русланъ на дугъ жену слагаетъ,
 Садится близъ нея, вздыхаетъ
 Съ уныньемъ сладкимъ и нѣмымъ;
 И вдругъ онъ видитъ предъ собою
 Смиранный парусъ челнока,

И слышишь пѣсню рыбака
 Надъ пихоструйною рѣкою.
 Раскинувъ неводъ по волнамъ,
 Рыбакъ, на весла наклоненной,
 Плышетъ къ лѣсиспытъ берегамъ,
 Къ порогу хижины смиренной.
 И видишь добрый князь Русланъ:
 Челнокъ ко берегу приплываетъ;
 Изъ темной хапы выбѣгаетъ
 Младая дѣва; спройный спанъ,
 Власы, небрежно распущенны,
 Улыбка, пихій взоръ очей,
 И грудь, и плечи обнаженны,
 Все мило, все плѣняетъ въ ней.
 И вопъ они, обнявъ другъ друга,
 Садятся у прохладныхъ водъ,
 И часъ безпечнаго досуга
 Для нихъ съ любовью наспаѣтъ.
 Но въ изумленн молчаливомъ
 Кого же въ рыбака счастливомъ
 Нашъ юный вицязъ узнаѣтъ?
 Хазарскій ханъ, избранный славой,
 Рапмиръ, въ любви, въ войнѣ кровавой
 Его соперникъ молодой,

Раппмиръ, въ пуспынѣ безмятежной
 Людмилу, славу позабылъ,
 И имъ навѣки измѣнилъ
 Въ обѣщаніяхъ подруги нѣжной.

Герой приближился, и вмигъ
 Опшельникъ узнаетъ Руслана,
 Встаетъ, лепишъ. Раздался крикъ...
 И обнять князь младаго хана.
 Чшо вижу я! спросилъ герой,
 Зачѣмъ ты здѣсь, зачѣмъ оспавилъ
 Тревоги жизни боевой,
 И мечъ, копорый ты прославилъ?
 «Мой другъ, опвѣщивовалъ рыбакъ,
 Душгъ наскучилъ бранной славы
 Пусшой и гибельный призракъ.
 Повѣрь: невинныя забавы,
 Любовь и мирныя дубравы
 Милѣ сердцу во спо крапъ —
 Теперь, ушрапивъ жажду брани,
 Преспалъ плапшъ безумспву дани,
 И, вѣрнымъ счастьемъ богаты,
 Я все забылъ, поваринъ милый,
 Все, даже прелесни Людмилы.»

— Любезный ханъ, я очень радъ!

Сказалъ Русланъ: она со мною. —

«Возможно ли, какой судьбою?

Что слышу? Русская княжна ...

Она съ побою, гдѣ жъ она?

Позволь ... но нѣтъ, боюсь измѣны;

Моя подруга мнѣ мила;

Моей счастливой перемѣны

Она виновницей была;

Она мнѣ жизнь, она мнѣ радость!

Она мнѣ возвратила вновь

Мою утраченную младость,

И миръ, и чистую любовь.

Напрасно счастье мнѣ сулили

Уста волшебницъ молодыхъ;

Двѣнадцать дѣвъ меня любили:

Я для нея покинулъ ихъ;

Оспавилъ перемъ ихъ веселый,

Въ пѣни хранипельныхъ дубровъ;

Сложилъ и мечъ и шлемъ тяжелый,

Забылъ и славу и враговъ.

Опшележникъ мирный и безвѣстный,

Оспался въ счастливой глуши,

Съ побой, другъ милый, другъ прелестный,
Съ побою, свѣтъ моей души!»

Паспушка милая внимала
Друзей опкрытый разговоръ,
И, устремивъ на хана взоръ,
И улыбалась и вздыхала.

Рыбакъ и выпязъ на брегахъ
До темной ночи просидѣли
Съ душой и сердцемъ на устахъ —
Часы невидимо лепѣли.
Чернѣетъ лѣсъ, темна гора;
Вспаетъ луна — все пнихо спало;
Герою въ пупъ давно пора —
Накинувъ пнихо покрывало
На дѣву спящую, Русланъ
Идетъ и на коня садится;
Задумчиво безмолвный ханъ
Душей вослѣдъ ему спремится,
Руслану счастья, побѣдъ
И славы и любви желаетъ...
И думы гордыхъ, юныхъ лѣтъ
Невольной грустью оживляетъ...

Зачѣмъ судьбой не суждено
 Моей непостоянной лирѣ
 Геройство воспѣвать одно,
 И съ нимъ (незнаемья въ мѣрѣ)
 Любовь и дружбу спарыхъ лѣшъ?
 Печальной испины поэпъ,
 Зачѣмъ я долженъ для попомспва
 Порокъ и злобу обнажапъ,
 И пайны козни вѣроломспва
 Въ правдивыхъ пѣсняхъ обличапъ?

Княжны искапелъ недоспойный,
 Охопу къ славъ поперявъ,
 Никѣмъ незнаемый Фарлафъ
 Въ пуспынѣ дальной и спокойной
 Скрывался и Нанны ждалъ.
 И часъ поржеспвенный наспалъ.
 Къ нему волшебница явилась,
 Вѣщая: « знаешь ли меня?
 « Спупай за мной; сѣдай коня! »
 И вѣдьма кошкой обрапимась;
 Осѣланъ конь, она пуспиалась;
 Тропами мрачными дубравъ
 За нею слѣдуетъ Фарлафъ.

Долина тихая дремала,
 Въ ночной одѣспая шуманъ,
 Луна во мглѣ перебѣгала,
 Изъ пучи въ пучу, и курганъ
 Мгновеннымъ блескомъ озаряла.
 Подъ нимъ въ безмолвіи Русанъ,
 Сидѣлъ съ обычною поскою,
 Предъ усыпленною княжною.
 Глубоку думу думалъ онъ,
 Мечпы лепѣли за мечпами,
 И непримѣтно вѣялъ сонъ
 Надъ нимъ холодными крылами,
 На дѣву смупными очами
 Въ дремотѣ помной онъ взглянулъ,
 И, упоменною главою
 Склонясь къ ногамъ ея, заснулъ.

И снился вѣщій сонъ герою:
 Онъ видипть, будпо бы княжна
 Надъ спрашпой бездны глубиною
 Споиптъ недвижна и блѣдна...
 И вдругъ Людмила исчезаетъ,
 Споиптъ одинъ надъ бездной онъ...
 Знакомый гласъ, призывный спонъ

Изъ тихой бездны вылетаетъ...
 Русланъ спремился за женой;
 Спретглавъ лепить во пмѣ глубокой...
 И видитъ вдругъ передъ собой:
 Владиміръ, въ гридницѣ высокой,
 Въ кругу сѣдыхъ богатырей,
 Между двѣнадцатью сынами.
 Съ толпою названныхъ госпей
 Сидитъ за браными сполами.
 И также гнѣвъ спарый князь,
 Какъ въ день ужасный разспаванья,
 И всѣ сидятъ не шевелясь,
 Не смѣя перервать молчанья.
 Упихъ веселый шумъ госпей,
 Не ходитъ наша круговая...
 И видитъ онъ, среди госпей,
 Въ бою сраженного Рогдая:
 Убитый, какъ живой, сидитъ;
 Изъ опѣеннаго спакана
 Онъ, веселъ, пьетъ и не глядитъ
 На изумленнаго Руслана.
 Князь видитъ и младаго хана,
 Друзей и недруговъ... и вдругъ
 Раздался гуслей бѣглый звукъ

И голосъ вѣщаго Баяна,
 Пѣвца героевъ и забавъ.
 Всплываетъ въ грѣдницу Фарлафъ,
 Ведетъ онъ за руку Людмилу;
 Но спарецъ, съ мѣста не привставъ,
 Молчитъ, склонивъ главу унылу,
 Князья, бояре — всѣ молчатъ,
 Душевные движенія кроя.

И все исчезло — смертный хладъ
 Объемлетъ спящаго героя.
 Въ дремлету пляжко погружёнъ,
 Онъ льетъ мучительныя слезы,
 Въ волненьи мыслилъ: эпо сонъ!
 Томился, но злобѣщей грезы,
 Увы, прервать не въ силахъ онъ.

Луна чупъ свѣпиетъ надъ горою;
 Объяпы роцѣ пемнопою,
 Долина въ мерпвой пишинѣ...
 Измѣнникъ ѣдетъ на конѣ.

Предъ нимъ опкрылася поляна;
 Онъ видитъ сумрачный курганъ;
 У ногъ Людмилы спитъ Русланъ,

И ходишь конь кругомъ кургана.
 Фарлафъ съ боязнію глядишь;
 Въ шуманѣ вѣдьма исчезаешь,
 Въ немъ сердце замерло, дрожишь,
 Изъ хладныхъ рукъ узду роняешь,
 Тихонько обнажаешь мечъ,
 Гошовася випязя безъ боя
 Съ размаха надвое разсѣчь...
 Къ нему подѣхалъ. Конь героя;
 Врага почуя, закипѣлъ,
 Заржалъ и попнулъ. Знакъ напрасный!
 Русланъ не внемлетъ; сонъ ужасный,
 Какъ грузъ, надъ нимъ опягошѣлъ!...
 Измѣнникъ, вѣдьмой одобренный,
 Герою въ грудь рукой презрѣнной
 Вонзаетъ прижды хладну спаль...
 И мчипся боязливо въ даль
 Съ своей добычей драгоцѣнной.

Всю ночь безчувственный Русланъ
 Лежалъ во мракѣ подъ горою.
 Часы лепѣли. Кровь рѣкою
 Текла изъ воспаленныхъ ранъ.
 Поушпру, взоръ опкрывъ шуманной,

Пуская пияжкй, слабый спонъ,
 Съ усиьемъ приподнялся онъ,
 Взглянулъ, поникъ главою бранной —
 И палъ недвижный, бездыханной.

ПѢСНЬ ШЕСТАЯ.

Ты мнѣ велишь, о другъ мой нѣжной,
На лирѣ легкой и небрежной
Спаринны были напѣваешь,
И музѣ вѣрной посвящаешь
Часы безцѣннаго досуга...
Ты знаешь, милая подруга:
Поссорясь съ вѣпренной молвой,
Твой другъ, блаженствомъ упоенный,
Забывъ и прудъ уединенный,
И звуки лиры дорогой.
Отъ гармонической забавы
Я, нѣгой упоенъ, опьякъ...
Дышу побой — и гордой славы
Невняпенъ мнѣ призывный кликъ!
Меня покинулъ шайный геній
И вымысловъ, и сладкихъ думъ;
Любовь и жажда наслаждений
Однѣ преслѣдуютъ мой умъ.

Но пы велишь, но пы любила
 Разсказы прежніе мои,
 Преданья славы и любви;
 Мой богатырь, моя Людмила,
 Владиміръ, вѣдма, Черноморъ,
 И Финна вѣрныя печали
 Твое мечпанье занимали;
 Ты, слушая мой легкій вздоръ,
 Съ улыбкой иногда дремала;
 Но иногда свой нѣжный взоръ
 Нѣжиѣ на пѣвца бросала ...
 Рѣшусь; влюбленный говорить,
 Касаюсь вновь лѣнивыхъ спрунъ;
 Сажусь у ногъ твоихъ, и снова
 Бренчу про выпязя младаго.

Но чпо сказать я? Гдѣ Русланъ?
 Лежишь онъ мерпый въ чиспомъ полѣ;
 Ужъ кровь его не льется болѣ,
 Надъ нимъ лепашетъ жадный вранъ,
 Безгласенъ рогъ, недвижны лапы,
 Не шевелился шлемъ космашный!

Вокругъ Руслана ходишь конь,
 Поникнувъ гордой головою,
 Въ его глазахъ исчезъ огонь!
 Не машешь гривой золопою,
 Не пѣшился, не скачешь онъ,
 И ждешь, когда Русланъ воспрянетъ...
 Но князя крѣпокъ хладный сонъ,
 И долго ципъ его не грянешъ.

А Черноморъ? Онъ за сѣдомъ,
 Въ копомкѣ, вѣдомою забытый,
 Еще на знаетъ ни о чѣмъ;
 Усталый, сонный и сердитый
 Княжну, героя моего
 Бранилъ опскуки молчаливо;
 Не слыша долго ничего,
 Волшебникъ выглянулъ — о диво!
 Онъ видитъ, богатырь убитъ;
 Въ крови пополенный лежитъ;
 Людмилы нѣтъ, все пусто въ полѣ;
 Злодѣй опъ радости дрожитъ
 И мнитъ: свершилось, я на волю!
 Но старый карла былъ неправъ.

Межъ пѣмъ, Нанной осяенный,
 Съ Людмилой, пихо усыпленной,
 Спремился къ Кіеву Фарлафъ:
 Лепишь, надежды, спрахъ полный;
 Предъ нимъ уже Днѣпровски волны
 Въ знакомыхъ пажипьяхъ шумятъ;
 Ужъ видишь злаповерхій градъ;
 Уже Фарлафъ по граду мчишь,
 И шумъ на спогнахъ воспаяетъ;
 Въ волненіи радостномъ народъ
 Валишь за всадникомъ, пѣснишь;
 Бѣгутъ обрадовать опца:
 И вопъ измѣнникъ у крыльца.

Влача въ душѣ печали бремя,
 Владиміръ-солнышко въ по время
 Въ високомъ перемѣ своѣмъ
 Сидѣлъ, помясь привычной думой.
 Бояре, вишязи кругомъ
 Сидѣли съ важностью угрюмой.
 Вдугъ внемлетъ онъ: передъ крыльцомъ
 Волненіе, крики, шумъ чудесный;
 Дверь отворилась; передъ нимъ
 Явился воинъ неизвѣстный;

Всѣ вспаши съ шопопомъ глухимъ,
 И вдругъ смупшились, зашумѣли:
 « Людмила здѣсь! Фарлафъ... уже ли? »
 Въ лицѣ печальномъ измѣнясь,
 Вспаептъ со спула спарый князь,
 Спѣшиптъ пияжельми шагами
 Къ несчастной дочери своей,
 Подходиптъ; опчими руками
 Онъ хочептъ прикоснупись къ ней;
 Но дѣва милая не внемлетъ,
 И очарованная дремлетъ
 Въ рукахъ убійцы — всѣ глядяптъ
 На князя въ смупномъ ожиданьи;
 И спарецъ безпокойный взглядъ
 Вперилъ на виписзя въ молчаньи.
 Но, хипро персптъ къ успамъ прижавъ,
 « Людмила спиптъ, » сказалъ Фарлафъ:
 « Я шакъ нашелъ ее недавно
 Въ пуспынныхъ Муромскихъ лѣсахъ
 « У злаго лѣшаго въ рукахъ;
 « Тамъ совершилось дѣло славно;
 « Три дня мы билися; луна
 « Надъ боемъ прижды подымалась;
 « Онъ палъ, а юная княжна

« Мнѣ въ руки сонною доспалась; »

« И кто прерветъ сей дивный сонъ? »

« Когда настанетъ пробужденіе? »

« Не знаю — скрѣпъ судьбы законъ! »

« А намъ надежда и терпѣнье »

« Одиѣ оспались въ упѣшеніе. »

И вскорѣ съ вѣспью роковой

Молва по граду полетѣла;

Народа песпрою толпой

Градская площадь закипѣла;

Печальный перемъ всемъ опкрытъ;

Толпа волнуется, валипъ

Туда, гдѣ на одрѣ высокомъ,

На одѣлѣ парчевомъ

Княжна лежитъ во снѣ глубокомъ;

Князя и вицязи кругомъ

Споютъ унылы; гласы трубны,

Рога, пимпаны, гусли, бубны

Гремятъ надъ нею; спарый князь,

Тоской тяжелой изнурясь,

Къ ногамъ Людмилы сѣдинами

Приникъ съ безмолвными слезами;

И блѣдный близъ него Фарлафъ

Въ нѣмомъ раскаяннѣ, въ досадѣ,
Трепещетъ, дерзоспѣ поперявъ.

Настала ночь. Никпо во градѣ
Очей безсонныхъ не смыкалъ;
Шумя, пѣснились всѣ другъ къ другу;
О чудѣ всякой полковалъ;
Младой супругъ свою супругу
Въ свѣщницѣ скромной забывалъ.
Но только свѣтъ луны двурогой
Исчезъ предъ упренней зарей,
Весь Кіевъ новою тревогой
Смутился. Клики, шумъ и вой
Возникли всюду. Кіевляне
Толяпся на спѣнѣ градской...
И видяпъ: въ упреннемъ шуманѣ
Шашры бѣлѣюпъ за рѣкой;
Щипы, какъ зарево, блиспаюпъ,
Въ поляхъ наѣздки мелькаюпъ,
Вдали подъемля чернѣй прахъ;
Идупъ походныя шелеги,
Коспры пымаюпъ на холмахъ.
Бѣда: возспади Печенѣги!

Но въ это время вѣщій Финнъ,
 Духовъ могучій власпелнѣ,
 Въ своей пустынѣ безмятежной,
 Съ спокойнымъ сердцемъ ожидалъ,
 Чѣмъ день судьбины неизбѣжной,
 Давно предвидѣнный, воспалѣ.

Въ нѣмой глуши степей горючихъ,
 За дальней цѣпью дикихъ горъ,
 Жилища вѣтровъ, бурь гремучихъ,
 Куда и вѣдѣмы смѣлый взоръ
 Проникнуть въ поздній часъ боишься,
 Долина чудная таится,
 И въ шой долины два ключа:
 Одинъ печетъ волной живою,
 По камнямъ весело журча,
 Топитъ льется *мертв*ою водою;
 Кругомъ все тихо, вѣтры спятъ,
 Прохлада вѣшняя не вѣетъ,
 Сполѣтши сосны не шумятъ,
 Нѣ выюся птицы, лань не смѣетъ
 Въ жаръ лѣпный пить изъ тайныхъ водъ;
 Чеша духовъ съ начала міра,
 Безмолвная на лонѣ мира,

Дремучій берегъ спережеть ...
 Съ двумя кувшинами пусьми
 Предспаль опшельникъ передъ ними;
 Прервали духи давній сонъ,
 И удались спреха полны.
 Склонившись, погружаешь онъ
 Сосуды въ дѣвственныя волны;
 Наполнилъ, въ воздухъ пропалъ,
 И очутился въ два мгновенья
 Въ долинѣ, гдѣ Русланъ лежалъ
 Въ крови, безгласный, безъ движенія;
 И спалъ надъ рыцаремъ спарикъ,
 И вспыснулъ мершвою водою,
 И раны засіяли вмигъ,
 И шрупъ чудесной красою
 Процвѣлъ; тогда водой живою
 Героя спарецъ окрошилъ,
 И бодрый, полный новыхъ силъ,
 Трепеща жизнью молодою,
 Вспаешь Русланъ, на ясный день
 Очами жадными взираешь,
 Какъ безобразный сонъ, какъ пѣнь,
 Предъ нимъ минувшее мелькаетъ.
 Но гдѣ Людмила? Онъ одинъ!

Въ немъ сердце вспыхнувъ замираетъ.
 Вдругъ выпязь вспянулъ; вѣщій Финнъ
 Его зовепъ и обнимаетъ:
 «Судьба свершилась, о мой сынъ!
 Тебя блаженство ожидаетъ;
 Тебя зовепъ кровавый пиръ;
 Твой грозный мечъ бѣдою грядетъ;
 На Кіевъ сидепъ крошкѣй миръ,
 И памъ она шебъ предспанетъ.
 Возми завѣрное кольцо,
 Коснися имъ чела Людмилы,
 И пайныхъ чаръ исчезнутъ силы,
 Враговъ смутитъ пвое лицѣ,
 Наспанетъ миръ, погибнетъ злоба.
 Достойны счастья будыте оба!
 Проспи надолго, выпязь мой!
 Дай руку... памъ, за дверью гроба —
 Не прежде — свидимся съ побой!»
 Сказалъ, исчезнулъ. Упоенный
 Воспоргомъ пыжымъ и нѣмымъ,
 Русланъ, для жизни пробужденный,
 Подъемеетъ руки вслѣдъ за нимъ...
 Но ничего не слышно бохъ!
 Русланъ одинъ въ пуспынномъ полѣ;

Запрыгавъ, съ карлой за сѣдомъ,
 Руслановъ конь неперпѣливой
 Бѣжитъ и ржеть, махая гривой;
 Ужъ князь гошовъ, ужъ онъ верхомъ,
 Ужъ онъ лепитъ живой и заравый
 Черезъ поля, черезъ дубравы. —

Но между тѣмъ какой позоръ
 Являетъ Кіевъ осажденный?
 Тамъ, устремивъ на нивы взоръ,
 Народъ, унынѣмъ пораженный,
 Споитъ на башняхъ и спѣнахъ,
 И въ спрахъ ждетъ небесной казни;
 Спенанья робкія въ домахъ,
 На спогнахъ пищина боязни;
 Одинъ, близъ дочери своей,
 Владиміръ въ горестной молитвѣ;
 И храбрый сонмъ богатырей
 Съ дружиной вѣрною князей
 Гошовипся къ кровавой битвѣ.

И день насталъ. Толпы враговъ
 Съ зарею двинулись съ холмовъ;
 Неукротимыя дружины,

Волнуясь, хлынули съ равнины
 И пошекли къ спѣнѣ градской;
 Во градѣ трубы загремѣли,
 Бойцы сомкнулись, полетѣли
 На встрѣчу рапи удалой,
 Сошлись — и заварился бой.
 Почуя смерть, разыграли кони,
 Пошли спучающъ мечи о брони;
 Со свисомъ пуча спрѣлъ взвилась,
 Равнина кровью залилась;
 Спрямглавъ наѣздники помчались,
 Дружины конныя смѣшались;
 Сомкнутой, дружною спѣной
 Тамъ рубился со спроемъ спрой;
 Со всадникомъ тамъ пѣшій бѣеся;
 Тамъ конь испуганный несется;
 Тамъ Рускій палъ, тамъ Печенѣгъ;
 Тамъ клики бишвы, тамъ побѣгъ;
 Тотъ опрокинулъ булавою;
 Тотъ легкой пораженъ спрѣлою;
 Другой, придавленный щипомъ,
 Располопанъ бѣшенымъ конемъ...
 И длился бой до темной ночи;
 Ни врагъ, ни нашъ не одолѣлъ!

За грудями кровавыхъ пѣлъ
 Бойцы сомкнули помны очи,
 И крѣпокъ былъ ихъ бранный сонъ;
 Лишь изрѣдка на полѣ биввы
 Былъ слышенъ падшихъ скорбный спонъ,
 И Рускихъ выпязей молитвы.

Блѣднѣла упренная пѣнь,
 Волна сребрилася въ попокѣ,
 Сомнипелый раждался день
 На опуманенномъ воспокѣ.
 Яснѣли холмы и лѣса,
 И просыпались небеса.
 Еще въ бездѣйственномъ покоѣ
 Дремало поле боевое;
 Вдругъ сонъ прервался: вражій спанъ
 Съ шревогой шумною воспрянулъ,
 Внезапный крикъ сражений грянулъ;
 Смушилось сердце Кіевлянъ;
 Бѣгутъ неспройными полпами
 И видятъ: въ полѣ межъ врагами,
 Блиспая въ лапахъ, какъ въ огнѣ,
 Чудесный воинъ на конѣ
 Грозой несется, колепъ, рубипъ,

Въ ревуцѣй рогъ, лѣлая, прубить...
 То былъ Русланъ. Какъ Божій громъ
 Нашъ выпязъ палъ на басурмана;
 Онъ рыцетъ съ карломъ за сѣдомъ
 Среди испуганнаго спана.
 Гдѣ ни просвицетъ грозный мечъ,
 Гдѣ конь сердитый ни промчипся,
 Вездѣ главы слепають съ плечъ,
 И съ волеми спрой на спрой валился;
 Въ одно мгновенье брачный лугъ
 Покрытъ холмами пѣлъ кровавыхъ,
 Живыхъ, раздавленныхъ, безглавыхъ,
 Громадой копій, спрѣлъ, кольчугъ.
 На прубный звукъ, на голосъ боя
 Дружины конныя Славянъ
 Помчались по слѣдамъ героя,
 Сразились... гибли, басурманъ!
 Объемлеши ужасъ Печенѣговъ;
 Пипомцы бурные набѣговъ
 Зовутъ разсѣянныхъ коней,
 Пропивившись не смѣютъ болѣ,
 И съ дикимъ волеми въ пыльномъ полѣ
 Бѣгутъ опгъ Кіевскихъ мечей,
 Обречены на жершву аду;

Ихъ сонмы Рускій мечъ казнить;
 Ликуеть Кіевъ ... Но по граду
 Могучій богатырь лепить;
 Въ десницѣ держитъ мечъ побѣдной;
 Копье сіяетъ какъ звѣзда;
 Спрутиса кровь съ кольчуги мѣдной;
 На шлемѣ вьспя борода;
 Лепитъ, надеждой окриленный,
 По спогнамъ шумнымъ въ княжій домъ.
 Народъ, воспоргомъ упоенный,
 Толпился съ кланками кругомъ,
 И князя радоспъ оживила.
 Въ безмолвный перемъ входитъ онъ,
 Гдѣ дремлетъ чуднымъ сномъ Людмила;
 Владиміръ, въ думу погружёнъ,
 У ногъ ея споятъ унымый.
 Онъ былъ одинъ. Его друзей
 Война влекла въ поля кровавы.
 Но съ нимъ Фарлафъ, чуждаясь славы,
 Вдали опъ вражескихъ мечей,
 Въ душѣ презрѣвъ превоги спана,
 Споятъ на спражѣ у дверей.
 Едва злодѣй узналъ Руслана,
 Въ немъ кровь оспыла, взоръ погасъ,

Въ успахъ опкрыпыхъ замеръ гласъ,
 И палъ безъ чувспвъ онъ на колѣна...
 Доспойной казни ждетъ измѣна!
 Но, помня пайный даръ кольца,
 Русланъ лепиштъ къ Людмилѣ спящей,
 Ея спокойнаго лица
 Касаетъ рукой дрожащей...
 И чудо: юная княжна,
 Вздохнувъ, опкрыла свѣплы очи!
 Казалось, будпо бы она
 Дивилася споль долгой ночи;
 Казалось чпо какой-по сонъ
 Ее помилъ мечпой неясной,
 И вдругъ узнала — это онъ!
 И князь въ объятіяхъ прекрасной.
 Воскреснувъ пламенной душой,
 Русланъ не видиштъ, не внимаешъ,
 И спарецъ въ радости нѣмой,
 Рыдая, милыхъ обнимаешъ.

Чѣмъ кончу динный мой разсказъ?
 Ты угадаешъ, другъ мой милой!
 Неправый спарца гнѣвъ погасъ;
 Фарлафъ предъ нимъ и предъ Людмилой

У ногъ Руслана объявилъ
Свой спыдъ и мрачное злодѣйство;
Счастливей князь ему проспилъ;
Лишенный силы чародѣйства,
Былъ принятъ карла во дворецъ;
И, бѣдспѣй пражнуя конецъ,
Владиміръ въ гридницѣ высокой
Запировалъ въ семьѣ своей.

Дѣла давно минувшихъ дней
Преданья сшарины глубокой.

Э П И Л О Г ъ.

Такъ, мира жительство равнодушной,
На лонѣ праздной пищины,
Я славилъ лирою послушной
Преданья темной спарины.
Я пѣлъ — и забывалъ обиды
Слѣпаго счастья и враговъ,
Измѣны вѣпреной Дориды,
И слепящихъ шумныхъ глушцовъ.
На крыльяхъ вымысла носимой,
Умъ улепалъ за край земной;
И между пѣлъ грозы незримой
Сбиралась пуча надо мной!...
Я погибалъ ... Свяпой хранишель
Первоначальныхъ, бурныхъ дней,
О дружба, пѣжный утѣшитель
Болѣзненной души моей!
Ты умолила непогоду;
Ты сердцу возвращала миръ;
Ты сохранила мнѣ свободу,
Кипящей младости кумиръ!

Забытый свѣтомъ и молвою,
 Далече опть береговъ Невы,
 Теперь я вижу предъ собою
 Кавказа гордыя главы.
 Надъ ихъ вершинами крупыми,
 На скапѣ каменныхъ спремннѣхъ,
 Пнипаюсь чувствами иѣмыми
 И чудной прелестью карпинѣхъ
 Природы дикой и угрюмой;
 Душа, какъ прежде, каждый часъ
 Полна поминпелною думой —
 Но огнь поэзии погасъ.
 Ищу напрасно впечатлѣній:
 Она прошла, пора стиховъ,
 Пора любви, веселыхъ сновъ,
 Пора сердечныхъ вдохновеній!
 Восторговъ крапкій день пропекъ —
 И скрылась опть меня навѣкъ
 Богиня тихихъ пѣснопѣій...

КАВКАЗСКІЙ
ПЛѢННИКЪ.

ПОВѢСТЬ.

КАРБАЧКИН

И. П. И. П.

ГОРЬКА

ПОСВЯЩЕНІЕ.

THE BIBLE

Прими съ улыбкою, мой другъ,
Свободной музы приношенье:
Тебѣ я посвящаю пустынной миры пѣнье
И вдохновенный свой досугъ.
Когда лишь бѣдствія грозили;
Я при тебѣ еще спокойство находилъ,
Я сердцемъ отдыхалъ: другъ друга мы любили.
И бури надо мной свирѣлость утомили:
Я въ мирной пристани боговъ благословилъ.
Во дни печальные разлуки
Мои задумчивые звуки
Напоминали лишь Кавказъ,
Гдѣ пасмурный Бешту (1), пустынный величавый,
Ауловъ (2) и полей властитель пятиглавый,
Былъ новый для меня Парнасъ.
Забуду ли кремнистыя вершины,
Гремушіе клочья, увядшія равнины,
Пустыни знойныя, края, гдѣ ты со мной
Дѣлилъ души младя впечатлѣнья;

Гдѣ рыскаетъ въ горахъ воинственный разбой,
И дикій гений вдохновенъ
Таится въ тишинѣ глухой!
Ты здѣсь найдешь воспоминанья,
Быть можетъ, милыхъ сердцу дней,
Противорѣчя страстей,
Метты знакомыя, знакомыя страданья,
И тайный гласъ души моей.

Мы въ жизни разны шли: въ объятіяхъ покоя
Едва, едва разцвѣлъ, и слѣдъ отца-героя
Въ поля кровавыя, подъ туги вражьи стлѣлъ,
Младенецъ избранный, ты гордо полетѣлъ;
Отечество тебя ласкало съ умиленьемъ,
Какъ жертву лилую, надежды вѣрный цвѣтъ.
Я рано скорбь узналъ, узналъ людей и свѣтъ:

Но, сердце укрѣпивъ терпѣньемъ,
Я ждалъ безпечно лучшихъ дней,
И счастье моихъ друзей
Мнѣ было сладкимъ утѣшенемъ.

ЧАСТЬ I.

Въ аулѣ, на своихъ порогахъ,
Черкесы праздные сидятъ.
Сыны Кавказа говорятъ
О бранныхъ, гибельныхъ превогахъ,
О красотѣ своихъ коней,
О наслажденьяхъ дикой нѣги;
Вспоминаютъ прежнихъ дней
Неопразимые набѣги,
Обманы хитрыхъ узденей, (5)
Удары шашекъ (4) ихъ жеспокихъ,
И мѣпкосиѣ неизбѣжныхъ спурѣлъ,
И пепель разоренныхъ селъ,
И ласки плѣнницъ черноокихъ.

Текутъ бесѣды въ пишинѣ;
Луна плыветъ въ ночномъ шуманѣ:
И вдругъ предъ ними на конѣ
Черкесъ. Онъ быспро на арканѣ
Младаго плѣнника влечетъ.
Вошъ Руской! хищникъ возопилъ.

Ауль на крикъ его сбѣжался
 Ожеспоченною полпой;
 Но плѣнникъ хладный и нѣмой,
 Съ обезображенной главой,
 Какъ пруть, недвижимъ оспавался.
 Лица враговъ не видѣтъ онъ,
 Угрозъ и криковъ онъ не слышитъ;
 Надъ нимъ лепашетъ смертный сонъ
 И холодомъ плепворнымъ дышитъ.

И долго плѣнникъ молодой
 Лежалъ въ забвеніи тяжеломъ.
 Ужъ полдень надъ его главой
 Пымалъ въ сіяніи веселомъ;
 И жизни духъ проснулся въ немъ,
 Невнятный сонъ въ устахъ раздался;
 Согрѣтый солнечнымъ лучемъ,
 Несчастный пихо приподнялся;
 Крутомъ обводитъ слабый взоръ...
 И видѣтъ: неприспунныхъ горъ
 Надъ нимъ воздвигнулась громада,
 Гнѣздо разбойничьихъ племень,
 Черкеской вольности ограда.
 Воспомнилъ юноша свой плѣнъ,

Какъ сна ужаснаго превоги,
 И слышнѣ: загремѣли вдругъ
 Его закованныя ноги . . .
 Все, все сказалъ ужасный звукъ;
 Запимилась передъ нимъ природа.
 Проспи, священная свобода!
 Онъ рабъ.

За саклями (5) лежнѣ

Онъ у колючаго забора.
 Черкесы въ полѣ, нѣтъ надзора,
 Въ пуспомъ аулѣ все молчнѣ.
 Предъ нимъ пуспынныя равнины
 Лежащъ зеленой целеной;
 Тамъ холмовъ пѣянуся грядой
 Однообразныя вершины;
 Межъ нихъ уединенный пущъ
 Вдали шѣряешся угрюмой:
 И плѣнника младаго грудь
 Тяжелой взволновалась думой . . .

Въ Россію дальнѣй пущъ ведѣтъ,
 Въ спрану, гдѣ пламенную младосѣ
 Онъ гордо началъ безъ заботъ;
 Гдѣ первую позналъ онъ радосѣ,

Гдѣ много мнѣго любилъ,
 Гдѣ обнялъ грозное спрѣданье,
 Гдѣ бурной жизнью погубилъ
 Надежду, радость и желанье,
 И лучшихъ дней воспоминанье
 Въ увядшемъ сердцѣ заключилъ.

Людей и свѣтъ извѣдалъ онъ,
 И зналъ невѣрной жизни цѣну.
 Въ сердцахъ друзей нашедъ измѣну,
 Въ мечпахъ любви безумный сонъ,
 Наскуча жерпвой бытъ привычной
 Давно презрѣнной суены,
 И неприязни двуязычной,
 И просподушной клеветны,
 Опспушникъ свѣта, другъ природы,
 Покинулъ онъ родной предѣлъ
 И въ край далекій полетѣлъ
 Съ веселымъ призракомъ свободы.

Свершилось . . . цѣлью упованья
 Не зрѣтъ онъ въ мірѣ ничего.
 И вы, послѣднія мечпанья,
 И вы сокрылись онъ него.

Онъ рабъ. Склонясь главою на камень,
 Онъ ждетъ, чѣмъ съ сумрачной зарей
 Погасъ печальной жизни пламень
 И жаждетъ сѣни гробовой.

Ужъ меркнетъ солнце за горами;
 Вдали раздался шумный гулъ,
 Съ полей народъ идетъ въ аулъ,
 Сверкая свѣплыми косами.
 Пришли; въ домахъ зажглись огни,
 И поспешенно шумъ неспройной
 Умолкнулъ; все въ ночной тиши
 Объяло нѣгою спокойной;
 Вдали сверкаетъ горный ключъ,
 Сбѣгая съ каменной стремнины;
 Одѣлись пеленою пучъ
 Кавказа спящихъ вершины...
 Но кто, въ сіяніи луны,
 Среди глубокой тишины
 Идетъ, украдкою спуская?
 Очнулся Руской. Передъ нимъ,
 Съ привѣтомъ нѣжнымъ и нѣмымъ,
 Споишь Черкешенка младая.
 На дѣву, молча, смопринтъ онъ,

И мыслишь: эпо лживый сонъ,
 Успалыхъ чувствъ игра пуслая.
 Луною чупъ озарена,
 Съ улыбкой жалоспи опрадной
 Колѣна преклонивъ, она
 Къ его успамъ кумысъ (6) прохладной
 Подносишь пшихою рукой.
 Но онъ забылъ сосудъ цѣлебный;
 Онъ ловишь жадною душой
 Пріятной рѣчи звукъ волшебный
 И взоры дѣвы молодой.
 Онъ чуждыхъ словъ не понимаетъ;
 Но взоръ умильный, жаръ зашипъ,
 Но голосъ нѣжный говоритъ:
 Живи! и плѣнникъ оживаетъ.
 И онъ, собравъ оспапокъ силъ,
 Велѣнью милому покорной,
 Привспалъ, и чашей благопворной
 Томленье жажды уполнилъ.
 Попомъ на камень вновь склонился
 Опягощенною главой;
 Но все къ Черкешенкѣ младай
 Угасшій взоръ его спремился.
 И долго, долго передъ нимъ

Она, задумчива, сидѣла;
 Какъ бы учаспіемъ нѣмымъ
 Упѣшивъ плѣнника хопѣла;
 Уста невольно каждый часъ
 Съ начатой рѣчью открывались;
 Она вздыхала, и не разъ
 Слезами очи наполнялись.

За днями дни прошли какъ пѣнь.
 Въ горахъ, окованный, у спада
 Проводить плѣнникъ каждый день.
 Пещеры темная прохлада
 Его скрываетъ въ лѣпный зной;
 Когда же рогъ луны серебристой
 Блеснетъ за мрачною горой,
 Черкешенка, тропой пѣнистой,
 Приноситъ плѣннику вино,
 Кумысъ, и ульевъ соплъ душистой,
 И бѣлоснѣжное пшено;
 Съ нимъ пайный ужинъ раздѣляетъ;
 На немъ покоитъ нѣжный взоръ;
 Съ неясной рѣчью сливаетъ
 Очей и знаковь разговоръ;
 Поетъ ему и пѣсни горъ,

И пѣсни Грузіи счастливой,
 И памяти непергѣливой
 Передаетъ языкъ чужой.
 Впервые дѣвственной душой
 Она любила, знала счастье;
 Но Руской жизни молодой
 Давно утратилъ сладострасіе:
 Не могъ онъ сердцемъ опивчаться
 Любви младенческой, опкрышой —
 Быть можетъ, сонъ любви забытой
 Боялся онъ воспоминашь.

Не вдругъ увянетъ наша младость,
 Не вдругъ воспорги бросятъ насъ,
 И неожиданную радость
 Еще обнимемъ мы не разъ:
 Но вы, живыя впечатлѣнья,
 Первоначальная любовь,
 О первый пламень упоенья,
 Не прилепаете вы вновь.

Казалось, плѣнникъ безнадежный
 Къ унылой жизни привыкалъ.
 Тоску неволн, жаръ мятежный,

Въ душѣ глубоко онъ скрывалъ.
 Влачась межъ угрюмыхъ скалъ,
 Въ часъ ранней, упренней прохлады,
 Вперялъ онъ неподвижный взоръ
 На отдаленныя громады
 Сѣдыхъ, румяныхъ, синихъ горъ.
 Великолѣпныя карпины!
 Пресполы вѣчныя снѣговъ,
 Очамъ казались ихъ вершины
 Недвижной цѣпью облаковъ,
 И въ ихъ кругу колоссъ двуглавый,
 Въ вѣщѣ блиспая ледяномъ,
 Эльбрусъ огромный, величавый,
 Бѣлѣлъ на небѣ голубомъ.⁽⁸⁾
 Когда, съ глухимъ сливаясь гуломъ,
 Предпеча бури, громъ гремѣлъ,
 Какъ часно плѣнникъ надъ ауломъ,
 Недвижимъ на горѣ сидѣлъ!
 У ногъ его дымились пучи,
 Въ степи взвивался прахъ лепучій;
 Уже приюща между скалъ
 Елень испуганный искалъ;
 Орлы съ ушесовъ подымались
 И въ небесахъ перекликались;

Шумъ шабуновъ, мычанье спадъ
 Ужь гласомъ бури заглушались...
 И вдругъ на долы дождь и градъ
 Изъ шучь сквозь молній извергались;
 Волнами роя крупизны,
 Сдвигая камни въковые,
 Текли попоки дождевые —
 А плѣнникъ, съ горной вышины,
 Одинъ, за шучей громовою,
 Возвраща солнечнаго ждалъ,
 Недостигаемый грозою,
 И бури немощному вою
 Съ какой-то радостью внималъ.

Но Европейца все вниманье
 Народъ сей чудный привлекалъ.
 Межъ Горцевъ плѣнникъ наблюдалъ
 Ихъ вѣру, нравы, воспитанье,
 Любилъ ихъ жизни проспопу,
 Госпепріимспво, жажду брани,
 Движеній вольныхъ быспропу,
 И легкосп ногъ, и силу дани;
 Смопрѣлъ по цѣлымъ онъ часамъ,
 Какъ иногда Черкесъ проворной,

Широкой степью, по горамъ,
 Въ космапой шапкѣ, въ буркѣ чѣрной,
 Къ лукъ склонясь, на спремена
 Ногою спройной опираясь,
 Лепалъ по волѣ скакуна,
 Къ войнѣ заранѣ приучаясь.
 Онъ любовался красой
 Одежды бранной и проспой.
 Черкесъ оружіемъ обвѣщенъ;
 Онъ имъ гордился, имъ утѣшенъ:
 На немъ броня, пицаль, колчанъ,
 Кубанскій лукъ, кинжалъ, арканъ,
 И пашка, вѣчная подруга
 Его прудовъ, его досуга.
 Ничпо его не пѣгониптъ,
 Ничпо не брякнептъ: пѣпій, конный —
 Все поопъ же онъ; все поопъ же видъ
 Побѣдимый, непреклонный.
 Гроза безпечныхъ казаковъ,
 Его богатспво — конъ репивый,
 Пипомецъ горскихъ пабуновъ,
 Товарищъ вѣрный, перпѣливый.
 Въ пещерѣ иль правѣ глухой
 Коварный хищникъ съ нимъ пашпся,

И вдругъ, внезапною спрѣлой,
 Завидя пупника, спремнися;
 Во одно мгновенье вѣрный бой
 Рѣшишь ударъ его могучій,
 И спранника въ ущелья горъ
 Уже влечешь арканъ лепучій.
 Спремнися конь во весь опоръ,
 Исполненъ огненной опваги;
 Все путь ему: болопо, боръ,
 Кусты, утесы и овраги;
 Кровавый слѣдъ за нимъ бѣжитъ,
 Въ пустыни попоны раздается;
 Съдой попокъ предъ нимъ шумитъ —
 Онъ въ глубь кипящую несетъ;
 И пупникъ, брошенный ко дну,
 Глохаетъ мутную волну,
 Изнемогая смерти проситъ
 И зрѣтъ ее передъ собой...
 Но мощный конь его — спрѣлой
 На берегъ пѣнистый выноситъ.

Иль ухвативъ рогатый пень,
 Въ рѣку низверженный грозою,
 Когда на холмахъ пеленою

Лежишь безлунной ночи пѣнь,
 Черкесь на корни вѣковые,
 На вѣпви вѣщаетъ кругомъ
 Свои доспѣхи боевые,
 Щипъ, бурку, панцырь и шоломъ,
 Колчанъ и лукъ — и въ быспры волны
 За нимъ бросается пономъ
 Неупомимый и безмолвный.
 Глухая ночь. Рѣка реветъ;
 Могучій покъ его несетъ
 Вдоль береговъ уединенныхъ,
 Гдѣ на курганахъ возвышенныхъ,
 Склонясь на копьѣ, казаки
 Глядятъ на пемный бѣгъ рѣки —
 И мимо нихъ, во мглѣ чернѣя,
 Плыветъ оружіе злодѣя...
 О чемъ ты думаешь, казакъ?
 Воспоминаешь прежни бѣдвы,
 На смерпномъ полѣ свой бивакъ,
 Полковъ хвалебныя молпвы
 И родину? ... Коварный сонъ!
 Проспите, вольныя спаницы,
 И домъ опцовъ, и пихій Донъ,
 Война и красныя дѣвицы!

Къ брегамъ причалилъ пайный врагъ,
 Спрѣла выходишь изъ колчана —
 Взвилась — и падаетъ казакъ
 Съ окровавленного кургана.

Когда же съ мирною семьей
 Черкесь въ опеческомъ жилищѣ
 Сидишь ненапною порой
 И плѣюшь угли въ пепелищѣ;
 И спрянувъ съ вѣрнаго коня,
 Въ горахъ пуспынныхъ запоздалый,
 Къ нему войдетъ пришлецъ успалый
 И робко сядетъ у огня:
 Тогда хозяинъ благосклонной
 Съ привѣпомъ, ласково, вспааетъ,
 И госпю въ чашѣ благовонной
 Чихирь ⁽⁹⁾ опрадный подаетъ.
 Подъ влажной буркой, въ саклѣ дымной,
 Вкушаетъ пупникъ мирный сонъ,
 И упромъ оспавляетъ онъ
 Ночлега кровъ госпепрімной. ⁽¹⁰⁾

Бывало, въ свѣпый Баиранъ ⁽¹¹⁾
 Сберутся юноши полною;

Игра смѣняется игрою:
 То полный разобралъ колчанъ,
 Они крылатыми стрѣлами
 Пронзаюць въ облакахъ орловъ;
 То съ высоты крутыхъ холмовъ
 Неперемѣливыми рядами,
 При данномъ знакѣ, вдругъ падаютъ,
 Какъ лани землю поражаютъ,
 Равнину пылью покрываютъ
 И съ дружнымъ попомомъ бѣгутъ.

Но скученъ миръ однообразной
 Сердцамъ, рожденнымъ для войны,
 И часно игры воли праздной
 Игрою жестокой смущены.
 Нерѣдко шашки грозно блещутъ
 Въ безумной рѣзвостии пировъ,
 И въ прахъ лепятъ главы рабовъ,
 И въ радости младенцы плещутъ.

Но Руской равнодушно зрѣтъ
 Снѣ кровавыя забавы.
 Любилъ онъ прежде игры славы
 И жаждой гибели горѣтъ.

Нёвольникъ честнй безпощадной,
 Вблизи видалъ онъ свой конецъ,
 На поединкахъ пвердый, хладной,
 Вспрѣчая гибельный свинецъ.
 Быль можешь, въ думу погруженный,
 Онъ время по воспоминалъ,
 Когда, друзьями окруженный,
 Онъ съ ними шумно шировалъ...
 Жалѣлъ ли онъ о дняхъ минувшихъ,
 О дняхъ надежду обманувшихъ,
 Иль, любопытный, созерцалъ
 Суровой проспопы забавы,
 И дикаго народа нравы
 Въ семъ вѣрномъ зеркалѣ чипалъ —
 Танлъ въ молчаньи онъ глубокомъ
 Движенья сердца своего,
 И на челѣ его высокомъ
 Не измѣнялось ничего.
 Безпечной смѣлоспн его
 Черкесы грозные дивились,
 Щадили вѣкъ его молодой
 И шопопомъ между собой
 Своей добычею гордились.

ЧАСТЬ II .

Ты ихъ узнала, дѣва горѣ,
Воспорги сердца, жизни сладость;
Твой огненный невинный взоръ
Высказывалъ любовь и радость.
Когда швой другъ во шмѣ ночной
Тебя лобзалъ нѣмымъ лобзаньемъ,
Старая нѣгой и желаньемъ,
Ты забывала міръ земной,
Ты говорила: плѣнникъ милый,
Развесели свой взоръ унылый,
Склонись главою ко мнѣ на грудь,
Свободу, родину забудь.
Скрываешься рада я въ пущыни
Съ побою, царь души моей!
Люби меня; никпо донынѣ
Не цѣловалъ моихъ очей;
Къ моей поспелѣ одинокой
Черкесъ молодой и черноокой
Не крался въ шущинѣ ночной;

Слышу я дѣвою жестокой,
 Неумолимой красоюй.
 Я знаю жребій мнѣ гошовый:
 Меня опецъ и брашъ суровый
 Немилому продашь хопяпъ
 Въ чужой аулъ цѣною запаха;
 Но умолю опца и браша;
 Не шо — найду кинжалъ иль ядъ.
 Непоспижимой, чудной силой
 Къ тебѣ я вся привлечена;
 Люблю тебѣ, невольникъ милой,
 Душа побой упоена...

Но онъ съ безмолвнымъ сожалѣньемъ
 На дѣву спраспную взиралъ,
 И полный пьяжкимъ размышленьемъ
 Словамъ любви ся внималъ.
 Онъ забывался: въ немъ пѣснились
 Воспоминанья прошлыхъ дней,
 И даже слезы изъ очей
 Однажды градомъ покатились.
 Лежала въ сердцѣ какъ свинецъ
 Тоска любви безъ упованья.

Предъ юной дѣвой наконецъ
Онъ изліялъ свои спраданья.

« Забудь меня: швоей любви,
Твоихъ воспорговъ я не спюю.
Безцѣнныхъ дней не прапъ со мною;
Другаго юношу зови.
Его любовь шебѣ замѣнишь
Моей души печальный хладъ;
Онъ будетъ вѣренъ, онъ оцѣнишь
Твою красу, швой милый взглядъ,
И жаръ младенческихъ лобзаній,
И нѣжностъ пламенныхъ рѣчей;
Безъ упоенья, безъ желаній
Я вяну жершвою спраспей.
Ты видишь слѣдъ любви несчастной,
Душевной бури слѣдъ ужасной;
Оспавь меня; но пожалѣй
О скорбной учаспи моей!
Несчастный другъ, зачѣмъ не прежде
Явилась пы монмъ очамъ,
Въ шѣ дни, какъ вѣрилъ я надеждѣ
И упоишельнымъ мечпамъ!
Но поздно: умеръ я для счастья,

Надежды призракъ улетѣлъ;
 Твой другъ опвыкъ опъ сладоспраспья,
 Для нѣжныхъ чувспвъ окаменѣлъ...

«Какъ пѣжко мершвыми успами
 Живымъ лобзаньямъ опвѣчапъ,
 И очи полныя слезами
 Улыбкой хладною вспрѣчапъ!
 Измучася ревностью напрасной,
 Уснувъ безчувспенной душой,
 Въ объпїяхъ подруги спраспной,
 Какъ пѣжко мыслпшь о другой!...

«Когда пакъ медленно, пакъ нѣжно,
 Ты пѣешь лобзанїя мои,
 И для пѣбя часы любви
 Проходятъ быспро, безмяпечно;
 Снѣдая слезы въ пшпннѣ,
 Тогда, разсѣянный, унымый,
 Передъ собою, какъ во снѣ,
 Я вижу образъ вѣчно милый;
 Его зову, къ нему спремуюсь,
 Молчу, не вижу, не внимаю;
 Тебѣ въ забвеньи предаюсь

И тайный призракъ обнимаю;
 О немъ въ пуспынѣ слезы лью;
 Повсюду онъ со мною бродить
 И мрачную поску наводитъ
 На душу сирую мою.

«Оспавъ же мнѣ мои желѣзы,
 Уединенныя мечпы,
 Воспоминанья, грусть и слезы:
 Ихъ раздѣлить не можешь ты.
 Ты сердца слышала признанье;
 Прости . . . дай руку — на прощанье.
 Недолго женскую любовь
 Печалишь хладная разлука:
 Пройдетъ любовь, наспанетъ скука,
 Красавица полюбитъ вновь.»

Раскрывъ уста, безъ слезъ рыдая,
 Сидѣла дѣва молодая:
 Туманный, неподвижный взоръ
 Безмолвный выражалъ укоръ;
 Блѣдна какъ пѣнь, она дрожала;
 Въ рукахъ любовника лежала
 Ея холодная рука;

И наконецъ любви поско
Въ печальной рѣчи измѣлася.

«Ахъ, Руской, Руской, для чего,
Не зная сердца своего,
Тебѣ навѣкъ я предалася!
Недолго на груди своей
Въ забвеньи дѣва опѣхала;
Немного радостныхъ ночей
Судьба на долю ей послала!
Придушь ли вновь когда нѣбуди?
Уже ль навѣкъ погибла радость?...
Ты могъ бы, плѣнникъ, обманушь
Мою неопытную младость,
Хотя бъ изъ жалости одной,
Молчаньемъ, ласкою прищворной;
Я услаждала бъ жребій твой
Заботой нѣжной и покорной;
Я сперегла бъ минуны сна,
Покой поскующаго друга;
Ты не хопѣлъ... Но кто жъ она,
Твоя прекрасная подруга?
Ты любишь, Руской? ты любишь?...
Понятны мнѣ твои спраданья...

Прости жъ и пы мои рыданья,
Не смѣйся горесѣямъ моимъ.»

Умолкла. Слезы и спенанья
Спѣснили бѣдной дѣвы грудь.
Успа безъ словъ роптали пѣни,
Безъ чувствъ, обнявъ его колѣни,
Она едва могладохнуть.
И плѣнникъ, пицою рукою
Поднявъ несчастную, сказалъ:
«Не плачь: и я гонимъ судьбою;
И муки сердца испыталъ.
Нѣтъ, я не зналъ любви взаимной:
Любилъ одинъ, спрадалъ одинъ,
И гасну я, какъ пламень дымной,
Забытый средъ пуспыхъ долинъ.
Умру вдали бреговъ желанныхъ;
Мнѣ будетъ гробомъ эпа снѣкъ;
Здѣсь на коспяхъ моихъ изгнанныхъ
Заржавишь пягоспная цѣпь...»

Свѣпила ночи запмевались;
Въ дали прозрачной означались
Громады свѣпмосѣжвыхъ горъ;

Главу склонивъ, попуя взоръ,
Они въ безмолвіи разспались.

Унылый плѣнникъ съ эпихъ поръ
Одинъ окрестъ аула бродитъ.
Заря на знойный небосклонъ
За днями новы дни возводитъ;
За ночью ночь вослѣдъ уходитъ;
Вопице свободы жаждетъ онъ.
Мелькнетъ ли серна межъ кустами,
Проскачетъ ли во мглѣ сайгакъ:
Онъ, вспыхнувъ, загремитъ цѣпами,
Онъ ждетъ, не крадется ль казакъ,
Ночный ауловъ разоритель,
Рабовъ опважный избавитель.
Зоветъ . . . но все кругомъ молчитъ;
Лишь волны плещутся бушуя,
И человека звѣрь почуя
Въ пустыню темную бѣжитъ.

Однажды слышитъ Руской плѣнный,
Въ горахъ раздался кликъ военный:
«Въ шабунъ, въ шабунъ! «Бѣгутъ, шумятъ;
Удечки мѣдныя гремятъ,

Чернѣютъ бурки, блещутъ брони,
 Кипятъ осѣданные кони,
 Къ набѣгу весь аулъ гоповъ,
 И дикіе пипомцы брани
 Рѣкою хлынули съ холмовъ,
 И скачутъ по брегамъ Кубани
 Сбирая насильственные дани.

Упихъ аулъ; на солнцѣ спягъ
 У саклей псы спорожевые.
 Младенцы смуглые, нагіе
 Въ свободной рѣзвості шумягъ;
 Ихъ прадѣды въ кругу сидягъ:
 Изъ прубокъ дымъ вѣсь синѣегъ.
 Они безмолвно юныхъ дѣвъ
 Знакомый слушають припѣвъ,
 И спарцевъ сердце молодѣегъ.

ЧЕРКЕСКАЯ ПѢСНЯ.

1.

Въ рѣкѣ бѣжитъ гремучій валъ;
 Въ горахъ безмолвіе ночное;
 Казакъ успалый задремалъ,
 Склонясь на кошѣ спальное.

Не спи казакъ: во пѣмъ ночной
Чеченецъ ходишь за рѣкой.

2.

Казакъ пывесть на челнокъ,
Влача по дну рѣчному сѣпи.
Казакъ, упонешь ты въ рѣкѣ,
Какъ понушь маленькія дѣши,
Купаясь жаркою порой:
Чеченецъ ходишь за рѣкой.

3.

На берегу завѣшныхъ водъ
Цвѣшущъ богатѣя спаницы;
Веселый пляшетъ хороводъ.
Бѣгине, Рускія пѣвицы;
Спѣшице, красныя, домой:
Чеченецъ ходишь за рѣкой.

Такъ пѣли дѣвы. Сѣвъ на брегѣ,
Мечпаше Руской о побѣгѣ;
Но цѣль невольника пляжка,
Быстра глубокая рѣка...
Межъ пѣмъ, померкнувъ, спяще уснула,
Вершинны скалы омрачены.
По бѣлымъ хижинамъ аула

Мелькаесть блѣдный свѣтъ луны;
 Елени дремлютъ надъ водами,
 Умолкнулъ поздній крикъ орловъ,
 И глухо впирился горами
 Далекій попопъ шабуновъ.

Тогда кого-то слышно спало,
 Мелькнуло дѣвы покрывало,
 И вопъ — печальна и блѣдна
 Къ нему приближилась она.
 Усна прекрасной ищущъ рѣчи;
 Глаза исполнены поской,
 И черной падающъ волной
 Ея власы на грудь и плечи.
 Въ одной рукѣ блеспишь шма,
 Въ другой кинжалъ ея булавный:
 Кажалось, будто дѣва шла
 На тайный бой, на подвигъ рапный.

На плѣнника возведши взоръ,
 «Бѣги, сказала дѣва горъ:
 Нигдѣ Черкесь шебя не встрѣпишь.
 Спиши, не прапъ ночныхъ часовъ;

Возми кинжалъ: пвоихъ слѣдовъ
 Никпо во мракѣ не замѣпишь.»

Пилу дрожащей взявъ рукой,
 Къ его ногамъ она склонилась:
 Визжишь желѣзо подѣ пилой,
 Слеза невольная скапидась —
 И цѣпь распалась и гремишь.
 «Ты воленъ, дѣва говоришь,
 Бѣги!» Но взглядъ ея безумный
 Любви порывъ изобразилъ.
 Она спрала. Въперъ шумный,
 Свиспя, покровъ ея клубилъ.
 «О другъ мой! Руской возопишь,
 Я пвой навѣкъ, я пвой до гроба.
 Ужасный край оспавимъ оба,
 Бѣги со мной...» — Нѣтъ, Руской, нѣтъ!
 Она исчезла, жизни сладость;
 Я знала все, я знала радость,
 И все прошло, пропала и слѣдъ.
 Возможно ль? пы любилъ другую!...
 Найди ее, люби ее;
 О чемъ же я еще поскую?
 О чемъ уныніе мое?...

Проспи! любви благословеня
 Съ побою будутъ каждый часъ.
 Проспи — забудь мои мученья,
 Дай руку мнѣ . . . въ послѣдній разъ. —

Къ Черкешенкѣ просперъ онъ руки,
 Воскресшимъ сердцемъ къ ней лептѣль,
 И долгій поцѣлуй разлуки
 Союзъ любви запечатлѣлъ.
 Рука съ рукой, унынья полны,
 Сошли ко берегу въ пившинѣ —
 И Руской въ шумной глубинѣ
 Уже плывесть и пѣишь волны,
 Уже проливныхъ скалъ доспигъ,
 Уже хватаеися за нихъ . . .
 Вдругъ волны глухо зашумѣли,
 И слышенъ опдаленный спонъ . . .
 На дикій берегъ выходить онъ,
 Глядишь назадъ . . . берега ясиѣли
 И опѣенные бѣлѣли;
 Но нѣтъ Черкешенки молодой
 Ни у береговъ, ни подъ горой . . .
 Все мертво . . . на берегахъ уснувшихъ
 Лишь въпра слышенъ легкій звукъ,

И при лунѣ въ водахъ плеснувшихъ
Спруисный исчезаеъ кругъ.

Все понялъ онъ. Пронзальнымъ взоромъ
Объемлетъ онъ въ послѣдній разъ
Пуспой аулъ съ его заборомъ,
Поля, гдѣ плѣнный спадо пастъ,
Спремнины, гдѣ влачили оковы,
Ручей, гдѣ въ полдень опдыхалъ,
Когда въ горахъ Черкесъ суровый
Свободы пѣсню запѣвалъ.

Рѣдѣлъ на небѣ мракъ глубокой,
Ложился день на шемный долъ,
Взошла заря. Тропой далѣкой
Освобожденный плѣнникъ шѣлъ,
И передъ нимъ уже въ шуманахъ
Сверкали Рускіе шпыки
И окликались на курганахъ
Спорожевые казаки.

Э П И Л О Г Ъ.

Такъ муза, легкой другъ мечпы,
Къ предѣламъ Азіи лепала
И для вѣнка себѣ срывала
Кавказа дикіе цвѣпы.
Ее плѣнялъ нарядъ суровой
Племень, возросшихъ на войнѣ,
И часпо въ сей одеждѣ новой
Волшебница являлась мнѣ;
Вокругъ ауловъ опускаемыхъ
Одна бродила по скаламъ
И къ пѣснямъ дѣвъ осиротѣлыхъ
Она прислушивалась намъ;
Любила бранныя спаницы,
Тревоги смѣлыхъ казаковъ,
Курганы, тихія гробницы,
И шумъ, и ржанье шабуновъ.
Богиня пѣсень и разсказа,
Воспоминанія полна,
Быть можетъ, повѣститъ она
Преданья грознаго Кавказа;

Расскажешь повѣсть дальнихъ спранъ,
Мстислава (12) древній поединокъ,
 Измѣны, гибель Россіянъ
 На лонѣ мстипельныхъ Грузинокъ:
 И воспою поплъ славный часъ,
 Когда, почуя бой кровавый,
 На негодующій Кавказъ
 Подъялся нашъ орелъ двуглавый;
 Когда на Терекъ сѣдомъ
 Впервые грянулъ бивыхъ громъ
 И грохотъ Рускихъ барабановъ,
 И въ сѣчѣ, съ дерзоспнымъ челомъ,
 Явился пылкій Цицѣановъ;
 Тебя я воспою, герой,
 О Копляревскій, бичъ Кавказа!
 Куда ни мчался пы грозой —
 Твой ходъ, какъ черная зараза,
 Губилъ, ничпожилъ племена...
 Ты днесъ покинулъ саблю меспи,
 Тебя не радуешь война;
 Скучая миромъ, въ язвахъ чеспи,
 Вкушаешь праздный пы покой
 И пишину домашнихъ доловъ...
 Но се — воспокъ подъемлеть вой!...

Поникни снѣжною главою,
Смирись, Кавказъ: идесть Ермоловъ!

И смолкнулъ ярый крикъ войны:
Все Рускому мечу подвласно.
Кавказа гордые сыны,
Сражались, гибли вы ужасно;
Но не спасла васъ наша кровь,
Ни очарованныя брони,
Ни горы, ни лихіе кони,
Ни дикой вольности любовь!
Подобно племени Баттыя,
Измѣнишъ прадѣдамъ Кавказъ,
Забудешъ алчной брани гласъ,
Оспавишъ стрѣлы боевыя.
Къ ущельямъ, гдѣ гнѣздились вы,
Подѣдесть пупникъ безъ боязни,
И возвѣспяетъ о вашей казни
Преданья темныя молвы.

П Р И М Ъ Ч А Н І Я.

(1.) *Бештау*, или, правильнѣе, *Бештау*, Кавказская гора въ 40 верстахъ отъ Георгіевска. Извѣстна въ нашей исторіи.

(2.) *Аулъ*. Такъ называются деревни Кавказскихъ народовъ.

(3.) *Уздень*, начальникъ или князь.

(4.) *Шапка*, Черкеская сабля.

(5.) *Сакл*, хижина.

(6.) *Кумысъ* дѣлается изъ кобыльаго молока: напшюкъ сей въ большомъ употребленіи между всѣми Горскими и кочующими народами Азіи. Онъ довольно пріятенъ вкусу и почишаеися весьма здоровымъ.

(7.) Счастливыи климатъ Грузіи не вознаграждаетъ сей прекрасной страны за всѣ бѣдствія, вѣчно ею претерпѣваемыя. Пѣсни Грузинскія пріятны и по большой части заунывыны. Онѣ славятъ минувшіе успѣхи Кавказскаго оружія, смерть нашихъ героевъ: Бакунина и Циціанова — измѣны, убійства, иногда любовь и наслажденія.

(8.) Державинъ, въ превосходной своей одѣ графу Зубову, первый изобразилъ въ слѣдующихъ строкахъ дикія картины Кавказа:

О юный вождь, сверша походы,
Прошелъ ты съ воинствомъ Кавказъ,
Зрѣлъ ужасы, красы природы:
Какъ съ ребръ шамъ спрашенныхъ горъ лѣсъ,
Ревушь въ мракъ безднъ сердины рѣки;
Какъ съ чель ихъ съ грохотомъ снѣга
Надушь, лежавши цѣлы вѣки;
Какъ серны, внизъ склонивъ рога,

Ч. I.

Зряшъ въ мглѣ спокойно подъ собою
Рожденъе молній и громовъ.

Ты зрѣлъ, какъ ясною порою
Тамъ солнечны лучи, средь льдовъ,
Средь водъ, игралъ, отражаясь,
Великолѣпный кажущъ видъ;
Какъ, въ разноцвѣтныхъ разсѣваясь
Тамъ брызгахъ, шонкій дождь горитъ;
Какъ глыба шамъ сизояншарна,
Навѣясь, смогришь въ шемный боръ;
А шамъ заря злашобагряна
Сквозъ лѣсъ увеселяетъ взоръ.

Жуковскій, въ своемъ посланіи къ г-ну Воейкову, также посвящаетъ нѣсколько предельныхъ стиховъ описанію Кавказа:

Ты зрѣлъ, какъ Терекъ въ быспромѣ бѣгѣ
Межъ виноградниковъ шумѣлъ,
Гдѣ, часто припаясь на брегѣ,
Чеченецъ иль Черкесь сидѣлъ,
Подъ буркой, съ гибельнымъ арканомъ;
И вдалекѣ передъ тобой,
Одѣшны голубымъ шуманомъ,
Гора вздымалась надъ горой,
И въ сонѣ ихъ гигантъ сѣдой,
Какъ пуча, Эльборусъ двуглавой.
Ужасною и величавой
Тамъ все блистаетъ красотою:
Утесовъ мшистыхъ громады,
Бѣгущи съ ревомъ водопады

Во мракъ пучинъ съ гранишнихъ скалъ;
 Лѣса, кошорыхъ сна опъ вѣка
 Ни спукъ сѣкирь, ни человекъ
 Веселый гласъ не возмущалъ,
 Въ кошорыхъ сумрачныя сѣни
 Еще лучъ дневный не проникъ,
 Гдѣ изрѣдка одинъ елени,
 Орла послышавъ грозный крикъ,
 Тѣснясь въ толпу, шумящъ въшвами,
 И козы легкими ногами
 Перебѣгающъ по скаламъ.
 Тамъ все являешся очамъ
 Великолѣпіе шворенъ!
 Но памъ, среди уединенья
 Долинъ, шаящихся въ горахъ,
 Гнѣздящся и Балкаръ, и Бахъ,
 И Абазехъ, и Камуцинецъ,
 И Борбулакъ, и Албазинецъ,
 И Чечереецъ, и Шапсукъ.
 Пищаль, кольчуга, сабля, лукъ,
 И конь, сорашиникъ быспроногій —
 Ихъ и сокровища и боги;
 Какъ серны скачущъ по горамъ,
 Бросающъ смериъ изъ-за ушеса;
 Или по шонкимъ берегамъ,
 Въ правѣ высокой въ чащѣ лѣса
 Разсыпавшись, добычи ждушъ;
 Скалы свободы ихъ приюшъ.
 Но дни въ аулахъ ихъ бредушъ
 На коспыляхъ утрюмой лѣни:
 Тамъ жизнь ихъ — сонъ; спѣснясь въ кружокъ,
 И въ брашскій съ шабакомъ горшокъ

Вонзивши чубуки, какъ пѣни
 Въ дыму клубящемся сидятъ
 И объ убійствахъ говорятъ;
 Иль хвалятъ мѣлкія пицали,
 Изъ конхъ дѣды ихъ спрѣтали;
 Иль сабли на кремняхъ оспрягъ,
 Гошовась на убійства новы.

(9.) *Тихирь*, красное Грузинское вино.

(10.) Черкесы, какъ и всѣ дикіе народы, оплачиваются предъ нами госпепрѣимствомъ, Госпѣ спановишся для нихъ священной особою. Предать его или не защищать, почитается межъ ними за величайшее безчестіе. *Кунакъ* (ш. е. пріятель, знакомецъ) опвѣчаетъ жизни за вашу безопасность, и съ нимъ вы можете углубиться въ самую средину Кабардинскихъ горъ.

(11.) *Байранъ* или *Байрамъ*, праздникъ розговѣнья. *Рамазанъ*, Музальманскій постъ.

(12.) Мстиславъ, сынъ св. Владиміра, прозванный *Удалымъ*, удѣльный князь Тмушаракана (оспровъ Тамань). Онъ воевалъ съ Косогами (по всей вѣроятности, нынѣшними Черкесами) и въ единоборствѣ одолѣлъ князя ихъ Редедю. *Ист. Гос. Росс. Томъ II.*

БАХЧИСАРАЙСКІЙ
ФОНТАНЪ.

ВЪ ХРАМАХЪ

ФОНТАНЪ

Гирей сидѣлъ, пошупя взоръ;
Яншаръ въ успахъ его дымился;
Безмолвно раболѣпный дворъ
Вкрутъ хана грознаго пѣснился.
Все было пихо во дворцѣ;
Благоговѣя, все чипали
Примѣпы гнѣва и печали
На сумрачномъ его лицѣ.
Но повелипѣль горделивой
Махнулъ рукой неперифанвой:
И всѣ, склонившись, идуптъ вонъ.

Одинъ въ своихъ черпогахъ онъ;
Свободнѣй грудь его вздыхаетъ,
Живѣе спрогое чело
Волненье сердца выражаетъ.
Такъ бурны пучи опражаетъ
Залива зыбкое стекло.

Чпо движеть гордою душою?
 Какою мысляю занятъ онъ?
 На Русь ли вновь идетъ войною,
 Несетъ ли Польшѣ свой законъ,
 Горитъ ли местию кровавой,
 Открытъ ли въ войскѣ заговоръ,
 Спранхипся ли народовъ горь,
 Иль козней Генуи лукавой?

Нтъ, онъ скучаетъ бранной славой,
 Успала грозная рука;
 Война опъ мыслей далека.

Уже ль въ его гаремъ измѣна
 Спезей преспушною вошла,
 И дочь неволи, нѣтъ и плѣна
 Глауру сердце опдала?

Нтъ, жены робкія Гирея,
 Ни думаетъ, ни желаетъ не смѣя,
 Цвѣтуетъ въ унылой пишинѣ;
 Подъ спражей бдипельной и холодной
 На лонѣ скуки безопрадной
 Измѣнъ не вѣдаютъ онѣ.

Въ пѣни хранипельной пемницы
 Упаены ихъ красопы:
 Такъ аравійскіе цвѣпы
 Живушъ заспеклами пеплицы.
 Для нихъ уньмой чередой
 Дни, мѣсяцы, лѣта проходяшъ
 И непримѣпно за собой
 И младоспъ и любовь уводяшъ.
 Однообразенъ каждый день,
 И медленно часовъ печенье.
 Въ гаремѣ жизнью правилъ лѣнь;
 Мелькаетъ рѣдко наслажденье.
 Младыя жены, какъ нибудъ
 Желая сердце обманушъ,
 Мѣняюшъ пышныя уборы,
 Заводяшъ игры, разговоры,
 Или при шумѣ водъ живыхъ,
 Надъ ихъ прозрачными спруями
 Въ прохладѣ яворовъ гуспыхъ
 Гуляюшъ легкими роями.
 Межъ ними ходилъ злой эвнухъ,
 И убѣгалъ его напрасно:
 Его ревнивый взоръ и слухъ
 За всѣми слѣдуетъ всечасно.

Его спараньемъ заведёнъ
 Порядокъ вѣчный. Воля хана
 Ему единственнѣйшій законъ;
 Святую заповѣдь Корана
 Не спроже наблюдаешъ онъ.
 Его душа любви не просипъ;
 Какъ испуканъ, онъ переносипъ
 Насмѣшки, ненависть, укоръ,
 Обиды шалости нескромной,
 Презрѣнье, просьбы, робкій взоръ,
 И пихій вздохъ, и ропотъ помной.
 Ему извѣстенъ женскій нравъ;
 Онъ испыталъ, сколь онъ лукавъ
 И на свободѣ и въ неволѣ:
 Взоръ нѣжный, слезъ упрекъ нѣмой
 Невластны надъ его душой;
 Онъ имъ уже не вѣришь болъ.

Раскинувъ легкіе власы,
 Какъ идущъ плѣнницы младыя
 Купаться въ жаркіе часы,
 И любуясь волны ключевыя
 На ихъ волшебныя красы,
 Забавъ ихъ спорожъ неоплутный,

Онъ пупъ; онъ видишь, равнодушный,
 Прелеспищъ обнаженный рой;
 Онъ по гарему въ пмѣ ночной
 Неслышными шагами бродишь:
 Спущая шихо по коврамъ,
 Къ послушнымъ крадепся дверямъ,
 Опъ ложа къ ложу переходишь;
 Въ заботѣ вѣчной, ханскихъ жёнъ
 Роскошный наблюдаепъ сонъ,
 Ночной подслушиваепъ лепепъ;
 Дыханье, вздохъ, малѣйшій препенъ,
 Все жадно примѣчаепъ онъ:
 И горе пой, чей шопопъ сонной
 Чужое имя призывалъ,
 Или подругъ благосклонной
 Порочны мысли довѣрялъ!

Чпожъ полонъ грусти умъ Гирея?
 Чубукъ въ рукахъ его попухъ;
 Недвижимъ идохнушь не смѣя,
 У двери знака ждепъ эвнухъ.
 Вспаепъ задумчивый власпищель:
 Предъ нимъ дверь наспежъ. Молча, онъ

Идешь въ завѣшную обипель

Еще недавно милыхъ жёнъ.

Безпечно ожидая хана,

Вокругъ игриваго фонпана

На шелковыхъ коврахъ онѣ

Толпою рѣзвою сидѣли

И съ дѣтской радостью глядѣли,

Какъ рыба въ ясной глубинѣ

На мраморномъ ходила днѣ.

Нарочно къ ней на дво инья

Роняли серги золопья.

Кругомъ невольницы межъ пѣмъ

Шербепъ носили аромапной

И пѣснью звонкой и пріятной

Вдругъ огласили весь гаремъ.

ТАТАРСКАЯ ПѢСНЯ.

1.

«Даруепъ небо человѣку

Замѣну слезъ и часпыхъ бѣдъ:

Блаженъ факиръ, узрѣвшій Меку

На спароспи печальныхъ лѣтъ.

2.

«Блаженъ, кто славный брегъ Дуная
Своею смерпью освяпиптъ:
Къ нему навспрѣчу дѣва рая
Съ улыбкой спраспной полепиптъ.

3.

«Но поптъ блаженнѣй, о Зарема,
Кто, миръ и нѣгу возлюбя,
Какъ розу, въ пишпнѣ гарема
Лелѣптъ, милая, шебя.»

Онѣ поюптъ. Но гдѣ Зарема,
Звѣзда любви, краса гарема?
Увы, печальна и блѣдна,
Похвалѣ не слушаептъ она;
Какъ пальма, смяпая грозою,
Поникла юной головою;
Ничпо, ничпо не мило ей:
Зарему разлюбилъ Гирей.

Онѣ измѣнилъ!.. Но кто съ побою,
Грузинка, равенъ красопою?
Вокругъ лилейнаго чела
Ты косу дважды обвила;

Твои извѣщательныя очи
 Яснѣ дня, чернѣ ночи.
 Чей голосъ выразишь сильнѣй
 Порывы пламенныхъ желаній?
 Чей спраспный поцѣлуй живѣй
 Твоихъ извѣщательныхъ лобзаній?
 Какъ сердце, полное шбой,
 Забьется для красы чужой?
 Но, равнодушный и жестокой,
 Гирей презрѣлъ твою красу
 И ночи хладныя часы
 Проводишь мрачный, одинокой
 Съ тѣхъ поръ, какъ Польская княжна
 Въ его гаремъ заключена.

Недавно юная Марія
 Узрѣла небеса чужія;
 Недавно милою красой
 Она цвѣла въ странѣ родной;
 Съдой опецъ гордился ею
 И звалъ опрадою своею.
 Для спарика была законъ
 Ея младенческая воля.
 Одну заботу вѣдалъ онъ,

Чпобѣ дочери любимой доля
 Была, какъ вешній день, ясна,
 Чпобѣ и минувныя печали
 Ея души не помрачали,
 Чпобѣ даже замужемъ она
 Воспоминала съ умилениемъ
 Дѣвичье время, дни забавъ,
 Мелькнувшихъ легкимъ сновидѣнемъ.
 Все въ ней плѣняло: тихій нравъ,
 Движенія спройныя, живыя
 И очи шомно-голубыя.

MS

Природы милые дары
 Она искусствомъ украшала;
 Она домашніе шры
 Волшебной арфой оживляла;
 Толпы вельможъ и богачей
 Руки Маріиной искали,
 И много юношей по ней
 Въ спряданѣ пайномъ изнывали.
 Но въ пищинѣ души своей
 Она любви еще не знала
 И независимый досугъ
 Въ опцовскомъ замкѣ межъ подругъ
 Однѣмъ забавамъ посвящала.

Давно ль? И чпо же! Тмы Тапаръ
 На Польшу хлынули рѣкою:
 Не съ споль ужасной быспропою
 По жапвѣ спелелся пожаръ.
 Обезображенный войною,
 Цвѣтущій край осиротѣлъ;
 Исчезли мирныя забавы;
 Уныли села и дубравы,
 И пышный зѣмокъ опустѣлъ.
 Тиха Маріина свѣтлица...
 Въ домовоѣ церкви, гдѣ кругомъ
 Почіютъ мощи хладнымъ сномъ,
 Съ короной, съ княжескимъ гербомъ,
 Воздвиглась новая гробница...
 Опець въ могилѣ, дочь въ плѣну.
 Скупой наслѣдникъ въ зѣмкѣ правипъ
 И пѣгоспнымъ ярмомъ безславищъ
 Опустошенную спрану.

Увы! Дворецъ Бахчисарая
 Скрываеппъ юную княжну:
 Въ неволѣ пихой увядая,
 Марія плачетъ и груспипъ.
 Гирей несчастпную щадипъ:

Ея унынѣ, слезы, споны
 Тревожатъ хана крапкій сонъ,
 И для нея смягчаесть онъ
 Гарема спроеіе законы.
 Угрюмый спорожъ ханскихъ жёнъ
 Ни днемъ, ни ночью къ ней не входитъ;
 Рукой забопливой не онъ
 На ложе сна ее возводитъ;
 Не смѣетъ успремиться къ ней
 Обидный взоръ его очей;
 Она въ купальнѣ попасенной
 Одна съ невольницей своей;
 Самъ ханъ боится дѣвы плѣнной
 Печальный возмущаетъ покой;
 Гарема въ дальнемъ опдѣленѣ
 Позволено ей жить одной:
 И, мнился, въ шомъ уединенѣ
 Сокрылся нѣкпо неземной.
 Тамъ день и ночь горитъ лампада
 Предъ ликомъ Дѣвы Пресеяпой;
 Души поскующей опрада,
 Тамъ упованье въ пишинѣ
 Съ смиренной вѣрой обипаесть,
 И сердцу все напоминаесть

О близкой лучшей споронѣ, . . .
 Тамъ дѣва слезы проливаетъ
 Вдали зависливыхъ подругъ;
 И между пѣмъ, какъ все вокругъ
 Въ безумной нѣгѣ упоаетъ,
 Священно спрогую скрываетъ
 Спасенный чудомъ уголокъ.
 Такъ сердце; жертва заблуждений,
 Среди порочныхъ упоеній,
 Хранитъ одинъ священный залогъ,
 Одно божественное чувство . . .

Настала ночь; покрылись пѣныю
 Тавриды сладостной поля;
 Вдали подъ пихой лавровъ сѣнью
 Я слышу пѣнье соловья;
 За хоромъ звѣздъ луна возходитъ;
 Она съ безоблачныхъ небесъ
 На доли, на холмы, на лѣсъ
 Сіянье помное наводитъ.
 Покрывы бѣлой пеленой,
 Какъ пѣни легкія мелькая,
 По улицамъ Бахчисарая,
 Изъ дома въ домъ, одна къ другой,

Проспыхъ Татаръ спѣшаютъ супруги
 Дѣлать вечерніе досуги.
 Дворецъ утихъ; уснулъ гаремъ,
 Объятый нѣгой безмятежной;
 Не прерывается ничѣмъ
 Спокойство ночи. Спражъ надежной,
 Дозоромъ обошелъ эвнухъ.
 Теперь онъ спитъ; но спражъ прилѣжной
 Тревожитъ въ немъ и спящій духъ.
 Измѣнъ всечасныхъ ожиданье
 Покоя не даетъ уму.
 То чей-то шорохъ, то шептанье,
 То крики чуждые ему;
 Обманутый невѣрнымъ слухомъ,
 Онъ пробуждается, дрожитъ,
 Напуганнымъ припикнувъ ухомъ...
 Но все кругомъ него молчитъ;
 Одни фонтаны сладкозвучны
 Изъ мраморной пещицы бьютъ,
 И съ милой розой неразлучны
 Во мракъ соловьи поютъ;
 Эвнухъ еще имъ долго внемлетъ,
 И снова сонъ его объемлетъ.

Какъ милы темныя красы
 Ночей роскошнаго востока!
 Какъ сладко льются ихъ часы
 Для обожателей Пророка!
 Какая нѣга въ ихъ домахъ,
 Въ очаровательныхъ садахъ,
 Въ пиши гаремовъ безопасныхъ,
 Гдѣ подъ вліяніемъ луны
 Все полно тайнъ и пищины
 И вдохновеній сладоспращныхъ!

Всѣ жены спятъ. Не спишь одна.
 Евда дыша, вспаешь она;
 Идешь; рукою порошливой
 Открыла дверь; во шмѣ ночной
 Спускаешь легкою ногой...
 Въ дремотѣ чупкой и пугливой
 Предъ ней лежишь эвнухъ съдой.
 Ахъ, сердце въ немъ неумолимо:
 Обманчивъ сна его покой!...
 Какъ духъ, она проходишь мимо.

Предъ нею дверь; съ недоумѣньемъ
 Ея дрожащая рука
 Коснулась вѣрнаго замка...

Вошла, взираетъ съ изумленьемъ...
 И тайный спрахъ въ нее проникъ.
 Лампады свѣтъ уединенный,
 Кивотъ, печально озаренный,
 Пречиспой Дѣвы кропкій ликъ
 И Креслъ, любви символъ священный...
 Грузинка, все въ душѣ пвоей
 Родное чпо - то пробудило,
 Все звуками забытыхъ дней
 Невнятно вдругъ заговорило,
 Предъ ней покоилась княжна,
 И жаромъ дѣвственнаго сна
 Ея ланиты оживлялись
 И, слезъ являя свѣжій слѣдъ,
 Улыбкой томной озарялись:
 Такъ озаряетъ лунный свѣтъ
 Дождемъ опягощенный цвѣтъ;
 Спорхнувшій съ неба, сынъ эдема,
 Казалось, ангелъ почивалъ
 И сонный слезы проливалъ
 О бѣдной плѣнницѣ гарема...
 Увы, Зарема, чпо съ тобой!
 Сплѣснлась грудь ея поской,
 Невольно клоняпся колѣни,

И молишь: «сжался надо мной,
 Не отвергай моихъ моленій!»...
 Ея слова, движенье, спонъ
 Прервали дѣвы тихій сонъ.
 Княжна со спрахомъ предъ собою
 Младую незнакомку зрѣтъ;
 Въ смятенѣ, препенной рукою
 Ее подѣмля, говоришь:
 «Кпо пы?... Одна, порой ночью,
 Зачѣмъ пы здѣсь?» — Я шла къ шебѣ:
 Спаси меня; въ моей судьбѣ
 Одна надежда мнѣ оспалась...
 Я долго счастѣемъ наслаждалась,
 Была безпечнѣй день опъ дня...
 И пѣнь блаженства миновалась;
 Я гибну. Выслушай меня.

Родилась я не здѣсь, далеко,
 Далеко... но минувшихъ дней
 Предметы въ памяти моеѣ
 Донинѣ врезаны глубоко.
 Я помню горы въ небесахъ,
 Попоки жаркіе въ горахъ,
 Непроходимыя дубравы,

Другой законъ, другіе нравы;
 Но почему, какой судьбой
 Я край оспавила родной,
 Не знаю; помню только море
 И челоѣка въ вышинѣ
 Надъ парусами...

Спрахъ и горе

Донинѣ чужды были мнѣ;
 Я въ безмятежной тишинѣ
 Въ тѣни гарема разцѣпала
 И первыхъ опышковъ любви
 Послушнымъ сердцемъ ожидала.
 Желанья тайныя мои
 Сбылись. Гирей для мирной тѣги
 Войну кровавую презрѣлъ,
 Престѣкъ ужасные набѣги
 И свой гаремъ опять узрѣлъ.
 Предъ хана въ смущенномъ ожиданѣ
 Предспали мы. Онъ свѣпый взоръ
 Оспановилъ на мнѣ въ молчанѣ,
 Позвалъ меня.... и съ энихъ поръ
 Мы въ непрерывномъ упоеньѣ
 Дышали счастьемъ; и не разъ
 Ни клеветы, ни подозрѣнья,

Ни злобной ревности мученье,
 Ни скука не смущала насъ.
 Марія, пы предъ нимъ явилась...
 Увы, съ тѣхъ поръ его душа
 Преспуиной думой омрачилась!
 Гирей, измѣною дѣша,
 Моихъ не слушаешь укоровъ;
 Ему докученъ сердца спонъ;
 Ни прежнихъ чувствъ, ни разговоръ
 Со мною не находишь онъ.
 Ты преспуиленю не причастиша;
 Я знаю, не пвоя вина...
 И пакъ послушай: я прекрасна;
 Во всемъ гаремъ пы одна
 Могла бъ еще мнѣ быть опасна;
 Но я для спраспи рождена,
 Но пы любить, какъ я, не можешь;
 Зачѣмъ же хладной красотой
 Ты сердце слабое превозишь?
 Оспавъ Гирей мнѣ: онъ мой;
 На мнѣ горящъ его лобзанья,
 Онъ кляпвы спрашныя мнѣ далъ,
 Давно всѣ думы, всѣ желанья
 Гирей съ монми сочешалъ;

Меня убѣепть его измѣна...
 Я плачу? видишь, я колѣна
 Теперь склоняю предъ побой
 Молю, винишь себя не смѣя,
 Опдай мнѣ радость и покой,
 Опдай мнѣ прежняго Гирея...
 Не возражай мнѣ ничего;
 Онъ мой; онъ ослѣщенъ побой.
 Презрѣнемъ, просьбой, шоскою,
 Чѣмъ хочешь, опвраппи его;
 Клянись... (хопъ я для Алкорана,
 Между невольницами хана,
 Забыла вѣру прежнихъ дней;
 Но вѣра мащери моей
 Была пивоя) клянись мнѣ ею
 Зарему возвращишь Гирею...
 Но слушай: если я должна
 Тебѣ... кинжаломъ я владѣю,
 Я близъ Кавказа рождена.»

Сказавъ, исчезла вдругъ. За нею
 Не смѣешь слѣдовать княжна.
 Невинной дѣвѣ непоняпенъ
 Языкъ мучительныхъ спрасей:

Но голосъ ихъ ей смутно внятенъ,
 Онъ спраненъ, онъ ужасенъ ей.
 Какія слезы и моленья
 Ее спасушь отъ посрамленья?
 Чпо ждетъ ее? Уже ли ей
 Оспапокъ горькихъ юныхъ дней
 Провеситъ наложищей презрѣнной?
 О Боже! если бы Гирей
 Въ ся щемницѣ опдаленной
 Забылъ несчастную навѣкъ,
 Или кончиной ускоренной
 Унылы дни ея пресѣкъ;
 Съ какою бъ радостью Марія
 Оспавила печальный свѣтъ!
 Мгновенья жизни дорогія
 Давно прощли, давно ихъ нѣтъ!
 Чпо дѣлаетъ ей въ пуспынѣ міра?
 Ужъ ей пора, Марию ждущъ,
 И въ небеса на лоно мира
 Родной улыбкою зовущъ.

Промчались дни; Маріи нѣтъ.
 Мгновенно сирота почла.
 Она давно-желанный свѣтъ,

Какъ новѣй ангелъ, озарила.
 Но что же въ гробъ ее свело?
 Тоска ль неволи безнадежной,
 Болѣзнь, или другое зло,
 Кто знаетъ? Нынѣ Марин нѣжной! . . .
 Дворецъ утрюмый опускалъ;
 Его Гирей опять оставилъ;
 Съ толпой Ташаръ въ чужой предѣлъ
 Онъ злой набѣгъ опять направилъ;
 Онъ снова въ буряхъ боевыхъ
 Несется мрачный, кровожадный:
 Но въ сердцѣ хана чувствуя иныхъ
 Таища пламень безоправданный.
 Онъ часто въ сѣчахъ роковыхъ
 Подъемлетъ саблю, и съ размаха
 Недвижимъ оспается вдругъ,
 Глядитъ съ безуміемъ вокругъ,
 Блѣднѣетъ, будто полный страха,
 И что-то шепчетъ, и порой
 Горючи слезы льетъ рѣкой.

Забытый, преданный презрѣнію,
 Гаремъ не зрѣтъ его лица;
 Тамъ, обреченныя мученію,

Подъ спражей хладнаго скопца
 Спарѣюгъ жены. Между ними
 Давно Грузинки нѣтъ; она
 Гарема спражами нѣмыми
 Въ пучину водъ опущена.
 Въ ту ночь, какъ умерла княжна,
 Свершилось и ея спраданье.
 Какая бѣ ни была вина,
 Ужасно было наказанье!

Опуспошивъ огнемъ войны
 Кавказу близкія спраны
 И села мирныя Россіи,
 Въ Тавриду возвратился ханъ
 И, въ память горестной Маріи,
 Воздвигнулъ мраморный фоншанъ
 Въ углу дворца уединенный.
 Надъ нимъ Креспомъ осынена
 Магомешанская луна
 (Символъ конечно дерзновенный,
 Незнанья жалкая вина).
 Есть надпись: ѣдкими годами
 Еще не сгладилась она.
 За чуждыми ея черпами

Журчитъ во мраморѣ вода
 И каплетъ хладными слезами,
 Не умолкая никогда.
 Такъ плачетъ мать во дни печали
 О сынѣ, падшемъ на войнѣ.
 Младья дѣвы въ шой спранѣ
 Преданье спарины узнали,
 И мрачный памятникъ онѣ
Фонтаномъ слезъ именovali.

Покинувъ сѣверъ наконецъ,
 Пыры надолго забывая,
 Я посѣпилъ Бахчисаря
 Въ забвеньѣ дремлющій дворецъ;
 Среди безмолвныхъ переходовъ
 Бродилъ я памъ, гдѣ, бичъ народовъ,
 Тапаринъ буйный пировалъ
 И послѣ ужасовъ набѣга
 Въ роскошной лѣни упопалъ,
 Еще понынѣ дышетъ нѣга
 Въ пуспыхъ покояхъ и садахъ;
 Играютъ воды, рдѣютъ розы,
 И вьюпся виноградны лозы,
 И запно блещетъ на спѣнахъ.

Я видѣлъ вѣпхія рѣшетки,
 За коими, въ своей веснѣ,
 Яшпарны разбирая чепки,
 Вдыхали жены въ пишинѣ.
 Я видѣлъ ханское кладбище,
 Владыкъ послѣднее жилище.
 Син надгробные сполбы,
 Вѣчяны мраморной чалмою,
 Казалось мнѣ, — завѣсть судьбы
 Гласили вяпшною молвою.
 Гдѣ скрылись ханы? Гдѣ гаремъ?
 Кругомъ все пихо, все уныло,
 Все измѣнилось... но не пѣмъ
 Въ то время сердце полно было:
 Дыханье розъ, фонпановъ шумъ
 Влекли къ невольному забвенью,
 Невольно предавался умъ
 Неизъяснимому волненью,
 И по дворцу лепучей пѣнью
 Мелькала дѣва предо мной!...

Чью пѣнь, о други, видѣлъ я?
 Скажите мнѣ: чей образъ нѣжный
 Тогда преслѣдовалъ меня

Неопразимый, неизбежный?

Марія ль чистая душа

Являлась мнѣ, или Зарема

Носилась, ревностью дыша,

Средь опустѣлаго Гарема?

Я помню споль же милый взглядъ

И красоту еще земную ...

Поклонникъ музъ, поклонникъ мира,

Забывъ и славу и любовь,

О, скоро васъ увижу вновь,

Брега веселье Саггир!

Приду на склонъ приморскихъ горъ,

Воспоминаній тайныхъ полный,

И вновь Таврическія волны

Обрадуютъ мой жадный взоръ.

Волшебный край, очей опрада!

Все живо памѣ: холмы, лѣса,

Янтарь и яхонты винограда,

Долинъ пріютная краса,

И струй и щополей прохлада;

Все чувствено пупника манишь,

Когда, въ часъ упря безмятежной,

Въ горахъ, дорогою прибрежной,
Привычный конь его бѣжитъ,
И зеленѣющая влага
Предъ нимъ и блещетъ и шумитъ
Вокругъ утесовъ Аю-дага . . .

ВЫПИСКА ИЗЪ ПУТЕШЕСТВІЯ ПО ТАВРИДѢ
И. М. МУРАВЬЕВА-АПОСТОЛА.

I.

«Вчера ввечеру, подъѣхавъ къ Бахчисараю и спустившись въ ущелину, въ которой онъ лежишь, я засвѣшло успѣлъ шолько проѣхавъ длинную улицу, ведущую къ Хансараю (п. е. къ ханскому дворцу,) на воспочномъ концѣ города находящемуся. Солнца давно уже не видно было за горами, и сумракъ начинать сгущаться, когда я вспушилъ на первый дворъ *сарал*. Эпо не помѣшало мнѣ пробѣжавъ по перемамъ и дворамъ Таврической *Аламбры*; и чѣмъ меньше видимы спановились предметы, тѣмъ живѣе дѣлалась игра воображенія моего, наполнившагося радужными цвѣтами воспочной поэзіи.

Я поведу себя, мой другъ, не изъ покоель, но, шакъ какъ должно, опъ внѣшнихъ ворошь, въ кошорыя проѣздъ съ улицы, по моспу, чрезъ узкую *грлзную ртску* Сурукъ-су. Прошедъ въ вороша, шы на первомъ дворѣ, на проспранномъ паралелограмѣ, коего прошивоположный входу, малый бокъ граничитъ съ садовыми перасами; оба же большіе заняшы на лѣвой споронѣ мечешю и службами, а съ правой дворцемъ, сосшоящимъ изъ смѣжныхъ не одинаковой высоты зданій. На эпой правой споронѣ, чрезъ вороша, подъ спроеніемъ находящіяся, шы проходишь во внушренній дворъ, гдѣ шощась на лѣвой рукѣ предсшавляющія шебѣ желѣзныя двери, песпро въ Аравскомъ вкусѣ украшенныя, съ двухглавымъ надъ ними орломъ, занявшимъ мѣсто Оппшманской луны.

Переступивъ за порогъ, шы въ проспиранныхъ сѣняхъ на мраморномъ помостѣ и на правой рукѣ видишь широкое крыльцо, ведущее на верхнія палаты. Но сперва оспановимся въ сѣняхъ и посмотришь на два прекрасные фоншана, безпресшанно люющіе воду изъ сѣсны, и бѣлыя мраморныя чаши, одинъ на супрошивъ дверей, другой шончасъ налѣво.

Дабы не оспавишь ничего недосказаннымъ о семъ нижнемъ помостѣ, замѣшимъ широкій коридоръ ошъ лѣваго угла пропивоположно входу сѣсны, ведущей прямо въ домовую ханскую божищу, надъ дверью коей начерпано:

Селамидъ-Гирей ханъ, сынь Гаджи-Селимъ Гирей хана (*)

Другая дверь шогоже коридора налѣво даешъ входъ въ большую комнашу, гдѣ диванъ вокругъ сѣсны до половины покоя, съ мраморнымъ посреди онаго водомешомъ. Эшо убѣжище предесшно прохладю въ знойныя часы, когда раскаляюшся ошъ жара окружающія Бахчисарай горы. Третья дверь ведешъ въ ханскій диванъ, ш. е. въ комнашу, гдѣ собирався государспивенный совѣтъ; въ нее ешъ входъ и чрезъ переднюю, снаружи ошъ большого двора.

Когда я опишу шебѣ одну изъ залъ верхняго жилья, шы будешъ имѣшь поняшье о всѣхъ прочихъ, разиспвующихъ между собою однимъ только большимъ или меньшимъ украшеніемъ на сѣснахъ. Какъ фасадъ спроенія не по прямой черпѣ, а городками, шо первое должно замѣппишь, что главные залы освѣщены съ шрехъ споронѣ, ш. е. всѣ изъ фасада выпсупающія оныхъ сѣсны вспонѣ окончашыя. Другаго входа въ залу нѣппѣ, кромѣ одной двери боковой, непримѣппной, между пиласпрами Аравскаго вкуса, между конми и шкафы, шакже не примѣппныя, находяшся по всей

(*) Селамидъ владѣлъ ошъ 1587 по 1610.

шемой эпой сѣнѣ. Надъ оными стекла (въ лучшихъ залахъ) снуши и снаружи покоя, до пошолка, между коими спояшъ украшенія лѣпной работы, какъ по: чаши съ плодами, съ цвѣтами, или дерева, съ чучелами разныхъ птицъ. Пошолки также, какъ и шемная сѣна, споларной работы и весьма красивы: это шоненькая вызолоченая рѣшетка, лежащая на лаковомъ грунѣ, густаго краснаго цвѣта; на полу я увидѣлъ знакомые мнѣ по Испаніи *эстеры*, ш. е. рогожки весьма искусно сплешенныя изъ шпросника, родъ *сениста* и употребляемыя вмѣсто ковровъ на полахъ кирпичныхъ или каменныхъ. Для защиты отъ яркостей лучей въ комнатахъ, съ шрехъ сторонъ освѣщенной, кромѣ спавней служатъ еще и цвѣшныя, узорчатыя стекла въ окнахъ, любимое рыцарскихъ замковъ украшеніе, безъ сомнѣнія занятое Европейцами отъ воспочныхъ народовъ, во время крешовыхъ походовъ. Если въ заключеніе сего общаго описанія шы предсавивъ себѣ диванъ, ш. е. подушки, нѣкогда изъ шелковыхъ шканей на полу лежація вокругъ всѣхъ сѣнѣ, исключая шемной, шы будешь имѣть понятіе о лучшихъ залахъ дворца, кромѣ шрехъ или чешырехъ, передѣланныхъ для Императрицы Екатерины II, въ Европейскомъ вкусѣ, съ высокими диванами, креслами и сподами. Сія послѣдняя ушварь особливо драгоценна для насъ *крещенныхъ*, ибо во всѣхъ справахъ, гдѣ проповѣдуется Коранъ, правовѣрные вмѣсто сподовъ употребляютъ низкія круглыя скамьи, на копоры спавяшъ подносы и фданъ на нихъ сидя, поджавъ подъ себя ноги на полу.

Ты легко догадаешься можешъ, что въ шпоротъ отъ сего шпроенія находился гаремъ, неприслупный для всѣхъ, кромѣ хана, и для одного имѣющій сообщеніе чрезъ коридоръ съ дворцемъ. Эша часшъ болѣе всѣхъ въ упадѣ.

Разные домики, въ коихъ нѣкогда жертвы любви, или лучше сказать, любоспращія, помилися въ неволѣ, представляють теперь печальную картину разрушенія; обвалившіеся пошодки, изломанные полы. Время сокрушило узлице; но чпо въ томъ пользы, когда по же время, рокомъ узницамъ определенное, прошло для нихъ безоправданно въ рабскихъ угожденіяхъ *одному*, не по сердцу избранному другу, но жестокому властелину! На краю сего гарема спощъ на большомъ дворѣ высокая шестигугольная бесѣдка, съ рѣшетками вѣсшо оконъ, изъ кошорой, какъ сказывающъ, ханскія жены, невидимыя, смощъли на игры, възды пословъ и другія позорища. Иные говорящъ, будощъ ханъ любовался фазанами и показывалъ ихъ любимащъ своимъ. Это послѣднее пошому только вѣроашно, чпо нѣшухъ съ семействомъ своимъ ещъ единшвенная картина, кошорую супругъ-мусульманъ можешъ представляшъ невольницамъ своимъ въ оправданіе многоженства. Между сею полусогнившешо бесѣдкою и кошапою, о кошорой я говорилъ на нижнемъ помощѣ, съ мраморнымъ фонтаномъ, ещъ прекрасный двѣшничекъ, гдѣ миршъ и розы могли нѣкогда виушашъ пѣсни Тапарскому Анакреону.

Но пора осмашвъ сіи, грудъ пѣсншщіе памяшники невольничества и выйши подышашъ на чшсшомъ воздухѣ. Вошъ насупрощвъ большшхъ ворошъ, на концѣ двора, къ горѣ примыкающагося, терасы въ чешыре усшупа, на коихъ плодоносныя деревья, виноградъ на рѣшеткахъ и прозрачныя испочники, съ усшупа на другой лшющіеся въ каменные бассейны. Можешъ бышъ, нѣкогда мурзы-царедворцы, уподобляя Гиреевъ владыкамъ Вавилона, сравнивали и терасы ихъ съ висшщими садами Семирамиды: но теперь Крымское чудо сіе представляешъ видъ опущшшя, шакъ какъ и всѣ памяшники въ Тавридѣ. Болѣе всего жалъ драгоцѣшшѣй-

иго здѣсь сокровища, воды: многія прубы уже засорились, а нѣкоторыя источники и совсѣмъ исчезли.

За мечетью, вѣтъ двора, кладбище хановъ и султановъ владѣтельнаго дома Гиреевъ. Прахъ ихъ поконился подъ бѣлыми, мраморными гробницами, осыпанными высокими шоплями, орѣховыми и шелковичными деревьями. Тутъ лежалъ Менгли и ошецъ его, основатель могущественнаго царства Крымскаго. Всѣ памятники покрыты надписями.

Прежде, нежели оставимъ сію юдоль сна непробуднаго, я укажу шебѣ опъ сюда на холмъ, влѣво опъ верхней садовой шерасы, на коемъ стоить красивое зданіе съ круглымъ куполомъ: это мавзолей прекрасной Грузинки, жены хана Керимъ-Гирея. Новая Запра, силою прелесней своихъ, она повелѣвала пому, кому все здѣсь повиновалось; но не долго: увялъ райскій цвѣтъ въ самое утро жизни своей, и безопрадный Керимъ соорудилъ *любезной* памятникъ сей, дабы ежедневно входилъ въ оный и утѣшался слезами надъ прахомъ незабвенной. Я самъ хотѣлъ поклониться гробу красавицы, но нѣтъ уже болѣе входа къ нему; дверь наглухо заложена. Спрашно очень, что всѣ здѣшніе жили не премѣнно хопяшъ, что бы эша красавица была не Грузинка, а Полячка, именно какая-то Попоцкая, будно бы похищенная Керимъ-Гиреемъ. Сколько я ни спорилъ съ нимъ, сколько ни увѣрялъ ихъ, что преданіе сіе не имѣетъ никакого историческаго основанія и что во второй половинѣ XVIII вѣка не такъ легко было Ташарамъ похищать Полячекъ; всѣ доводы мои остались безполезными: они спояшъ въ одномъ: красавица была Попоцкая; и я другой причины упорству сему не нахожу, какъ развѣ принятое и справедливое мнѣніе, что красота женская есть, такъ сказать, принадлежность рода Попоцкихъ.»

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ПИСЬМА.

II.

Изъ Азіи переѣхали мы въ Европу (*) на корабль. Я поспѣшѣе отправился на шакъ названную *Митридатову гробницу* (развалины какой-то башни); тамъ сорвалъ цвѣтшій для памяти и на другой день потерялъ безъ всякаго сожалѣнія. Развалины Пашпикаеи не сильноѣе подѣйствовали на мое воображеніе. Я видѣлъ слѣды улицъ, полузаросшія ровъ, спарые кирпичи и полько. Изъ Θεοδοσία до самаго Юрзуфа ѣхалъ я моремъ. Всю ночь не спалъ; луны не было; звѣзды блистали; передо мною въ туманѣ плыли полуденныя горы. . . . «Вонъ Чешырдагъ,» сказалъ мнѣ Кашипанъ. Я не различилъ его, да и не любовныислѣдовалъ. Передъ свѣтомъ я заснулъ. Между тѣмъ корабль остановился въ виду Юрзуфа. Проснувшись, увидѣлъ я карпину илѣйштельную; разноцвѣтныя горы сіяли; плоскія кровли хижинъ пашарскихъ издали казались ульями, прилѣпленными къ горамъ, пополи, какъ зеленныя колонны, стройно возвышались между ними; справа огромный Аю-дагъ. . . . и кругомъ это синее, чистое небо, и свѣтлое море, и блескъ, и воздухъ полуденный. . . .

Въ Юрзуфѣ жилъ я *сиднемъ*, купался въ морѣ и обѣдѣлся виноградомъ; я поспѣшѣе привыкъ къ полуденной природѣ и наслаждался ею со всеѣмъ равнодушіемъ и безпечностію Неаполипанскаго Lazzaroni. Я любилъ, проснувшись ночью, слушать шумъ моря и заслушивался цѣлые часы. Въ двухъ шагахъ отъ дома росъ молодой кипарисъ; каждое утро я посѣщалъ его и къ нему привязался чувственно,

(*) Изъ Тамани въ Керчь.

похожимъ на дружество. Вопрь все, что пребываніе мое въ Юрзуфъ оставило у меня въ памяти.

Я объѣхалъ полуденный берегъ, и путешесствіе М. оживило во мнѣ много воспоминаній, но спрашнный переходъ его по скаламъ Кикенейса не оставилъ ни малѣйшаго слѣда въ моей памяти. По горной лѣспницѣ взобрались мы пѣшкомъ, держа за хвостъ панарскихъ лошадей нашихъ. Это забавляло меня чрезвычайно, и казалось какимъ-то шанисшвеннымъ, воспочнымъ обрядомъ. Мы переѣхали горы, и первый предметъ, поразившій меня, была береза, сѣверная береза! Сердце мое сжалось: я началъ ужъ шосковать о миломъ полуднѣ, хотя все еще находился въ Тавридѣ, все еще видѣлъ и пополи и виноградныя лозы. Георгіевской монастырь и его крупная лѣспница къ морю оставили во мнѣ сильное впечатлѣніе. Тутъ же видѣлъ я и баснословныя развалины храма Діаны. Видно міеологическія преданія счастливые для меня воспоминаній историческихъ, по крайней мѣрѣ нупъ посѣщали меня рѣны.

Въ Бахчисарай пріѣхалъ я больной. Я прежде слыхалъ о спрашномъ памятникѣ влюбленнаго хана. Б ** поэшически описывала мнѣ его, называя *la fontaine des larmes*. Вошедъ во дворецъ, увидѣлъ я испорченный фонтанъ; изъ заржавой желѣзной шрубки по каплямъ падала вода. Я обошелъ дворецъ съ большой досадою на небреженіе, въ кошоромъ онъ исплѣваешь, и на полуевропейскія передѣлки пѣкошорыхъ команш. N. N. почти насильно повелъ меня по вешхой лѣспницѣ въ развалины гарема и на ханское кладбище:

Но не шѣмъ

Въ то время сердце полно было:
лихорадка меня мучила.

Что касается до памянника ханской любвицы, о ко-
шоромъ говоришь М., я о немъ не вспомнилъ, когда писалъ
свою поэму, а шо бы непременно имъ воспользовался.

Конецъ первой части.

Смер: Говре

ПОЭМЫ и ПОВѢСТИ

ПУШКИНА.

II.

П О Э М Ы

и

ПОВѢСТИ

АЛЕКСАНДРА ПУШКИНА.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Печатано въ Военной Типографіи.

1835.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ:

Съ шѣмъ чѣобы по напечатаніи представлены
были въ Ценсурный Комитетъ при экземплярѣ.
Санктпетербургъ. Генваря 12-го дня 1835 года.

Ценсоръ Никитенко.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.

I. БРАТЯ РАЗВОЙНИКИ	1.
II. ЦЫГАНЫ	13.
III. ГРАФЪ НУЛИНЪ	53.
IV. ПОЛТАВА	73.
V. ДОМИКЪ ВЪ КОЛОМНѢ	163.
VI. АНДЖЕЛО	183.

Издание Книгопродавца А. Смирдина.

**БРАТЯ
РАЗБОЙНИКИ.**

Не спая вороновъ слепалась
На груди плѣющихъ костей,
За Волгой, ночью, вокругъ огней
Удалыхъ шайка собиралась.
Какая смѣсь одеждъ и лицъ,
Племень, нарѣчій, сосполяній!
Изъ хапъ, изъ келій, изъ пемницъ
Они спеклися для спяжаній!
Здѣсь цѣль одна для всѣхъ сердець —
Живупъ безъ власни, безъ закона.
Межъ ними зрипся и бѣглець
Съ береговъ воинспвеннаго Дона,
И въ черныхъ локонахъ Еврей,
И дикіе сыны степей,
Калмыкъ, Башкирець безобразной,
И рыжій Финнъ, и съ лѣнью праздною
Вездѣ кочующій Цыганъ!
Опасность, кровь, развратъ, обманъ —

Супъ узы спрашнаго семейства;
 Топъ ихъ, кто съ каменной душой
 Прошелъ всѣ степени злодѣйства;
 Кто рѣжетъ хладною рукой
 Вдовицу съ бѣдной сиротой,
 Кому смѣшно дѣшей спенанье,
 Кто не прощаетъ, не щадитъ,
 Кого убійство веселитъ,
 Какъ юношу любви свиданье.

Запихло все, теперь луна
 Свой блѣдный свѣтъ на нихъ наводитъ,
 И чарка пѣннаго вина
 Изъ рукъ въ другія переходитъ.
 Просперпы на землѣ сырой
 Иные чутко засыпаютъ:
 И сны злобѣщїе лепшаютъ
 Надъ ихъ преспуной головой.
 Другимъ рассказы сокращаютъ
 Угрюмой ночи праздный часъ;
 Умолкли всѣ — ихъ занимаетъ
 Пришельца новаго рассказъ,
 И все вокругъ его внимаютъ:

«Насъ было двое: братъ и я.

Росли мы вмѣстѣ; нашу младоспѣ

Вскормила чуждая семья:

Намъ, дѣтямъ, жизнь была не въ радость;

Уже мы знали нужды гласъ,

Сносили горькое презрѣнье

И рано волновало насъ

Жестоконъ зависпн мученье.

Не оставалось у сиротъ

Ни бѣдной хижинки, ни поля;

Мы жили въ горѣ, средѣ заботъ,

Наскучила намъ эта доля,

И согласились межъ собой

Мы жребій испытать иной:

Въ поварнищи себѣ мы взяли

Булапный ножъ да темну ночь:

Забыви робоспѣ и печали,

А совѣспѣ опогнали прочь.

Ахъ, юноспѣ, юноспѣ удалая!

Жизнь въ то время было намъ,

Когда погибель презирая,

Мы все дѣлили пополамъ.

Бывало полько мѣсяцъ ясный
 Взойдѣть и спанѣть средь небесъ,
 Изъ подземелія мы въ лѣсъ
 Идемъ на промыселъ опасный.
 За деревомъ сидимъ и ждѣмъ:
 Идѣтъ-ли поздною дорогой
 Богатый Жидъ иль погъ убогой, —
 Все наше! все себѣ берѣмъ.
 Зимой бывало въ ночь глухую
 Заложимъ пройку удалую,
 Поѣмъ и свищемъ, и спрѣлой
 Лепимъ надъ снѣжной глубиной.
 Кпо не боялся нашей вспрѣчи?
 Завидѣли въ харчевнѣ свѣчи —
 Туда! къ воропамъ, и спучимъ,
 Хозяйку громко вызываемъ,
 Вошли — всё даромъ: пьемъ, ѣдимъ,
 И красныхъ дѣвушекъ ласкаемъ!

И чпожъ? попались молодцы;
 Не долго брашья пировали,
 Поймали насъ — и кузнецы
 Насъ другъ ко другу приковали,
 И спража отвѣла въ оспрогъ.

Я старшій былъ пятью годами,
 И вынесишь больше брата могъ.
 Въ цѣпяхъ, за душными спѣвками
 Я уцѣлѣлъ — онъ изнемогъ.
 Съ прудомъ дыша, помимъ поскою,
 Въ забвеньи, жаркой головою
 Склоняясь къ моему плечу,
 Онъ умиралъ, птвердя всечасно:
 «Мнѣ душно здѣсь... я въ лѣсъ хочу...
 Воды, воды!...» но я напрасно
 Спрадальцу воду подавалъ:
 Онъ снова жаждою помился
 И градомъ полъ по немъ капился.
 Въ немъ кровь и мысли волновалъ
 Жаръ ядовитпаго недуга;
 Ужь онъ меня не узнавалъ
 И поминупно призывалъ
 Къ себѣ поварница и друга.
 Онъ говорилъ: «гдѣ скрлся пы?
 Куда свой пайный пупъ направилъ?
 Зачѣмъ мой братъ меня оставилъ
 Средь этой смрадной шемнопы?
 Не онъ ли самъ опъ мирныхъ пашень
 Меня въ дремучій лѣсъ сманилъ,

И ночью памь, могуць и спрашенъ,
 Убийству первый научилъ?
 Теперь онъ безъ меня на волѣ
 Одинъ гуляеть въ чиспомъ полѣ,
 Тяжелымъ машеть киспенемъ
 И позабылъ въ завидной долѣ
 Онъ о поварищѣ своемъ!... »
 То снова разгорались въ немъ
 Докучной совѣсти мученья:
 Предъ нимъ пошпились привидѣнья,
 Грозя перспомъ издалека.
 Всѣхъ чаще образъ спарика
 Давно зарѣзаннаго нами
 Ему на мысли приходилъ;
 Больной, зажавъ глаза руками,
 За спарца пакъ меня молилъ:
 «Братъ! сжался надъ его слезами!
 Не рѣжь его на спароспѣ лѣпъ...
 Мнѣ дряхлый крикъ его ужасень...
 Пущи его — онъ неопасень;
 Въ немъ крови капли пещлой нѣтъ...
 Не смѣйся, братъ, надъ сѣдинами,
 Не мучь его... авось мольбами
 Смягчипъ за насъ онъ Божій гнѣвъ!... »

Я слушалъ, ужасъ одолѣвъ;
 Хотѣлъ унять больнаго слезы
 И удалилъ пустыя грезы.
 Онъ видѣлъ пляски мершвецовъ,
 Въ шюрьму пришедшихъ изъ лѣсовъ,
 То слышалъ ихъ ужасный шопопъ,
 То вдругъ погоня близкій шопопъ,
 И дико взгляды его сверкала,
 Спояли волосы горою,
 И весь какъ листъ онъ пререпешалъ.
 То мнилъ ужъ видѣшь предъ собою
 На площадяхъ толпы людей,
 И спрашный ходъ до мѣста казни,
 И кнупъ и грозныхъ палачей...
 Безъ чувствъ, исполненный боязни,
 Братъ упалъ ко мнѣ на грудь.
 Такъ проводилъ я дни и ночи,
 Не могъ минушы отдохнуть
 И сна не знали наши очи.

Но молодость свое взяла:
 Вновь силы брата возвратились,
 Болѣзнь ужасная прошла,
 И съ нею грезы удалились.

Воскресли мы. Тогда сильный
 Взяла поска по прежней долѣ;
 Душа рвалась къ лѣсамъ и къ волѣ,
 Алкала воздуха полей.
 Намъ пошенъ былъ и мракъ пемницы,
 И сквозь рѣшепки свѣтъ денницы,
 И спражи кликъ, и звонъ цѣпей,
 И легкой шумъ залѣнной пищи.

По улицамъ однажды мы,
 Въ цѣпяхъ, для городской шпорьмы
 Сбирали вмѣстѣ подаанье,
 И согласились въ пишинѣ
 Исполнить давнее желанье;
 Рѣка шумѣла въ споронѣ,
 Мы къ ней — и съ береговъ высокихъ
 Бухъ! поплыли въ водахъ глубокихъ.
 Цѣпями общими гремимъ,
 Бьемъ волны дружными ногами,
 Песчаный видимъ оспровокъ,
 И разсѣкая быспрый шокъ,
 Туда спремимся. Въ слѣдъ за нами
 Кричатъ: «лови! лови! уйдутъ!»
 Два спража издали плывутъ,

Но ужъ на оспровъ мы спускаемъ,
 Оковы камнемъ разбиваемъ,
 Другъ съ друга рвемъ клочки одеждъ
 Опягощенные водою....
 Погоню видимъ за собою;
 Но смѣло, полные надеждъ,
 Сидимъ и ждёмъ. Одинъ ужъ понептъ,
 То захлебнётся, то заспонецъ
 И какъ свинецъ пошелъ ко дну.
 Другой проплылъ ужъ глубину,
 Съ ружьемъ въ рукахъ, онъ въ бродъ упрямо,
 Не внемля крику моему,
 Идещъ, но въ голову ему
 Два камня полетѣли прямо —
 И хлынула на волны кровь;
 Онъ упонулъ — мы въ воду вновь,
 За нами гнались не посмѣли,
 Мы береговъ доспичъ успѣли
 И въ лѣсъ ушли. Но бѣдной брань...
 И прудъ и волнъ осенній хладъ
 Недавнихъ силъ его лишили:
 Опять недугъ его сломилъ,
 И злыя грезы посѣпши.
 Три дня больной не говорилъ

И не смыкалъ очей дремопой;
 Въ чешверпый груспною забопой,
 Казалось, онъ исполненъ былъ;
 Позвалъ меня, пожалъ мнѣ руку,
 Попухшій взоръ изобразилъ
 Одолѣвающую муку;
 Рука задрогла, онъ вздохнулъ,
 И на груди моей уснулъ.

Надъ хладнымъ шѣломъ я оспался,
 Три ночи съ нимъ не разспавался,
 Всѣ ждалъ, очнепся-ли мерпвецъ?
 И горько плакалъ. Наконецъ
 Взялъ заспунъ; грѣшную молишву
 Надъ брапней ямой совершилъ
 И шѣло въ землю схоронилъ...
 Попомъ на прежнюю ловишву
 Пошелъ одинъ... Но прежнихъ лѣпъ
 Ужъ не дождусь: ихъ нѣтъ, какъ нѣтъ!
 Пирьы, веселье ночлеги,
 И наши буйные набѣги —
 Могила брапта всѣ взяла,
 Влачусь угрюмой, одинокой;
 Окаменѣлъ мой духъ жеспокой

И въ сердцѣ жалость умерла.
Но иногда щажу морщины:
Мнѣ спрашно рѣзать спарика;
На беззащитныя сѣдины
Не подымается рука.
Я помню, какъ въ пюрмѣ жестокой
Больной, въ цѣпяхъ, лишенный силъ,
Безъ памяти въ шокѣ глубокой
За спарца брата меня молилъ.»

It is a very common mistake to suppose

that the only way to improve the

condition of the poor is to give them

more money.

The truth is that

the only way to improve the

condition of the poor is to give them

the opportunity to improve themselves.

The only way to improve the

condition of the poor is to give them

the opportunity to improve themselves.

The only way to improve the

condition of the poor is to give them

the opportunity to improve themselves.

The only way to improve the

condition of the poor is to give them

the opportunity to improve themselves.

The only way to improve the

condition of the poor is to give them

the opportunity to improve themselves.

The only way to improve the

condition of the poor is to give them

the opportunity to improve themselves.

The only way to improve the

condition of the poor is to give them

the opportunity to improve themselves.

The only way to improve the

condition of the poor is to give them

the opportunity to improve themselves.

The only way to improve the

condition of the poor is to give them

the opportunity to improve themselves.

Ц Ы Г А Н Ы.

Цыганы шумною толпой
По Бессарабии кочуютъ.
Они сегодня надъ рѣкой
Въ шапрахъ изодранныхъ ночуютъ.
Какъ вольность весель ихъ ночлегъ
И мирный сонъ подъ небесами.
Между колесами шельгъ,
Полу-завѣшанныхъ коврами,
Горитъ огонь; семья кругомъ
Готовитъ ужинъ; въ числомъ полѣ
Пасутся кони; за шапромъ
Ручной медвѣдь лежитъ на волѣ.
Все живо посреди степей:
Забобы мирныя семей,
Готовыхъ съ упромъ въ путь дальній,
И пѣсни женъ и крикъ дѣтей
И звонъ походной наковальни.

Но вопъ на паборъ кочевой
 Низходишь сонное молчанье
 И слышишь въ пещинѣ спешной
 Лишь лай собакъ, да коней ржанье.
 Огни вездѣ погашены,
 Спокойно все, луна сіяетъ
 Одна съ небесной вышины
 И тихій паборъ озаряетъ.
 Въ шапрѣ одномъ спарикъ не спитъ;
 Онъ передъ углями сидитъ,
 Согрѣтый ихъ послѣднимъ жаромъ,
 И въ поле дальное глядитъ,
 Ночнымъ подернутое паромъ.
 Его молоденькая дочь
 Пошла гулять въ пустынномъ полѣ.
 Она привыкла къ рѣзвой волѣ,
 Она придетъ; но вопъ ужъ ночь
 И скоро мѣсяцъ ужъ покинетъ
 Небесъ далекихъ облака;
 Земфиры нѣтъ какъ нѣтъ, и спынетъ
 Убогій ужинъ спарика.

Но вопъ она. За нею слѣдомъ
 По степи юноша спѣшитъ;

Цыгану вовсе онъ невѣдомъ.
 «Опецъ мой, дѣва говоришь,
 Веду я госпия: за курганомъ
 Его въ пуспынѣ я нашла
 И въ шаторъ на ночь зазвала.
 Онъ хочепъ бытъ какъ мы Цыганомъ;
 Его преслѣдуешь законъ,
 Но я ему подругой буду.
 Его зовупъ Алеко; онъ
 Гоповъ идши за мною всюду.»

С т а р и к ъ.

Я радъ. Оспанься до упра
 Подъ стѣню нашего шатра
 Или пробудь у насъ и долъ,
 Какъ ты захочешь. Я гоповъ
 Съ побой дѣлапъ и хлѣбъ и кровъ.
 Будь нашъ, привыкни къ нашей долъ,
 Бродящей бѣдноспи и волъ;
 А завпра съ упренней зарей
 Въ одной шелѣгѣ мы поѣдемъ;
 Примись за промыселъ любой:
 Желѣзо куй, иль пѣсни пой
 И села обходи съ медвѣдемъ.

А л е к о .

Я оспаюсь.

З е м ф и р а .

Онъ будетъ мой:

Кпожъ опъ меня его опгонишь?

Но поздно мѣсяцъ молодой

Зашель, поля покрыпы мглой

И сонъ меня невольно клонитъ

Свѣшло. Спарикъ пихонько бродить
 Вокругъ безмолвнаго шапра.
 «Вспавай, Земфира, солнце всходитъ,
 Проснись, мой госпъ, пора, пора!
 Оспавыше, дѣпи, ложе нѣги.»
 И съ шумомъ высыпалъ народъ,
 Шапры разобраны, шелѣги
 Гоповы двинулись въ походъ;
 Все вмѣстѣ пронулось: и вопъ
 Толпа вапъ въ пуспыхъ равнинахъ.
 Ослы въ перекидныхъ корзинахъ
 Дѣпей играющихъ несутъ;
 Мужья и брапья, жены, дѣвы,
 И спаръ и младъ во слѣдъ идутъ;
 Крикъ, шумъ, Цыганскіе пригѣвы,
 Медвѣда ревъ, его цѣпей
 Неперпѣливое бряцанье,
 Лахмопьевъ яркихъ пестпропа,
 Дѣпей и спарцевъ нагоша,
 Собакъ и лай и завыванье,

25
Волынки говорѣ, скрепѣ пелѣгъ,
Все скудно, дико, все неспройно;
Но все пакъ живо — непокойно,
Такъ чуждо мерпвыхъ нашихъ нѣгъ,
Такъ чуждо эпой жизни праздной,
Какъ пѣснь рабовъ однообразной.

Уныло юноша глядѣлъ
 На опустѣлую равнину
 И грусти пайную причину
 Изполковаѣ себѣ не смѣлъ.
 Съ нимъ черноокая Земфира,
 Теперь онъ вольный житель міра,
 И солнце весело надъ нимъ
 Полуденной красою блещетъ;
 Чпожъ сердце юноши препенетъ?
 Какой заботой онъ помимъ?

Ппичка Божія не знаетъ
 Ни заботы, ни шруда,
 Хлопотливо не свиваетъ
 Долговѣчнаго гнѣзда,
 Въ долгу ночь на вѣпкѣ дремлетъ;
 Солнце красное взойдетъ,
 Ппичка гласу Бога внимлетъ,
 Вспепенется и поетъ.

За весной, красой природы,
 Лѣпо знойное пройдетъ —
 И шуманъ и непогоды
 Осень поздняя несеть:
 Людямъ скучно, людямъ горе;
 Пшпичка въ дальнія спраны,
 Въ темный край, за сине море
 Улепаетъ до весны.

Подобно пшпичкѣ беззаботной
 И онъ, изгнанникъ перелетной
 Глѣзда надежнаго не зналъ
 И ни къ чему не привыкалъ,
 Ему вездѣ была дорога,
 Вездѣ была почлега сѣнь;
 Проснувшись поуспру, свой день
 Онъ отдавалъ на волю Бога,
 И жизни не могла превога
 Смутить его сердечну лѣнь.
 Его порой волшебной славы
 Маняща дальняя звѣзда,
 Неждано роскошь и забавы
 Къ нему являлись иногда;
 Надъ одинокой головою
 И громъ не рѣдко грохопалъ;

Но онъ, безпечно подъ грозою
И въ ведро ясное дремалъ.
И жилъ, не признавая власпи
Судьбы коварной и слѣпой;
Но, Боже, какъ играли спраспи
Его послушною душой!
Съ какимъ волненіемъ кипѣли
Въ его измученной груди!
Давноль, на долголь усмирѣли?
Онъ проснулся: погоди.

З Е М Ф И Р А.

Скажи, мой другъ, ты не жалѣешь
О томъ, что бросилъ навсегда?

А л е к о.

Чтожъ бросилъ я?

З Е М Ф И Р А.

Ты разумѣешь:

Людей опчизны, города.

А л е к о.

О чемъ жалѣешь? Когдабъ ты знала,
Когда бы ты воображала
Неволю душныхъ городовъ!
Тамъ люди въ кучахъ, за оградой
Недышатъ упренней прохладой,
Ни вешнимъ запахомъ луговъ;
Любви спыдяпся, мысли гоняпъ,
Торгуюпъ волею своей,
Главы предъ идолами клоняпъ
И просяпъ денегъ да цѣпей.

Что бросилъ я? Измѣнъ волненъе,
 Предразсуждений приговоръ,
 Толпы безумное гоненъе
 Или блистательный позоръ.

З Е М Ф И Р А.

Но тамъ огромныя палаты,
 Тамъ разноцвѣтные ковры,
 Тамъ игры, шумные пиры,
 Уборы дѣвъ тамъ такъ богаты!

А Л Е К С.

Что шумъ веселій городскихъ?
 Гдѣ нѣтъ любви, тамъ нѣтъ веселій;
 А дѣвы.... Какъ ты лучше ихъ
 И безъ нарядовъ дорогихъ,
 Безъ жемчуговъ, безъ ожерелій!
 Не измѣнись, мой нѣжный другъ!
 А я... одно мое желанье
 Съ побой дѣлать любовь, досугъ
 И добровольное изгнанье.

С Т А Р И К Ъ.

Ты любишь насъ, хопъ и рождень
 Среди богатого народа;
 Но не всегда мила свобода
 Тому, кто къ нѣгѣ приученъ.

Межъ нами естъ одно преданье:
 Царемъ когда-то сосланъ былъ
 Полудня жипель къ намъ въ изгнанье.
 (Я прежде зналъ, но позабылъ
 Его мудреное прозванье)
 Онъ былъ уже лѣтами спаръ,
 Но младъ и живъ душой незлобной:
 Имѣлъ онъ пѣсенъ дивный даръ
 И голосъ, шуму водъ подобной.
 И полюбили всѣ его,
 И жилъ онъ на берегахъ Дуная,
 Не обижая ни кого,
 Людей разказами плѣняя.
 Не разумѣлъ онъ ничего,
 И слабъ и робокъ былъ какъ дѣти;
 Чужіе люди за него
 Звѣрей и рыбъ ловили въ сѣти;
 Какъ мерзла быспрая рѣка
 И зимни вихры бушевали,
 Пушистой кожей покрывали
 Они святаго спарика;
 Но онъ къ заботамъ жизни бѣдной
 Привыкнувъ никогда не могъ;
 Скипался онъ изсохшій, блѣдной,

Онъ говорилъ, что гнѣвный Богъ
 Его каралъ за пресупленье,
 Онъ ждалъ: придетъ ли избавленье.
 И все несчастный посковалъ,
 Бродя по берегамъ Дуная,
 Да горьки слезы проливалъ,
 Свой дальный градъ воспоминая,
 И завѣщалъ онъ умирая,
 Чтобы на Югъ перенесли
 Его поскующія кости,
 И смертию — чуждой сей земли
 Не успокоенные кости.

А л е к о.

Такъ вопль судьба пвоихъ сыновъ,
 О Римъ, о громкая держава!
 Пѣвецъ любви, пѣвецъ боговъ,
 Скажи мнѣ: что такое слава?
 Могильный гулъ, хвалебный гласъ,
 Изъ рода въ роды звукъ бѣгущій
 Или подъ сѣнью дымной кущи
 Цыгана дикаго разсказъ?

Прошло два лѣта. Также бродятъ
 Цыганы мирною толпой;
 Вездѣ, по прежнему, находятъ
 Госпепрїимспво и покой.
 Презрѣвъ оковы просвѣщенья
 Алеко воленъ какъ они;
 Онъ безъ заботъ и сожалѣнья
 Ведетъ кочующіе дни.
 Все поетъ же онъ, семья все та же;
 Онъ прежнихъ лѣтъ не помня даже,
 Къ бышью цыганскому привыкъ.
 Онъ любитъ ихъ ночлеговъ стѣни
 И упоенье вѣчной лѣни
 И бѣдный, звучный ихъ языкъ.
 Медвѣдь, бѣглець родной берлоги,
 Космачій госпъ его шапра,
 Въ селеньяхъ, вдоль степной дороги
 Близъ Молдаванскаго двора

Передъ полною оспорожной
И пляжко плящеть и реветь,
И цѣль докучную грызеть.
На посохъ опершись дорожной
Спарикъ лѣниво въ бубны бьетъ,
Алеко съ пѣнъемъ звѣря водитъ,
Земфира поселянъ обходитъ
И дань ихъ вольную беретъ;
Наспанетъ ночь; они всѣ шрое
Варятъ нежащее пшено;
Спарикъ уснулъ — и все въ покоѣ...
Въ шапирѣ и пихо и шемно.

Спарикъ на вешнемъ солнцѣ грѣеть
 Ужъ оспывающую кровь;
 У люльки дочь поспѣть любовь.
 Алеко внемлетъ и блѣднѣетъ.

З Е М Ф И Р А.

Спарый мужъ, грозный мужъ,
 Рѣжь меня, жги меня:
 Я пверда, не боюсь
 Ни ножа, ни огня.

Ненавижу тебя,
 Презираю тебя;
 Я другаго люблю,
 Умираю любя.

А л е к о.

Молчи. Миѣ пѣнье надоѣло,
 Я дикихъ пѣсень не люблю.

З Е М Ф И Р А.

Не любишь? мнѣ какое дѣло!
Я пѣсню для себя пою.

Рѣжь меня, жги меня;
Не скажу ничего;
Спарый мужъ, грозный мужъ,
Не узнаешь его.

Онъ свѣжѣе весны,
Жарче лѣтняго дня;
Какъ онъ молодъ и смѣлъ!
Какъ онъ любитъ меня!

Какъ ласкала его
Я въ ночной тишинѣ!
Какъ смѣялись тогда
Мы швоей сѣдинѣ!

А л е к о.

Молчи, Земфира, я доволенъ....

З Е М Ф И Р А.

Такъ понялъ пѣсню пы мою?

А л е к о.

Земфира!....

З е м ф и р а.

Ты сердишься воленъ,

Я пѣсню про тебя пою.

*(Уходитъ и поетъ: старый
мужъ и прог.)*

С т а р и к ъ.

Такъ, помню, помню: пѣсня эпа

Во время наше сложена,

Уже давно въ забаву свѣща

Поепся межъ людей она.

Кочуя на спеняхъ Кагула

Ее бывало въ зимнюю ночь

Моя пѣвала Мариула,

Передъ огнемъ качая дочь.

Въ умѣ моемъ минувши лѣща

Часъ опть часу темнѣй, темнѣй;

Но заронилась пѣсня эпа

Глубоко въ памяти моей.

Все тихо; ночь; луной украшень
 Лазурный Юга небосклонъ,
 Спарикъ Земфирой пробуждёнъ.
 «О мой опецъ, Алеко спрашенъ:
 Послушай, сквозь тяжелый сонъ
 И спонепъ и рыдаепъ онъ.»

С Т А Р И К Ъ.

Не пронъ его, храни молчанье.
 Слыхалъ я Руское преданье:
 Теперь полуночной порой
 У спящаго пѣснишь дыханье
 Домашній духъ; передъ зарёй
 Уходишь онъ. Сиди со мной.

З Е М Ф И Р А.

Опецъ мой! шепченъ онъ: Земфира!

С Т А Р И К Ъ.

Тебя онъ ищепъ и во снѣ:
 Ты для него дороже міра.

З Е М Ф И Р А.

Его любовь поспыла мнѣ,
Мнѣ скучно, сердце воли проснись,
Ужъ я... но пище! слышишь? онъ
Другое имя произноситъ.

С Т А Р И К Ъ.

Чье имя?

З Е М Ф И Р А.

Слышишь? хриплый спонъ
И скрежесть ярый!... Какъ ужасно;
Я разбуджу его.

С Т А Р И К Ъ.

Напрасно,
Ночного духа не гони;
Уйденъ и самъ.

З Е М Ф И Р А.

Онъ повернулся;
Привспалъ; зовешь меня; проснулся.
Иду къ нему. — Прощай, усни.

А Л Е К О.

Гдѣ ты была?

З Е М Ф И Р А.

Съ оцѣмъ сидѣла.
Какой-то духъ тебя поминалъ,

Во снѣ душа пвоя перпѣла
 Мученья. Ты меня спрашилъ:
 Ты сонный скрежесалъ зубами
 И звалъ меня.

А л е к о.

Мнѣ снилась пы.
 Я видѣлъ, будно между нами.
 Я видѣлъ спрашныя мечпы.

З е м ф и р а.

Не вѣрь лукавымъ сновидѣньямъ.

А л е к о.

Ахъ, я не вѣрю ни чему:
 Ни снамъ, ни сладкимъ увѣреньямъ,
 Ни даже сердцу пвоему.

С Т А Р И К Ъ.

О чемъ, безумецъ молодой,
 О чемъ вздыхаешь ты всечасно?
 Здѣсь люди вольны, небо ясно,
 И жены славятся красой.
 Не плачь, пока тебя погубишь.

А Л Е К О.

Опець! она меня не любишь.

С Т А Р И К Ъ.

Упѣшься, другъ; она дѣша,
 Твое унынье безразсудно:
 Ты любишь горестно и шрудно,
 А сердце женское шупя.
 Взгляни: подъ опдаленнымъ сводомъ
 Гуляешь вольная луна;
 На всю природу мимоходомъ
 Равно сіянье льѣшь она.

Заглянешь въ облако любое,
 Его пакъ пышно озарить,
 И вопъ, ужъ перешла въ другое
 И по не долго постыпшь.
 Кпо мѣспо въ небѣ ей укажешь,
 Примолвя: памъ оспановись!
 Кпо сердцу юной дѣвы скажешь:
 Люби одно, не измѣнись?
 Упѣшься!

А л е к о.

Какъ она любила!

Какъ нѣжно преклонясь ко мнѣ,
 Она въ пуспынной пшпшнѣ
 Часы ночные проводила!
 Веселья дѣпскаго полна,
 Какъ часпо милымъ лепепаньемъ
 Иль упоипельнымъ лобзаньемъ,
 Мою задумчивоспъ она
 Въ минутну разогнапъ умѣла!
 И чпожъ? Земфира не вѣрна!
 Моя Земфира охладѣла.

С т а р и к ъ.

Послушай, расскажу тебѣ
 Я повѣспъ о самомъ себѣ.

Давно, давно, когда Дунаю
 Не угрожалъ еще Москаль —
 (Вопъ видишь: я припоминаю,
 Алеко, спарую печаль.)
 Тогда боялись мы Сулпана;
 А правилъ Буджакомъ Паша
 Съ высокихъ башенъ Акермана —
 Я молодъ былъ; моя душа
 Въ то время радостно кнѣла,
 И ни одна въ кудряхъ моихъ
 Еще сѣдинка не бѣла;
 Между красавицъ молодыхъ
 Одна была. и долго ею
 Какъ солнцемъ любовался я,
 И наконецъ назвалъ моею.

Ахъ, быспро молодость моя
 Звѣздой падучею мелькнула!
 Но ты, пора любви, минула
 Еще быспрѣе: только годъ
 Меня любила Мариула.

Однажды, близъ Кагульскихъ водъ
 Мы чуждый таборъ повспрѣчали;

Цыганы шѣ, свои шапры
 Разбивъ близъ нашихъ у горы,
 Двѣ ночи вмѣстѣ ночевали.
 Они ушли на прерѣю ночь,
 И, брося маленькую дочь,
 Ушла за ними Мариула.
 Я мирно спалъ; заря блеснула;
 Проснулся я: подруги нѣтъ!
 Ищу, зову — пропасть и слѣдъ.
 Тоскуя, плакала Земфира,
 И я заплакалъ! . . . съ эшихъ поръ
 Поспыли мнѣ всѣ дѣвы міра;
 Межъ ними ни когда мой взоръ
 Не выбиралъ себѣ подруги,
 И одинокіе досуги
 Уже ни съ кѣмъ я не дѣлилъ.

А л е к о.

Да какъ же ты не поспѣшилъ
 Топъ часть во слѣдъ неблагодарной
 И хищникамъ и ей, коварной
 Книжала въ сердце не вонзиль?

С т а р и к ъ.

Къ чему? вольнѣ пшцы младоснѣ.
 Кпо въ силахъ удержишь любовь?

Чредою всѣмъ дается радость;
 Чпо было, по не будешь вновь.

А л е к о.

Я не шаковъ. Нѣтъ, я не споря
 Опъ правъ моихъ не опкажусь;
 Или хопъ мщенемъ наслажусь.
 О нѣтъ! когдабъ надъ бездной моря
 Нашелъ я спящаго врага,
 Клянусь, и пупъ моя нога
 Не пощадила бы злодѣя;
 Я въ волны моря, не блѣднѣя,
 И беззащитнаго бѣ полкнулъ;
 Внезапный ужасъ пробужденья
 Свирѣпымъ смѣхомъ упрекнулъ,
 И долго мнѣ его паденья
 Смѣшонъ и сладокъ былъ бы гуль.

Молодой Цыганъ.

Еще одно, одно лобзанье!

Земфира.

Пора: мой мужъ ревнивъ и золъ.

Цыганъ.

Одно..... но долъ! на прощанье.

Земфира.

Прощай, покаместъ не пришёлъ.

Цыганъ.

Скажи — когда жъ опять свиданье?

Земфира.

Сего дня; какъ зайдесть луна,

Тамъ, за курганомъ надъ могилой....

Цыганъ.

Обманешь! не придетъ она.

Земфира.

Бѣги — вошь онъ. Приду, мой милый!

Алско спишь. Въ его умѣ
 Видѣнье смущное играешь;
 Онъ съ крикомъ пробудясь во шмѣ,
 Ревниво руку проспирасешь;
 Но обробѣлая рука
 Покровы хладные хватаешь —
 Его подруга далека
 Онъ съ препепомъ привспалъ и внемлешь..
 Все тихо: спрахъ его объемлешь,
 Но немъ пекутъ и жаръ и хладъ;
 Вспаешь онъ, изъ шапра выходишь,
 Вокругъ шелѣгъ, ужасень, бродишь;
 Спокойно все; поля молчають;
 Темно; луна зашла въ шуманы,
 Чуть брежжешь звѣздъ невѣрный свѣтъ,
 Чуть по росѣ примѣнный слѣдъ
 Ведешь за дальные курганы:
 Неперѣсливо онъ идѣшь,
 Куда зловѣщій слѣдъ ведѣшь.

Могила на краю дороги,
 Вдали блѣхнѣть передъ нимъ,
 Туда слабѣющія ноги
 Влачнхъ, предчувствіемъ помнхъ,
 Дрожахъ успа, дрожахъ колѣни,
 Идешъ... и вдругъ... нѣ эпо сонъ?
 Вдругъ виднхъ близкія двѣ пѣни
 И близкій шопохъ слышнхъ онъ
 Надъ обезславленной могилой.

1-й Г о л о с ъ.

Пора —

2-й Г о л о с ъ.

Поспой!

1-й Г о л о с ъ.

Пора, мой мелый.

2-й Г о л о с ъ.

Нѣхъ, нѣхъ! поспой, дождемся дня.

1-й Г о л о с ъ.

Ужъ поздно.

2-й Г о л о с ъ.

Какъ ты робко любишь.

Минушу!

1-й Г о л о с ъ.

Ты меня погубишь.

2-й Г о л о с ъ.

Минушу!

1-й Г о л о с ъ.

Если безъ меня

Проснешся мужъ.....

А л е к о.

Проснулся я.

Куда вы? не спѣвшише оба;

Вамъ хорошо и здѣсь у гроба.

З е м ф и р а.

Мой другъ, бѣги, бѣги!

А л е к о.

Постой!

Куда, красавецъ молодой?

Лежи!

(Вонзаетъ въ него ножъ).

З е м ф и р а.

Алеко!

Ц ы г а н ъ.

Умираю!

З е м ф и р а.

Алеко! ты убьешь его!

Взгляни: ты весь обрызганъ кровью!

О, чпо ты сдѣлалъ?

А л е к о.

Ничего.

Теперь дыши его любовью.

З е м ф и р а.

Нѣтъ, полно, не боюсь тебя,

Твои угрозы презираю,

Твое убійство проклинаю.

А л е к о.

Умрижь и ты! *(Поражаетъ ее).*

З е м ф и р а.

Умру любя.

Воспокъ, денищей озаренный,
Сіялъ. Алеко за холмомъ,
Съ ножемъ въ рукахъ, окровавленный
Сидѣлъ на камнѣ гробовомъ.
Два трупъ передъ нимъ лежали;
Убійца спрашенъ былъ лицомъ;
Цыганы робко окружали
Его въспревоженной толпой;
Могилу въ споронѣ копали,
Шли жены скорбной чередой
И въ очи мершвыхъ цѣловали.
Спарикъ опецъ одинъ сидѣлъ
И на погибшую глядѣлъ
Въ нѣмомъ бездѣйствіи печали;
Подняли трупы, понесли
И въ лоно хладное земли
Чепу младую положили.

Алеко издали смопрѣлъ
 На все. Когда же ихъ закрыли
 Последней горстїю земной,
 Онъ молча, медленно склонился,
 И съ камня на праву свалился.

Тогда спарикъ, приближась, рекъ:
 «Оспавъ насъ, гордый человѣкъ!
 Мы дики, нѣтъ у насъ законовъ,
 Мы не перзаемъ, не казимъ,
 Не нужно крови намъ и споновъ;
 Но живъ съ убійцей не хопимъ.
 Ты не рожденъ для дикой доли,
 Ты для себя лишь хочешь воли;
 Ужасенъ намъ пвой буденъ гласъ:
 Мы робки и добры душою,
 Ты золь и смѣлъ; — оспавъ же насъ,
 Проспи! да буденъ миръ съ побою.»

Сказалъ и шумною толпою
 Поднялся паборъ кочевой
 Съ долины спрашнаго ночлега,
 И скоро все въ дали спенной
 Сокрылось. Лишь одна шелѣга,

Убогимъ крытая ковромъ,
Спояла въ полѣ роковымъ.
Такъ иногда передъ зимою,
Туманной упренной порою
Когда подъедемся съ полей
Спанища позднихъ журавлей
И съ крикомъ вдаль на югъ несется,
Произведенный гибельнымъ свинцомъ
Одинъ печально оспается,
Повиснувъ раненымъ крыломъ.
Наспала ночь; въ пелѣхъ темной
Огня никто не разложитъ,
Никто подъ крышею подъемной
До утра сномъ не опочитъ.

Э П И Л О Г Ъ.

Волшебной силой прѣснощѣнья
Въ туманной памяти моей
Такъ оживляются видѣнья
То свѣтлыхъ, по печальныхъ дней.
Въ спранѣ, гдѣ долго, долго брани
Ужасный гулъ не умолкалъ,
Гдѣ повелипельныя грани
Спамбулу Рускій указалъ,
Гдѣ спарый нашъ Орелъ двуглавый
Еще шумитъ минувшей славой,
Вспрѣчалъ я посреди степеней
Надъ рубежами древнихъ спановъ
Телѣги мирныя Цыгановъ,
Смиренной вольности дѣшей.

Но щаспья нѣтъ и между вами,
Природы бѣдные сыны!
И подъ изданными шаптрами,
Живутъ мучительные сны,
И ваши сѣни кочевья
Въ пуспьяхъ не спаслись отъ бѣдъ,
И всюду спраспи роковыя,
И отъ судебъ защиты нѣтъ.

ГРАФЪ НУЛИНЪ.

Пора, пора! рога прубяпъ;
Псари въ охопничьихъ уборахъ
Чѣмъ свѣпъ ужъ на коняхъ сѣдяпъ,
Борзья прыгаюпъ на сворахъ.
Выходипъ баринъ на крыльцо,
Все, подбочась, обозрѣваепъ;
Его довольное лицо
Пріятной важноспью сіяепъ.
Чекмень запянупый на немъ,
Турецкій ножъ за кушакомъ,
За пазухой во фляжкѣ ромъ,
И рогъ на бронзовой цѣпочкѣ.
Въ ночномъ чещѣ, въ одномъ плапочкѣ,
Глазами сонными жена
Сердишо смоприпъ изъ окна
На сборъ, на псарную превогу.

Вопть мужу подвели коня;
 Онъ холку хвапъ и въ спрема ногу,
 Кричишь женъ: не жди меня!
 И выгъжаепъ на дорогу.

Въ послѣднихъ числахъ Сентября
 (Презрѣнной прозой говоря)
 Въ деревнѣ скучно, грязь, ненастье,
 Осенній въперъ, мѣлкій снѣгъ,
 Да вой волковъ. Но по-по счастье
 Охотнику! не зная нѣгъ,
 Въ опгъзжемъ полѣ онъ гарцуепъ,
 Вездѣ находишь свой ночлегъ,
 Бранился, мокнепъ и пируепъ
 Опустошительный набѣгъ.

А чпо же дѣлаепъ супруга,
 Одна въ опсупспивн супруга?
 Заняпій мало ль еопъ у ней?
 Грибы солипъ, кормишь гусей,
 Заказывапъ обѣдъ и ужинъ,
 Въ анбаръ и въ погребъ заглянупъ.
 Хозяйки глазъ повсюду нуженъ:
 Онъ вмигъ замѣнипъ чпо нибудъ.

Къ несчастью, героиня наша
 (Ахъ, я забылъ ей имя дать!
 Мужъ проспо звалъ ее Напаша,
 Но мы — мы будемъ называть
 Напалья Павловна), къ несчастью,
 Напалья Павловна совсѣмъ
 Своей хозяйственною чашью
 Не занималась, заплѣмъ,
 Чпо не въ опеческомъ законѣ
 Она воспитана была,
 А въ благородномъ пансіонѣ
 У эмигрантки Фальбама.

Она сидитъ передъ окномъ;
 Предъ ней опкрытъ чепвертый томъ
 Сентиментальнаго романа:
Любовь Элизы и Армана,
Иль переписка двухъ семей —
 Романъ классической, спаринной,
 Опмѣнно длинной, длинной, длинной,
 Нравоучительной и чинной,
 Безъ романтическихъ заплѣй.

Напалья Павловна сначала
 Его внимательно чипала,
 Но скоро какъ-то развлеклась
 Передъ окномъ возникшей дракой
 Козла съ дворовою собакой
 И ею шихо занялась.
 Кругомъ мальчишки хохотали;
 Межъ тѣмъ печально подъ окномъ
 Индѣйки съ крикомъ выпсупали
 Вослѣдъ за мокрымъ пѣпухомъ;
 Три ушки полоскались въ лужѣ;
 Шла баба черезъ грязный дворъ
 Бѣлье повѣсивъ на заборъ;
 Погода спазновилась хуже:
 Казалось, снѣгъ иппи хопѣлъ...
 Вдругъ колокольчикъ зазвенѣлъ.

Кипо долго жилъ въ глуши печальной,
 Друзья, поипъ вѣрно знаепъ самъ,
 Какъ сильно колокольчикъ дальной
 Порой волнуепъ сердце намъ.
 Не другъ ли ѣдепъ запоздалой,
 Товарищъ юноспи удалой?...
 Ужъ не она ли?... Боже мой!

Вопъ ближе, ближе. Сердце бьется.
 Но мимо, мимо звукъ несется,
 Слабѣй... и смолкнулъ за горой.

Напалѣя Павловна къ балкону
 Бѣжитъ, обрадована звону,
 Глядитъ и видитъ: за рѣкой
 У мѣльницы коляска скачетъ,
 Вопъ на мосту — къ намъ почно... нѣтъ,
 Поворошила вѣхо. Вслѣдъ
 Она глядитъ и чухъ не плачетъ.

Но вдругъ... о радость! косогоръ;
 Коляска на бокъ. — Филька! Васька!
 Кпо шамъ? скорѣй! Вонъ шамъ коляска:
 Сей часъ везши ее на дворъ
 И барина просишь обѣдать!
 Да живъ ли онъ?... бѣги провѣдать!
 Скорѣй, скорѣй!

Слуга бѣжитъ.
 Напалѣя Павловна спѣшитъ
 Взбѣишь пышной локопъ, шаль накинушь,
 Задернушь завѣсъ, спулъ подвинушь,
 И ждешь: да скороль, мой Творецъ!
 Вопъ фдушь; фдушь наконецъ.

Забрызганный въ дорогъ дальной,
 Опасно раненный, печальной
 Кой-какъ шащипся экипажъ;
 Вслѣдъ баринъ молодой хромаешъ;
 Слуга-Французъ не унываетъ
 И говоритъ: allons, courage!
 Вопъ у крыльца; вопъ въ сѣни входятъ.
 Покамѣспъ барину шеперъ
 Покой особенный оповодяпъ
 И наспежъ опворяюпъ дверь,
 Пока Ricard шумипъ, хлопочепъ,
 И баринъ одѣвашся хочепъ;
 Сказатъ ли вамъ, кпо онъ шаковъ?
 Графъ Нулинъ, изъ чужихъ краёвъ,
 Гдѣ промолалъ онъ въ вихрѣ моды
 Свои грядущіе доходы.
 Себя казатъ, какъ чудный звѣрь,
 Въ Пепроподъ ѣдепъ онъ шеперъ
 Съ запасомъ фраковъ и жилеповъ,
 Шляпъ, вѣровъ, плащей, корсеповъ,
 Булавокъ, запонокъ, лорнеповъ,
 Цвѣпныхъ папковъ, чулковъ à jour,
 Съ ужасной книжкою Гизопъ,
 Съ шепрадью злыхъ каррикапуръ,
 Съ романомъ новымъ Вальперъ-Скоппа,

Съ *bons-mots* Парижскаго двора,
 Съ послѣдней пѣсней Баранжера,
 Съ мопивами Россини, Пера,
 Et cetera, et cetera.

Ужъ сполъ накрытъ; давно пора;
 Хозяйка ждетъ неперпѣливо;
 Дверь отворилась, входитъ графъ;
 Напалья Павловна, привспавъ,
 Освѣдомляется учпиво,
 Каковъ онъ? чпо нога его?
 Графъ отвѣчаетъ: ничего.
 Идутъ за сполъ; вопъ онъ садится,
 Къ ней подвигаетъ свой приборъ
 И начинаетъ разговоръ:
 Свяпую Русь бранитъ, дивится,
 Какъ можно жить въ ея снѣгахъ,
 Жалѣетъ о Парижѣ спрахъ.
 «А чпо пѣапръ?» — О! сиропѣетъ
 C'est bien mauvais, ça fait pitié.
 Тальма совсѣмъ оглохъ, слабѣетъ,
 И мамзель Марсъ, увы! спарѣетъ.
 За шо Попье, le grand Potier!

Огъ славу прежнюю въ народѣ
 Донинѣ поддержалъ одинъ. —
 «Какой писатель нынче въ модѣ?»
 — Все d'Arlincourt и Ламарпинъ. —
 «У насъ имъ пакже подражають.»
 — Нѣтъ! право? пакъ у насъ умы
 Ужъ развиваються начинають.
 Дай Богъ, чпобъ просвѣпились мы! —
 «Какъ пальи носятъ?» — Очень низко,
 Почпи до... вопъ по энихъ поръ.
 Позвольте видѣть вашъ уборъ;
 Такъ... рюши, банпы, здѣсь узоръ;
 Все это къ модѣ очень близко. —
 «Мы получаемъ Телеграфъ.»
 — Ага! хопише ли послушаъ
 Прелесный водевилъ? — И графъ
 Поетъ. «Да, графъ, извольте жъ кушаъ.»
 — Я съпъ и пакъ. —

Изъ-за спола

Встають. Хозяйка молодая
 Черезвычайно весела;
 Графъ, о Парижѣ забывая,
 Дивися, какъ она мила.
 Проходишь вечеръ непримѣнно;

Графъ самъ не свой; хозяйки взоръ
 То выражается привѣшно,
 То вдругъ попушенъ безопрѣшно.
 Глядишь — и полночь вдругъ на дворъ
 Давно храпнѣтъ слуга въ передней,
 Давно поспѣтъ пѣпухъ сосѣднѣй,
 Въ чугунову доску спорожь бѣспѣтъ;
 Въ госпиной свѣчки догорѣли.
 Напалѣя Павловна вспаепѣтъ:
 Пора, прощайте! ждупѣтъ постели.
 Пріятнѣй сонъ!... Съ досадою вспавѣтъ,
 Полулюбленный нѣжнѣй графъ
 Цѣлуепѣтъ руку ей. И чпо же?
 Куда кокетспиво не ведепѣтъ?
 Проказница — проспѣтъ ей, Боже! —
 Тихонько графу руку жметѣтъ.

Напалѣя Павловна раздѣпа;
 Споишѣтъ Параша передѣтъ ней.
 Друзья мои! Параша эпа
 Наперсница ея запѣтъ:
 Шепѣтъ, моепѣтъ, вѣспѣтъ переносипѣтъ,
 Изношеннѣхъ капоповѣтъ просипѣтъ,
 Порою барина смѣшипѣтъ,

Порой на барина кричишь,
 И лжешь предъ барыней опважно.
 Теперь она полкуешь важно
 О графѣ, о дѣлахъ его,
 Не пропускаешь ничего —
 Богъ вѣсть, развѣдашь какъ успѣла.
 Но Госпожа ей наконецъ
 Сказала: полно, надоѣла!
 Спросила коффу и чепецъ,
 Легла и выпши вонъ велѣла.

Своимъ Французомъ между тѣмъ
 И графъ раздѣлъ уже совсѣмъ.
 Ложился онъ, сигару проситъ,
 Monsieur Picard ему приноситъ
 Графинъ, серебряной спаканъ,
 Сигару, бронзовой свѣщильникъ,
 Щипцы съ пружиною, будильникъ
 И неразрѣзанный романъ.

Въ постелѣ лежа, Вальперъ-Скоппа
 Глазами пробѣгаетъ онъ.
 Но графъ душевно развлеченъ:
 Неутомонная забота

Его превознишь; мыслишь онъ:
 Не ужъ-то вправду я влюбленъ?
 Что если можно?... вопль забавно;
 Однакожъ эпо было бъ славно;
 Я, кажешся, хозяйкѣ миль —
 И Нулинь свѣчку погасиль.

Несносный жаръ его объемлетъ,
 Не спится графу — бѣсъ не дремлетъ
 И дразнитъ грѣшною мечпой
 Въ немъ чувства. Пылкой нашъ герой
 Воображаетъ очень живо
 Хозяйки взоръ краснорѣчивой,
 Довольно круглый, полный спанъ,
 Пріятный голосъ, прямо женскій,
 Лице румянецъ деревенскій —
 Здоровье краше всѣхъ румянъ.
 Онъ помнитъ кончикъ ножки нѣжной,
 Онъ помнитъ, почно, почно пакъ,
 Она ему рукой небрежной
 Пожала руку; онъ дуракъ,
 Онъ долженъ бы оспаться съ нею,
 Ловитъ минушнюю запѣю.
 Но время не ушло: шеперь

Отворена конечно дверь —
 И попчасть, на плеча накинуть
 Свой песпрый шелковый халапъ,
 И спулъ въ попемкахъ опрокинуть,
 Въ надеждѣ сладоспныхъ награды,
 Къ Лукреціи Тарквиніи новый
 Отправился на все гошовый.

Такъ иногда лукавый копъ,
 Жеманный баловень служанки,
 За мышью крадется съ лежанки:
 Украдкой медленно идепъ,
 Полузажмурясь подступаепъ,
 Свернепся въ комъ, хвостомъ играепъ,
 Разинепъ когти хипрыхъ лапъ
 И вдругъ бѣдняжку цапъ-царапъ.

Влюбленный графъ въ попемкахъ бродипъ,
 Дорогу оцупью находипъ,
 Желаньемъ пламеннымъ помимъ,
 Едва дыханье переводипъ,
 Трепещепъ, если полъ подъ нимъ
 Вдругъ заскрипипъ. Вошъ онъ подходипъ
 Къ завѣшной двери и слегка

Жметъ ручку мѣдную замка;
 Дверь тихо, тихо успунаетъ;
 Онъ смотритъ: лампа чунь горитъ
 И блѣдно спальню освѣщаетъ;
 Хозяйка мирно почиваетъ,
 Иль припворяется, чпо спитъ.

Онъ входитъ, идетъ, опускаетъ —
 И вдругъ усталъ къ ея ногамъ.
 Она... Теперь съ ихъ позволенья
 Прошу я Пешербургскихъ дамъ
 Представитъ ужасъ пробужденья
 Напальи Павловны моей
 И разрѣшитъ, чпо дѣлать ей.

Она, открывъ глаза большіе,
 Глядитъ на графа — нашъ герой
 Ей сылетъ чувства вышнія
 И дерзновенною рукой
 Уже руки ея коснулся...
 Но шунъ опомнилась она;
 Гнѣвъ благородный въ ней проснулся,
 И честной гордости полна,
 А впрочемъ, можетъ быть, и страха,

Она Тарквинію съ размаха
 Даетъ пощечину, да, да!
 Пощечину, да вѣдь какую!

Сгорѣлъ графъ Нулинъ опѣ спыда,
 Обиду проглотивъ пакую;
 Не знаю, чѣмъ бы кончилъ онъ,
 Досадою спрашною пылая,
 Но шпицъ космапый, вдругъ замая,
 Прервалъ Параша крѣпкій сонъ.
 Услышавъ графъ ея походку
 И проклиная свой ночлегъ
 И своенравную красопку,
 Въ поспыдный обратился бѣгъ.

Какъ онъ, хозяйка и Параша
 Проводятъ оспальную ночь,
 Воображайте, воля ваша!
 Я не намѣренъ вамъ помочь.

Возставъ поупру молчаливо,
 Графъ одѣвается лѣниво,
 Опдѣлкой розовыхъ ногшей
 Зѣвая занялся небрежно,

И галспукъ вяжеть непримѣжно,
 И мокрой щепкою своей
 Не гладить сприженныхъ кудрей.
 О чемъ онъ думаетъ, не знаю;
 Но вопъ его позвали къ чаю.
 Чпо дѣлать? Графъ, преодолевъ
 Неловкой спыдъ и шайный гнѣвъ.
 Идетъ.

Проказница младая,
 Насмѣшливый популя взоръ
 И губки алыя кусая,
 Заводить скромно разговоръ
 О помъ, о семъ. Сперва смущенный,
 Но поспепенно ободренный,
 Съ улыбкой опивчается онъ.
 Получаса не проходило,
 Ужъ онъ и шунить очень мило
 И чупъ ли снова не влюблѣнъ.
 Вдругъ шумъ въ передней. Входящъ. Кпо же?
 «Напаша, здравсплуй.»

— Ахъ, мой Боже!

Графъ, вопъ мой мужъ. Душа моя,
 Графъ Нулинъ. —

«Радъ сердечно я.

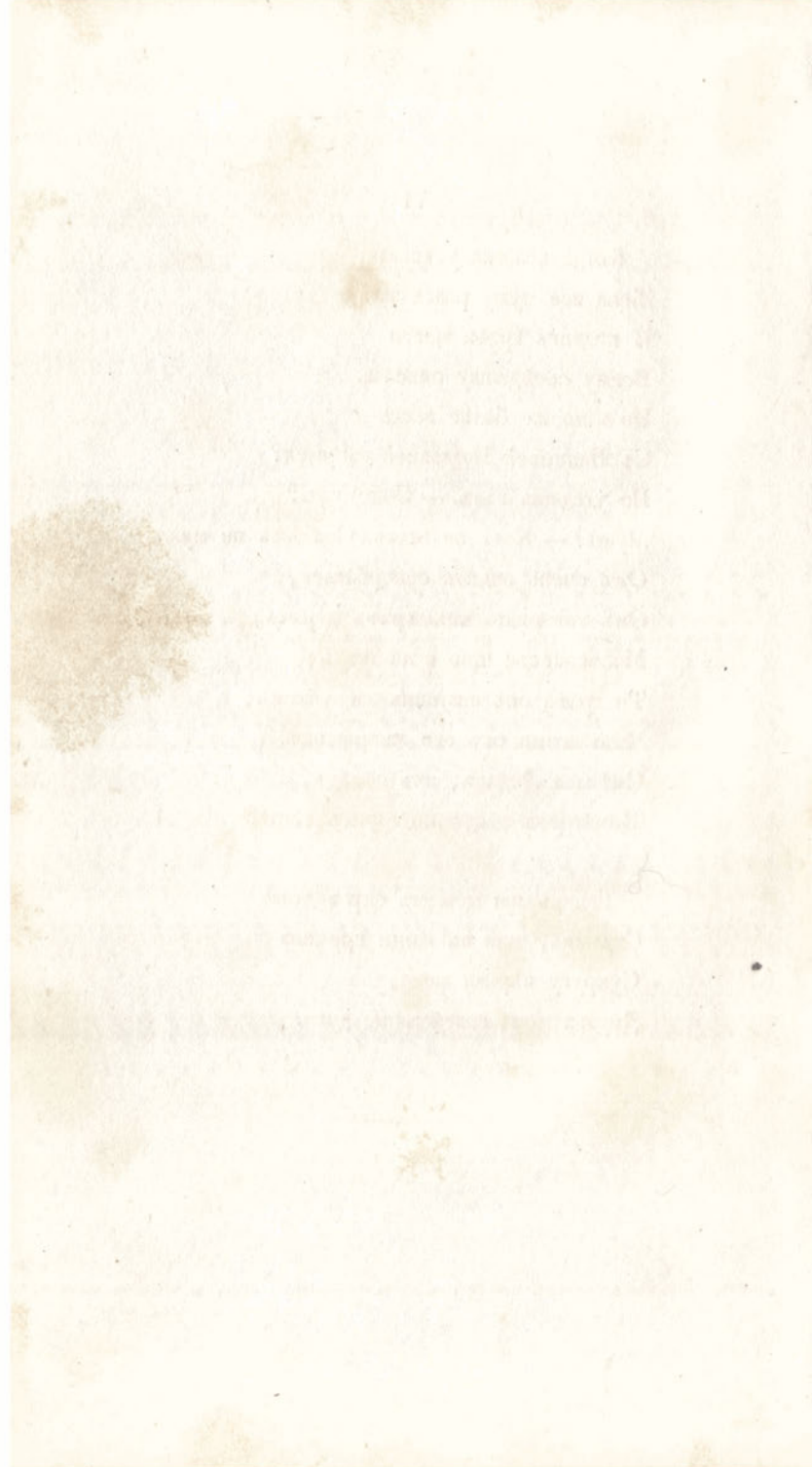
Какая скверная погода!
 У кузицы я видѣлъ вашъ
 Совсѣмъ гошовый экипажъ.
 Напаша! памъ у огорода
 Мы заправили русака.
 Эй, водки! Графъ, прошу опвѣдать:
 Прислали намъ издалека.
 Вы съ нами будете обѣдать!
 — Не знаю, право, я сиѣшу. —
 И, полно, графъ, я васъ прошу.
 Жена и я, гостямъ мы рады.
 Нѣтъ, графъ, оспаньшесь!»

Но съ досады

И всѣ надежды поперявъ,
 Упрямился печальный графъ.
 Ужъ подкрѣпивъ себя спаканомъ,
 Пикарь кряхтишь за чемоданомъ.
 Ужъ къ коляскѣ двое слугъ
 Несутъ привинчивашъ сундукъ.
 Къ крыльцу подвезена коляска,
 Пикарь все скоро уложилъ,
 И графъ уѣхалъ... Тѣмъ и сказка
 Могла бы кончиться, друзья;
 Но слова два прибавлю я.

Когда коляска ускакала,
 Жена все мужу рассказала
 И подвигъ графа моего
 Всему сосѣдству описала.
 Но кто же болѣе всего
 Съ Напальей Павловной смѣлся?
 Не угадавъ вамъ. — Почемужъ?
 Мужъ? — Какъ не пакъ. Совсѣмъ не мужъ.
 Онъ очень эшимъ оскорблялся,
 Онъ говорилъ, что графъ дуракъ,
 Молокососъ; что если пакъ,
 То графа онъ визжа въ заспавишь,
 Что псами онъ его заправиль.
 Смѣлся Лидинъ, ихъ сосѣдъ,
 Помѣщикъ двадцати прехъ лѣтъ.

Теперь мы можемъ справедливо
 Сказа въ, что въ наши времена
 Супругу вѣрная жена,
 Друзья мои, совсѣмъ не диво.

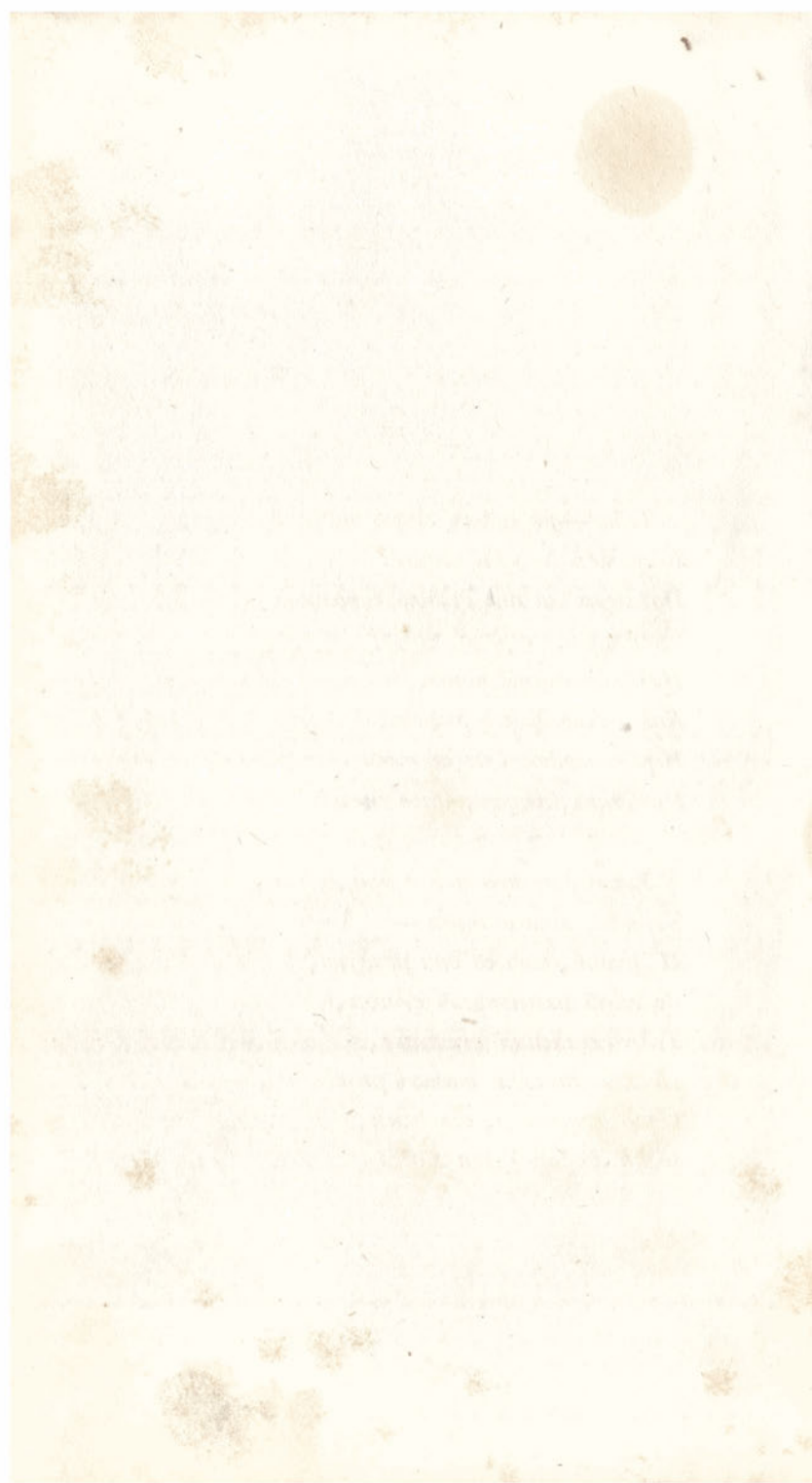

ПОЛТАВА.

ПОСВЯЩЕНІЕ.

Тебѣ — но голосъ музы телной
Коснется ль уха твоего?
Поймешь ли ты душою скромной
Стремленье сердца моего?
Иль посвященіе поэта,
Какъ нѣкогда его любовь,
Передъ тобою безъ ответа
Пройдетъ, непризнанное вновь?

Узнай, по крайней мѣрѣ, звуки,
Бывало, милые тебѣ —
И думай, что во дни разлуки,
Въ моей измѣнчивой судьбѣ,
Твоя печальная пустыня,
Послѣдній звукъ твоихъ рылей
Одно сокровище, свѣтъ и пл, —
Одна любовь души моей.

ПѢСНЬ ПЕРВАЯ.

Богатъ и славенъ Кочубей (1).

Его луга необозримы;
Тамъ пабуны его коней.
Пасулся вольны, нехранимы.
Кругомъ Полпавы хупора (2)
Окружены его садами,
И много у него добра,
Мѣховъ, апласа, серебра
И на виду и подъ замками.
Но Кочубей богатъ и гордъ
Не долгогривыми конями (3),
Не златомъ, данью Крымскихъ ордъ,
Не родовыми хупорами,
Прекрасной дочерью своей
Гордишся спарый Кочубей.

И по сказанъ: въ Полпавѣ нѣтъ
Красавицы, Маріи равной.

Она свѣжа, какъ вешній цвѣтъ
 Вздѣлѣнный въ пѣни дубравной.
 Какъ пополь Кіевскихъ высонъ
 Она спройна. Ея движенъ
 То лебедя пуспынныхъ водъ
 Напоминають плавный ходъ,
 То лани быспрыя спремленъ.
 Какъ пѣна, грудь ея бѣла.
 Вокругъ высокаго чела,
 Какъ пучи, локоны черитьють.
 Звѣздой блестятъ ея глаза;
 Ея уша, какъ роза, рдѣють.
 Но не единая краса
 (Мгновенный цвѣтъ!) молвою шумной
 Въ молодой Маріи почтена:
 Вездѣ прославилась она
 Дѣвицей скромной и разумной.
 За то завидныхъ жениховъ
 Ей шлепъ Украина и Россія;
 Но опъ вѣща, какъ опъ оковъ,
 Бѣжишь пугливая Марія.
 Всѣмъ женихамъ опказъ — и вопъ
 За ней самъ Генманъ сваховъ шлепъ (4).

Онъ спаръ. Онъ удрученъ годами,
 Войной, заботами, прудами;
 Но чувствва въ немъ кипящъ, и вновь
 Мазепа вѣдаетъ любовь.

Мгновенио сердце молодое
 Горитъ и гаснетъ. Въ немъ любовь
 Проходитъ и приходитъ вновь,
 Въ немъ чувство каждый день иное:
 Не споль послушно, не слегка,
 Не споль мгновенными спраспиями
 Пыласъ сердце спарика,
 Окаменѣлое годами.
 Упорно, медленно оно
 Въ огнѣ спраспей разкалено;
 Но позднѣй жаръ ужъ не оспынетъ
 И съ жизнью лишь его покинетъ.

Не серна подъ ушесъ уходитъ,
 Орма послыша пияжкѣй лептъ;
 Одна въ сѣняхъ невѣста бродитъ,
 Трепететъ и рѣшенъя ждеетъ.

И вся полна негодованьемъ
 Къ ней мапъ идепъ, и съ содроганьемъ
 Схвапивъ ей руку, говориптъ:
 «Безспыдный! спарецъ нечеспивый!
 «Возможно ль? .. нѣптъ, пока мы живы,
 «Нѣптъ! онъ грѣха не совершиптъ.
 «Онъ, должный быпъ опцемъ и другомъ
 «Невинной креспницы своей...
 «Безумецъ! на закаптъ дней
 «Онъ вздумалъ быпъ ея супругомъ.»
 Марія воздрогнула. Лицо
 Покрыла блѣдноспъ гробовая,
 И охладѣвъ какъ неживая
 Упала дѣва на крыльцо.

Она опомнилась, но снова
 Закрыла очи — и ни слова
 Не говориптъ. Опецъ и мапъ
 Ей сердце ищупъ успокоиптъ,
 Боязнъ и гореспъ разогнаптъ,
 Тревогу смупныхъ думъ успроиптъ...
 Напрасно. Цѣлые два дня,
 То молча плача, по спеня,
 Марія не пила, не ѣла,

Шапаясь, блѣдная какъ пѣнь,
 Не зная сна. На шрепій день
 Ея свѣплица опуспѣла.

Никпо не зная, когда и какъ
 Она сокрылась. Лишь рыбаекъ
 Той ночью слышалъ конскій попопъ,
 Казачью рѣчь и женскій шопопъ,
 И ушромъ слѣдъ осьми подковъ
 Былъ видѣнъ на росѣ луговъ.

Не только первый пухъ ланипъ,
 Да русы кудри молодые,
 Порой и спарца спрогій видъ,
 Рубцы чела, власы сѣдые
 Въ воображенъе красопы
 Влагаюпъ спраспныя мечпы.

И вскорѣ слуха Кочубея
 Коснулась роковая вѣспъ:
 Она забыла спыдъ и чеспъ,
 Она въ объятіяхъ злодѣя!
 Какой позоръ! Опецъ и мапъ
 Молву не смѣюпъ понимапъ.

Тогда лишь истина явилась
 Съ своей ужасной нагопой.
 Тогда лишь только объяснилась
 Душа пресупницы молодой.
 Тогда лишь только спало явно,
 Зачѣмъ бѣжала своенравно
 Она семейственныхъ оковъ,
 Томилась тайно, воздыхала
 И на привѣпы жениховъ
 Молчаньемъ гордымъ отвѣчала;
 Зачѣмъ шакъ шло за сподомъ
 Она лишь Гешману внимала,
 Когда бѣсѣда ликовала
 И чаша пѣнилась виномъ;
 Зачѣмъ она всегда пѣвала
 Тѣ пѣсни, кои онъ слогалъ (5),
 Когда онъ бѣденъ былъ и малъ,
 Когда мова его не знала;
 Зачѣмъ съ неженскою душой
 Она любила конный спрой,
 И бранный звонъ липавръ и клики
 Предъ бунчукомъ и булавой
 Малороссійскаго владыки (6). . . .

Богатъ и знаменъ Кочубей.
 Довольно у него друзей.
 Свою омыпъ онъ можепъ славу.
 Онъ можепъ возмущипъ Полтаву;
 Внезапно средъ его дворца
 Онъ можепъ мщеніемъ опща
 Поспигнупъ гордаго злодѣя;
 Онъ можепъ вѣрною рукой
 Вонзипъ . . . но замыселъ иной
 Волнуепъ сердце Кочубея.

Была па смутная пора,
 Когда Россія молодая,
 Въ бореньяхъ силы напрягая,
 Мужала съ геніемъ Петра.
 Суровый былъ въ наукѣ славы
 Ей данъ учипель: не одинъ
 Урокъ нежданный и кровавый
 Задалъ ей Шведскій паладинъ.
 Но въ искушеньяхъ долгой кары
 Перепертъвъ судебъ удары,
 Окрѣпла Русь. Такъ тяжкій млатъ,
 Дробя стекло, куепъ булатъ.

Вънчаннй славой безполезной,
 Опважнй Карлъ скользилъ надъ бездной.
 Онъ шелъ на древнюю Москву,
 Взмешая Рускія дружины,
 Какъ вихоръ гонитъ прахъ долины
 И клонитъ пыльную праву.
 Онъ шелъ пущемъ, гдѣ слѣдъ оставилъ
 Въ дни наши новыи, сильный врагъ,
 Когда паденіемъ ославилъ
 Мужъ рока свой попяпный шагъ (7).

Украина глухо волновалась.
 Давно въ ней искра разгоралась.
 Друзья кровавой спарины
 Народной чаяли войны,
 Роптали пребуя кичливо,
 Чшобъ Гешманъ узы ихъ распоргъ,
 И Карла ждалъ неперпѣливо
 Ихъ легкомысленный воспоргъ.
 Вокругъ Мазепы раздавался
 Мяпежнй крикъ: пора, пора!
 Но спарый Гешманъ оспавался
 Послушнымъ подданнымъ Петра.
 Храня суровоспъ обычайну,

Спокойно вѣдалъ онъ Украйну,
 Молвъ, казалось, не внималъ
 И равнодушно пировалъ.

«Чпо жъ Гепманъ? юноши пвердили,
 Онъ изнемогъ; онъ слишкомъ спаръ;
 Труды и годы угасили
 Въ немъ прежній, дѣятельный жаръ.
 Зачѣмъ дрожащею рукою
 Еще онъ носилъ булаву?
 Теперь бы грянулъ намъ войною
 На ненависпную Москву!
 Когда бы спарый Дорошенко (8),
 Иль Самойловичъ молодой (9),
 Иль нашъ Палѣй (10), иль Гордѣнко (11)
 Владѣли силой войсковою;
 Тогда бъ въ снѣгахъ чужбины дальной
 Не погибали казаки,
 И Малороссія печальной
 Освобождалась ужъ полки (12).»

Такъ, своеволиемъ пымая,
 Рошпала юноспъ удалая,
 Опасныхъ алча перемѣнъ,

Забывъ опчизны давній плѣтъ,
 Богдана счастливые споры,
 Свящя брани, договоры
 И славу дѣдовскихъ временъ.
 Но спароспъ ходишь оспорожно
 И подозрительно глядишь.
 Чего нельзя и что возможно,
 Еще не вдругъ она рѣшишь.
 Кпо сидеть въ глубину морскую,
 Покрыпую недвижно льдомъ?
 Кпо испыпующимъ умомъ
 Проникнепъ бездну роковую
 Души коварной? Думы въ ней,
 Плоды подавленныхъ спраспей,
 Лежапъ погружены глубоко,
 И замысль давнишнихъ дней,
 Быпъ можешъ, зрѣешъ одиноко.
 Какъ знапъ? Но чѣмъ Мазепа злѣй,
 Чѣмъ сердце въ немъ хипрѣй и ложнѣй,
 Тѣмъ съ виду онъ неоспорожнѣй
 И въ обхожденіи проспѣй.
 Какъ онъ умѣешъ самовласпно
 Сердца привлечь и разгадапъ,
 Умами правипъ безопасно,

Чужія пайны разрѣшати!
 Съ какой довѣрчивостью живой,
 Какъ добродушно на пирахъ
 Со спарцами спарикъ болтливой
 Жалѣетъ онъ о прошлыхъ дняхъ,
 Свободу славить съ своевольнымъ,
 Поноситъ власпи съ недовольнымъ,
 Съ ожесточеннымъ слезы льетъ,
 Съ глупцомъ разумну рѣчь ведетъ!
 Не многимъ, можетъ быть, извѣстно,
 Что духъ его неукротимъ,
 Что радъ и честно и бесчестно
 Вредить онъ недругамъ своимъ;
 Что ни единой онъ обиды
 Съ тѣхъ поръ какъ живъ не забывалъ,
 Что далеко пресупны виды
 Спарикъ надменный проспиралъ;
 Что онъ не вѣдаетъ святыни,
 Что онъ не помнитъ благосыни,
 Что онъ не любитъ ничего,
 Что кровь господъ онъ лишь какъ воду,
 Что презираетъ онъ свободу,
 Что нѣтъ опечизны для него.

Издавна умыселъ ужасный
 Взлелѣялъ пайно злой спарикъ
 Въ душѣ своей. Но взоръ опасный,
 Враждебный взоръ его проникъ.

« Нѣптъ, дерзкій хищникъ, нѣптъ, губитель!
 Скрежеша мыслиптъ Кочубей,
 Я пощажу пвою обипель,
 Темницу дочери моей;
 Ты не исплѣнешь средь пожара,
 Ты не издохнешь опгъ удара
 Казачей сабли. Нѣптъ, злодѣй,
 Въ рукахъ Московскихъ палачей,
 Въ крови, при щипельныхъ оприцаньяхъ,
 На дыбѣ, корчась въ испязаньяхъ,
 Ты проклянешь и день и часъ,
 Когда пы дочь креспилъ у насъ,
 И пиръ, на коемъ чеспи чашу
 Тебѣ я полну наливаль,
 И ночь, когда голубку нашу
 Ты, спарый коршунъ, заклеваль!... »

Такъ! было время: съ Кочубеемъ
 Былъ другъ Мазепа; въ оны дни

Какъ солю, хлѣбомъ и елеемъ
 Дѣлились чувстввами они.
 Ихъ кони по полямъ побѣды
 Скакали рядомъ сквозь огни;
 Нерѣдко долгія бесѣды
 Наединѣ вели они —
 Предъ Кочубеемъ Гепманъ скрипной
 Души мятежной, ненасытной
 Опчаспи бездну открывалъ
 И о грядущихъ измѣненяхъ,
 Переговорахъ, возмущеньяхъ
 Въ рѣчахъ неясныхъ намекалъ.
 Такъ, было сердце Кочубея
 Въ то время предано ему.
 Но въ горькой злобѣ свирѣпѣя,
 Теперь позыву одному
 Оно послушно; онъ голубишь
 Едину мысль и день и ночь:
 Иль самъ погибнетъ, нль погубишь —
 Опмститъ поруганную дочь.

Но предприимчивую злобу
 Онъ крѣпко въ сердцѣ запамѣ.
 «Въ безсильной горести, ко гробу

Теперь онъ мысли устремилъ.

Онъ зла Мазепѣ не желаетъ;

Всему виновна дочь одна.

Но онъ и дочери прощаетъ:

Пусть Богу дастъ опрѣшъ она,

Покрывъ семью свою позоромъ,

Забывъ и небо и законъ»

А между тѣмъ орлинымъ взоромъ

Въ кругу домашнемъ ищетъ онъ

Себѣ поварицей опважныхъ,

Неколебимыхъ, непродажныхъ.

Во всемъ опкрылся онъ женѣ (15):

Давно въ глубокой тишинѣ

Уже доносъ онъ грозный кошпъ,

И гнѣва женскаго полна

Неперпѣливая жена

Супруга злобнаго порошпъ.

Въ тиши ночной, на ложѣ сна,

Какъ нѣкій духъ, ему она

О мщеньи шепчетъ, укоряетъ,

И слезы льетъ, и ободряетъ,

И кляпвы пребуетъ — и сѣ

Клянется мрачный Кочубей.

Ударъ обдуманъ. Съ Кочубеемъ
 Безспрашный Искра (14) заодно.
 И оба мыслятъ: « одолѣемъ;
 Врага паденье рѣшено.
 Но кпо жъ, усердьемъ пламенья,
 Ревнуя къ общему добру,
 Доносъ на мощнаго злодѣя
 Предубѣжденному Петру
 Къ ногамъ положишь не робѣя? »

Между Полпавскихъ Казаковъ,
 Презрѣнныхъ дѣвою несчастной,
 Одинъ съ младенческихъ годовъ
 Ее любилъ любовью спрашной.
 Вечерней, упренней порой,
 На берегу рѣки родной,
 Въ пѣни Украинскихъ черешень,
 Бывало, онъ Марию ждалъ,
 И ожиданіемъ спрадалъ,
 И крапкой вспирѣчей былъ утѣшенъ.
 Онъ безъ надеждъ ее любилъ,
 Не докучалъ онъ ей мольбою:
 Опказа бъ онъ не пережилъ.
 Когда наѣхали полною

Къ ней женихи; изъ ихъ рядовъ
 Унынъ и сиръ онъ удался.
 Когда же вдругъ межъ Казаковъ
 Позоръ Мариннъ огласился,
 И безпощадная молва
 Ее со смѣхомъ поразила;
 И пущъ Марія сохранила
 Надъ нимъ привычныя права.
 Но если кто хопя случайно
 Предъ нимъ Мазепу называлъ;
 То онъ блѣднѣлъ, шерзаясь пайно,
 И взоры въ землю опускалъ.

Кто при звѣздахъ и при лунѣ
 Такъ поздно ѣдетъ на конѣ?
 Чей это конь неупомимой
 Бѣжитъ въ степи необозримой?

Казакъ на сѣверъ держитъ пущъ,
 Казакъ не хочетъ опдохнуть
 Ни въ чистомъ полѣ, ни въ дубравѣ,
 Ни при опасной переправѣ.

Какъ стекло булапъ его блеспишь,
 Мѣшокъ за пазухой звенишь,
 Не спопыкаясь конь репшивой
 Бѣжишь, размахивая гривой.

Червонцы нужны для гонца,
 Булапъ попѣха молодца,
 Репшивый конь попѣха поже —
 Но шапка для него дороже.

За шапку онъ оставишь радъ
 Коня, червонцы и булапъ,
 Но выдасть шапку только съ бою,
 И по лишь съ буйной головою.

Зачѣмъ онъ шапкой дорожишь?
 За шѣмъ, чпо въ ней доносъ зашишь,
 Доносъ на Гепмана злодѣя
 Царю Петру опъ Кочубея.

Грозы не чую между шѣмъ,
 Неужасаемый ничѣмъ,
 Мазепа козни продолжаетъ.
 Съ нимъ полномощный Езуишь (15)

Мѣежъ народный учреждаешъ
 И шапкѣй проишь ему сулишь.
 Во шмѣ ночной они какъ воры
 Ведущъ свои переговоры,
 Измѣну цѣляшъ межъ собой,
 Слагающъ цыфрѣ Универсаловъ (16),
 Торгующъ Царской головой,
 Торгующъ кляшвами вассаловъ.
 Какой-по нищій во дворецъ
 Невѣдомо опколѣ ходишь,
 И Орликъ (17), Гешмановъ дѣлецъ,
 Его приводишь и выводишь.
 Повсюду тайно сѣющъ ядъ
 Его подосланные слуги:
 Тамъ на Дону казачьи круги
 Они съ Булавинымъ (18) мущають;
 Тамъ будяшъ дикихъ ордъ опвагу;
 Тамъ за порогами Днѣпра
 Спращающъ буйную вапагу
 Самодержавіемъ Петра.
 Мазепа всюду взоръ кидаетъ,
 И письма шлетъ изъ края въ край:
 Угрозой хитрой подымаешъ
 Онъ на Москву Бахчисарай.

Король ему въ Варшавѣ внемлесть,
 Въ спѣнахъ Очакова Паша,
 Во спанѣ Карлъ и Царь. Не дремлесть
 Его коварная душа;
 Онъ, думой думу развивая,
 Вѣрнѣй гошовицъ свой ударъ;
 Въ немъ не слабѣетъ воля злая,
 Неупомимъ преспуиный жаръ.

Но какъ онъ вздрогнулъ, какъ воспрянулъ,
 Когда предъ нимъ незапно грянулъ
 Упадшій громъ! когда ему,
 Врагу Россіи самому,
 Вельможи Рускіе (19) послали
 Въ Полшавѣ писанный доносъ,
 И вмѣсто праведныхъ угрозъ,
 Какъ жершвѣ, ласки распочали;
 И озабоченный войной,
 Гнушаясь мнимой клеветой,
 Доносъ оспавя безъ вниманья,
 Самъ Царь Іуду утѣшамъ
 И злобу шумомъ наказанья
 Смиришь надолго обѣщать!

Мазепа, въ горести припворной,
 Къ Царю возносишь гласъ покорной.
 « И знаешь Богъ, и видишь свѣтъ:
 « Онъ бѣдный Гешманъ двадцать лѣтъ
 « Царю служилъ душою вѣрной;
 « Его щедрою безмѣрной
 « Осыпанъ, дивно вознесенъ....
 « О, какъ слѣпа, безумна злоба!...
 « Ему ль пеперь у двери гроба
 « Начать ученіе измѣнъ,
 « И попеняешь благоу славу?
 « Не онъ ли помощь Спаниславу (20)
 « Съ негодованьемъ оиказалъ,
 « Спыдясъ, опвергъ вѣнецъ Украины,
 « И договоръ и письма пайны
 « Къ Царю, по долгу, опослалъ?
 « Не онъ ли наущеньямъ Хана (21)
 « И Цареградскаго Самшана
 « Былъ глухъ? Усердіемъ горя,
 « Съ врагами бѣлаго Царя
 « Умомъ и саблей радъ былъ спорить,
 « Трудовъ и жизни не жалѣлъ,
 « И нынѣ злобный недругъ смѣлъ
 « Его сѣдины опозорить!

« И кто же? Искра, Кочубей!

« Такъ долго бывъ его друзьями!... »

И съ кровавыми слезами,

Въ холодной дерзости своей,

Ихъ казни пребуешь злодѣй (22)... »

Чьей казни? ... спарець непреклонный!

Чья дочь въ обѣщаньяхъ его?

Но хладно сердца своего

Онъ заглушаетъ ропотъ сонный.

Онъ говоритъ: « въ неравный споръ

Зачѣмъ вступаешь сей безумецъ? »

Онъ самъ, надменный вольнодумецъ,

Самъ починъ на себя попоръ.

Куда бѣжишь, зажавши вѣжды?

На чемъ онъ основалъ надежды?

Или ... но дочери любовь

Главы опцовской не искупить.

Любовникъ Гецману уступить,

Не по моя прольется кровь. »

Марія, бѣдная Марія,

Краса Черкасскихъ дочерей!

Не знаешь ты какаго змія

Ласкаешь на груди своей.

Какой-же властью непонятной
 Къ душѣ свирѣпой и развратной
 Такъ сильно ты привлечена?
 Кому ты въ жертву отдана?
 Его кудрявыя сѣдины,
 Его глубокія морщины,
 Его блестящій, впадный взоръ,
 Его лукавый разговоръ
 Тебѣ всего, всего дороже:
 Ты масть забылъ для нихъ могла,
 Соблазномъ поспянное ложе
 Ты опчей сѣни предпочла.
 Своими чудными очами
 Тебя спарикъ заворожилъ,
 Своими тихими рѣчами
 Въ шебѣ онъ совѣсть усынилъ;
 Ты на него съ благоговѣньемъ
 Возводишь ослабленный взоръ,
 Его лелѣешь съ умиленьемъ —
 Тебѣ пріятенъ пвой позоръ,
 Ты имъ, въ безумномъ упоеньи,
 Какъ цѣломудріемъ горда —
 Ты прелестъ нѣжную спыда
 Въ своемъ упрямилъ паденьи...

Чпо спыдъ Маріи? чпо молва?
 Чпо для нея мірскія пѣни,
 Когда склоняеся въ колѣни
 Къ ней спарца гордая глава,
 Когда съ ней Гепманъ забываесть
 Судьбы своей и прудъ и шумъ,
 Иль пайны смѣлыхъ, грозныхъ думъ
 Ей дѣвѣ робкой опкрываесть?
 И дней невинныхъ ей не жаль,
 И душу ей одна печаль
 Порой, какъ пуча, запмеваетъ:
 Она унылыхъ предъ собой
 Опца и мапъ воображаетъ;
 Она, сквозь слезы, видипъ ихъ
 Въ бездѣпной спарости, однихъ,
 И минися, пѣнямъ ихъ внимаесть....
 О, если бѣ вѣдала она,
 Чпо ужъ узнала вся Украина!
 Но опъ нея сохранена
 Еще убійспвенная пайна.

ПѢСНЬ ВТОРАЯ.

ИСТОРИЯ БИОГРАФИИ

Мазела мраченъ. Умъ его
Смущенъ жеспокими мечпани.
Марія нѣжными очами
Глядитъ на спарца своего.
Она, обнявъ его колѣни,
Слова любви ему пвердитъ.
Напрасно: черныхъ помышлений
Ея любовь не удаитъ.
Предъ бѣдной дѣвой съ невниманьемъ
Онъ хладно попуцляетъ взоръ,
И ей на ласковый укоръ
Однимъ опвѣспивуетъ молчаньемъ.
Удивлена, оскорблена,
Едва дыша, вспаепъ она
И говоритъ съ негодованьемъ:

«Послушай, Гепманъ: для тебя
Я позабыла все на свѣтѣ.

Навѣкъ однажды полюбя,
 Одно имѣла я въ предметѣ:
 Твою любовь. Я для нее
 Сгубила счастье мое,
 Но ни о чемъ я не жалю —
 Ты помнишь: въ спрашной пишинѣ,
 Въ ту ночь, какъ спала я пвосою,
 Меня любивъ ты клялся мнѣ.
 Зачѣмъ же ты меня не любишь?

М А З Е П А.

Мой другъ, несправедлива ты.
 Оспавъ безумныя мечты;
 Ты подозрѣемъ сердце губишь:
 Нѣтъ, душу пылкую пвою
 Волнуютъ, ослѣпляютъ спрасни.
 Марія, вѣрь: тебя люблю
 Я больше славы, больше власни.

М А Р І Я.

Не правда: ты со мной хипришь.
 Давно ль мы были неразлучны?
 Теперь ты ласкъ моихъ бѣжишь;
 Теперь онѣ тебѣ докучны;
 Ты цѣлый день въ кругу спаршинъ,
 Въ пирахъ, развѣздахъ — я забываю;

Ты долгой ночью иль одинъ,
 Иль съ нищимъ, иль у Езуиша.
 Любовь смиренная моя
 Вспрѣчаесть хладную суровость.
 Ты пилъ недавно, знаю я
 Здравье Дульской. Эпо новоспъ;
 Кпо эпa Дульская?

М А З Е П А.

И пы

Ревнива? Мнѣ ль, въ мои ли лѣта
 Искать надменнаго привѣща
 Самолюбивой красоты?
 И спану ль я, спарикъ суровый,
 Какъ праздный юноша, вздыхаю,
 Влечу позорныя оковы
 И жемъ припворспвомъ искушаю?

М А Р І Я.

Нѣтъ, объяснись безъ опговорокъ
 И проси, прямо опвѣчай.

М А З Е П А.

Покой души пвоей мнѣ дорогъ,
 Марія; шакъ и бышь: узнай.

Давно замыслили мы дѣло;
 Теперь оно кипитъ у насъ.
 Благое время намъ приспѣло;
 Борьбы великой близокъ часъ.
 Безъ милой вольности и славы
 Склоняли долго мы главы
 Подъ покровительствомъ Варшавы,
 Подъ самовластіемъ Москвы.
 Но независимой державой
 Украинѣ быть уже пора:
 И знамя вольности кровавой
 Я поднимаю на Петра.
 Гопово все: въ переговорахъ
 Со мною оба Короля;
 И скоро въ смутахъ, въ бранныхъ спорахъ,
 Быть можетъ, прронъ воздвигну я.
 Друзей надежныхъ я имѣю:
 Княгиня Дульская и съ нею
 Мой Езуитъ, да ницѣй сей
 Къ концу мой замыселъ приводятъ.
 Черезъ руки ихъ ко мнѣ доходятъ
 Наказы, письма Королей.
 Вотъ важныя шебѣ признанья.

Довольна-ль пы? Твои мечпанья
Разсѣяны ль?

М А Р І Я.

О милый мой,
Ты будешь царь земли родной!
Твоимъ сѣдинамъ какъ приспаненъ
Корона царская!

М А З Е П А.

Постой,
Не все свершилось. Буря грянетъ;
Кпо можешь знашь, чпо ждешь меня?

М А Р І Я.

Я близъ тебя не знаю спреха —
Ты пакъ могущъ! О знаю я:
Тронъ ждешь тебя.

М А З Е П А.

А если плаха?..

М А Р І Я.

Съ побой на плаху, если пакъ.
Ахъ, переживъ тебя могу ли?
Но иѣтъ: пы носишь власщи знакъ.

М А З Е П А.

Меня пы любишь?

МАРІЯ.

Я! люблю ли?

МАЗЕПА.

Скажи: отецъ или супругъ

Тебѣ дороже?

МАРІЯ.

Милый другъ,

Къ чему вопросъ пакой? превозимъ

Меня напрасно онъ. Семейю

Спараюсь я забыть мою.

Я спала ей въ позоръ; быть можешь,

(Какая спрашная мечта!)

Моимъ опцемъ я прокляпа,

А за кого?

МАЗЕПА.

Такъ я дороже

Тебѣ опца? Молчишь...

МАРІЯ.

О Боже!

МАЗЕПА.

Чпо жъ? опсвѣчай.

МАРІЯ.

Рѣши ны самъ.

МАЗЕПА.

Послушай: если было бѣ намъ,
Ему иль мнѣ, погибнуть надо,
А пы бы намъ судьей была,
Кого бѣ пы въ жертву принесла,
Кому бы пы была ограда?

МАРІЯ.

Ахъ, полно! Сердце не смущай!
Ты искусишь.

МАЗЕПА.

Опѣвай!

МАРІЯ.

Ты блѣденъ; рѣчь пвоя сурова...
О, не сердись! Всѣмъ, всѣмъ гошова
Тебѣ я жертвовашъ, повѣрь;
Но спрашны мнѣ слова пакія.
Довольно.

МАЗЕПА.

Помни же, Марія,
Чпо пы сказала мнѣ шеперь.

Тиха Украинская ночь.
Прозрачно небо. Звѣзды блещутъ.
Ч. II.

Своей дремопы превозмочь
 Не хочеть воздухъ. Чуть пренецупь
 Сребриспыхъ пополей листы.
 Луна спокойно съ высопы
 Надъ Бѣлой-Церковью сіяеть
 И пышныхъ Гешмановъ сады
 И старый замокъ озаряеть.
 И пихо, пихо все кругомъ;
 Но въ замкѣ шопопъ и смяшенъе.
 Въ одной изъ башенъ, подъ окномъ,
 Въ глубокомъ, шяжкомъ размышленъѣ,
 Окованъ, Кочубей сидишь
 И мрачно на небо глядишь.

Заушра казнъ. Но безъ боязни
 Онъ мыслишь объ ужасной казни;
 О жизни не жалѣешь онъ.
 Чпо смершь ему? желанный сонъ.
 Гоповъ онъ лечь во гробъ кровавый.
 Дрема долишь. Но, Боже правый!
 Къ ногамъ злодѣя, молча, пасшь
 Какъ безсловесное создание,
 Царемъ бышь опдану во власшь
 Врагу Царя на поруганъе,

Утрапишь жизнь — и съ нею честь,
 Друзей съ собой на плаху вестъ,
 Надъ гробомъ слышаешь ихъ проклятья,
 Ложась безвиннымъ подъ попоръ,
 Врага веселый вспрыпнишь взоръ
 И смерти кинушься въ объятья,
 Не завѣщая никому
 Вражды къ злодѣю своему! ...

И вспомнилъ онъ свою Полтаву,
 Обычный кругъ семьи, друзей,
 Минувшихъ дней богапство, славу,
 И пѣсни дочери своей,
 И старый домъ, гдѣ онъ родился,
 Гдѣ зналъ и трудъ и мирный сонъ,
 И все, чѣмъ въ жизни наслаждался,
 Что добровольно бросилъ онъ,
 И для чего? —

Но ключъ въ заржавомъ
 Замкѣ гремитъ — и пробуждѣнъ
 Несчастный думаетъ: вопль онъ!
 Всплываетъ на пупи моемъ кровавомъ
 Мой вождь подъ знаменемъ Креста,
 Грѣховъ могущій разрѣшителъ,

Духовной скорби врачъ, служитель
 За насъ разспяпаго Христа,
 Его свяшую кровь и пѣло
 Принесшій мнѣ, да укрѣплюсь,
 Да приступлю ко смерти смѣло
 И жизни вѣчной приобщусь!

И съ сокрушеніемъ сердечнымъ
 Готовъ несчастный Кочубей
 Передъ Всесильнымъ, Безконечнымъ
 Излить шоску мольбы своей.
 Но не опщельника сваяпаго,
 Онъ госпя узнаетъ ннаго:
 Свирѣпый Орликъ передъ нимъ.
 И опвращеніемъ помимъ,
 Спрадалецъ горько вопрошаетъ:
 Ты здѣсь, жестокой человекъ?
 Зачѣмъ послѣдній мой ночлегъ
 Еще Мазена возмущаетъ?

О р а л к ѣ.

Допросъ не конченъ: опвѣчай.

К о ч у б е й.

Я опвѣчалъ уже: спупай,
 Оспавъ меня.

О р л и к ъ.

Еще признанья

Панъ Гешманъ пребуешъ.

К о ч у б е й.

Но въ чемъ?

Давно сознался я во всемъ,
 Чпо вы хошѣли. Показанья
 Мои всѣ ложно. Я лукавъ,
 Я спрою козни. Гешманъ правъ.
 Чего вамъ болѣе?

О р л и к ъ.

Мы знаемъ,

Чпо мы несчетно былъ богатъ;
 Мы знаемъ: не единый кладъ
 Тобой въ Диканькѣ (25) укрываемъ.
 Свершишья казнъ швоя должна;
 Твое имѣніе сполна
 Въ казну поспунишъ войсковую —
 Таковъ законъ. Я указую
 Тебѣ послѣдній долгъ: открой,
 Гдѣ кладъ скрытые побой?

К о ч у б е й.

Такъ, не ошиблись вы: при клада
 Въ сей жизни были мнѣ опрада.

И первый кладъ мой честьъ была,
 Кладъ эпопъ пыпка опняла;
 Другой былъ кладъ невозвратимый
 Честь дочери моеи любимой.
 Я день и ночь надъ нимъ дрожалъ:
 Мазепа эпопъ кладъ укралъ.
 Но сохранилъ я кладъ послѣдній,
 Мой прерпій кладъ: свящую месць.
 Ее гошоваюсь Богу снесць.

О р л и к ъ.

Старикъ, оспавъ пуспья бредни:
 Сегодня покидая свѣтъ,
 Пипайся мыслию суровой.
 Шупипъ не время. Дай опвѣтъ,
 Когда не хочешь пыпки новой:
 Гдѣ спряпалъ деньги?

К о ч у б е й.

Злой холопъ!

Окончишь ли допросъ нелѣпой?
 Повремени: дай лечь мнѣ въ гробъ,
 Тогда спупай себѣ съ Мазепою
 Мое наслѣдіе счипайъ
 Окровавленными перспами,
 Мои подвалы разрываешь,

Рубишь и жечь сады съ домами.
 Съ собой возмешь дочь мою;
 Она сама вамъ все расскажетъ,
 Сама всѣ клады вамъ укажетъ;
 Но ради Господа молю,
 Теперь оспавъ меня въ покоѣ.

О р л и к ъ.

Гдѣ спрашалъ деньги? укажи.
 Не хочешь? — Деньги гдѣ скажи,
 Иль выйдешь слѣдствіе плохое.
 Подумай: мѣсто намъ назначъ.
 Молчишь? — Ну, въ пышку. Гей, палачъ! (24)

Палачъ вошелъ. . . .

О, ночь мучений!

Но гдѣ же Гешманъ? гдѣ злодѣй?
 Куда бѣжалъ отъ угрызеній
 Змѣиной совѣсти своей?
 Въ свѣщаницѣ дѣвы усыпленной,
 Еще незнаемъ блаженной,
 Близъ ложа креспицы молодой
 Сидишь съ поникшею главой
 Мазена пихій и угрюмый.

Въ его душѣ проходятъ думы,
 Одна другой мрачнѣй, мрачнѣй,
 « Умреть безумный Кочубей;
 Спасши нельзя его. Чемъ ближе
 Цѣль Гепмана, тѣмъ пверже онъ
 Быть долженъ власпью облеченъ,
 Тамъ передъ нимъ склоняюсь ниже
 Должна вражда. Спасенья нѣтъ:
 Доносчикъ и его клевереть
 Умрутъ. » Но брося взоръ на ложе,
 Мазепа думаетъ: « о Боже!
 Чпо будетъ съ ней, когда она
 Услышитъ слово роковое?
 Досель она еще въ покоѣ —
 Но пайна быть сохранена
 Не можетъ долѣе. Съкира,
 Упавъ поупру, загремитъ
 По всей Украинѣ. Голосъ міра
 Вокругъ нея заговоритъ! ...
 Ахъ, вижу я: кому судьбою
 Воленья жизни суждены;
 Тотъ спой одинъ передъ грозою,
 Не призывай къ себѣ жены,

Въ одну пелегу впрять неможно
 Коня и препенную лань.
 Забылся я неоспорожно:
 Теперь плачу безумства дань...
 Все, чпо цѣны себѣ не знаешъ,
 Все, все, чѣмъ жизнь мила бываетъ,
 Бѣдняжка принесла мнѣ въ даръ,
 Мнѣ спарцу мрачному — и чпо же?
 Какой гошовню ей ударъ! — »
 И онъ глядишъ: на пихомъ ложъ
 Какъ сладокъ юности покой!
 Какъ сонъ ее мелѣешъ нѣжно!
 Уста раскрылись; безмяшежно
 Дыханье груди молодой;
 А завпра, завпра... содрогаясь
 Мазена опврацаешъ взглядъ,
 Вспаешъ и тихо пробираясь
 Въ уединенный сходишъ садъ.

Тиха Украинская ночь.
 Позрачно небо. Звѣзды блещушъ.
 Своей дремоты превозмочь
 Не хочешъ воздухъ. Чупъ препенушъ
 Сребриспыхъ пополей липы.

Но мрачны спранные мечпы
 Въ душѣ Мазепы: звѣзды ночи,
 Какъ обвинительныя очи,
 За нимъ насмѣшливо глядятъ.
 И пополи, спѣсившись въ рядъ,
 Качая тихо головою,
 Какъ судьи, шепчуть межъ собою.
 И лѣпней, теплой ночи пма
 Душна, какъ черная пюрма.

Вдругъ... слабый крикъ... невнятный стонъ
 Какъ бы изъ замка слышнптъ онъ.
 То былъ ли сонъ воображенья,
 Иль плачь совы, иль звѣря вой,
 Иль пышки спонъ, иль звукъ иной —
 Но только своего волненья
 Преодоливъ не могъ спарикъ
 И на пропязный слабый крикъ
 Другимъ опвѣспивоваль — птѣмъ крикомъ,
 Копорымъ онъ въ весельи дикомъ
 Поля сраженья оглашалъ,
 Когда съ Забѣлой, съ Гамалѣемъ,
 И — съ нимъ... и съ эпимъ Кочубеемъ
 Онъ въ бранномъ пламени скакалъ.

Зари багряной полоса
 Объемлетъ ярко небеса.
 Блеснули доли, холмы, нивы,
 Вершины роцѣ и волны рѣкъ.
 Раздался упра шумъ игривый,
 И пробудился человѣкъ.

Еще Марія сладко дышитъ,
 Дремой объятая, и слышитъ
 Сквозь легкой сонъ, чпо кпо-по къ ней
 Вошелъ и ногъ ея коснулся.
 Она проснулась — но скорѣй
 Съ улыбкой взоръ ея сомкнулся
 Опъ блеска упревшихъ лучей.
 Марія руки пропинула
 И съ нѣгой помною шепнула:
 Мазепа, пы? . . . Но голосъ ей
 Иной опвѣстивуетъ . . . о Боже!
 Вздвотнувъ, она глядитъ . . . и чпо же?
 Предъ нею мать . . .

М а т ь.

Молчи, молчи;
 Не погуби насъ: я въ ночи
 Сюда прокралась оспорожно

Съ единой, слезною мольбой.
 Сегодня казнь. Тебѣ одной
 Свирѣпство ихъ смягчить возможно.
 Спаси опца.

Д о ч ь, въ ужасѣ.
 Какой опецъ?

Какая казнь?

М а т ь.

Иль пы донинѣ

Не знаешь?.. нѣтъ! пы не въ пуспынѣ,
 Ты во дворцѣ; пы знашь должна,
 Какъ сила Гепмана грозна,
 Какъ онъ враговъ своихъ караешь,
 Какъ Государь ему внимаешь —
 Но вижу: скорбную семью
 Ты опвергаешь для Мазепы;
 Тебя я сонну заспаю,
 Когда свершають судъ свирѣпый,
 Когда чипають приговоръ,
 Когда гошовъ опцу попоръ —
 Другъ друга, вижу, мы чужія...
 Опомнись: дочь моя! Марія,
 Бѣги, пади къ его ногамъ,
 Спаси опца, будь ангелъ намъ:

Твой взглядъ злодѣямъ руки свяжешь,
 Ты можешь ихъ попорь опвесить.
 Рвись, пребуй — Гепманъ не опкажешь:
 Ты для него забыла честь,
 Родныхъ и Бога.

Д о ч ь.

Чпо со мною?

Опець . . . Мазепа . . . казнь — съ мольбою
 Здѣсь, въ эпомъ замкъ мапъ моя —
 Нѣтъ, иль ума лишилась я,
 Иль эпо грезы.

М а т ь.

Богъ съ побою,

Нѣтъ, нѣтъ — не грезы, не мечпы.
 Уже ль еще не знаешь пы,
 Чпо пвой опець ожеспоченный
 Безчестья дочери не снесъ
 И, жаждой месни увлеченный,
 Царю на Гепмана донесъ —
 Чпо въ испязаніяхъ кровавыхъ
 Сознался въ умыслахъ лукавыхъ,
 Въ спыдѣ безумной клеветы,
 Чпо, жерпва смѣлой правопы,
 Врагу онъ выданъ головою,

Чпо предъ Громадой войсковою,
 Когда его не остишишь
 Десница вышняя Господня,
 Онъ долженъ бышь казненъ сегодня,
 Чпо здѣсь покамѣсь онъ сидишь
 Въ пюремной башнѣ.

Д о ч ь.

Боже, Боже!...
 Сегодня! — бѣдный мой опецъ!

И дѣва падаеть на ложе,
 Какъ хладный падаеть мершвецъ.

Песпрѣюшь шапки. Копья блещушь.
 Бьюшь въ бубны. Скачушь сердюки (25).
 Въ спрояхъ ровняюшся полки.
 Толпы кипяшь. Сердца прелещушь.
 Дорога, какъ змѣнный хвостъ,
 Полна народу, шевелится.
 Средъ поля роковой помосъ.
 На немъ гуляеть, веселишся
 Палачъ и алчно жершвы ждешь:
 То въ руки бѣлыя береть,
 Играючи, попоръ тяжелой,

То шипишь съ чернію веселой.
 Въ гремучій говоръ все слылось:
 Крикъ женскій, брань, и смѣхъ, и ропотъ.
 Вдругъ восклицанье раздалось
 И смолкло все. Лишь конскій попортъ
 Былъ слышенъ въ грозной тишинѣ.
 Тамъ, окруженный сердюками,
 Вельможный Гепманъ съ спарщинами
 Скакалъ на ворономъ конѣ.
 А памъ по Кіевской дорогѣ
 Телѣга ѣхала. Въ превогѣ
 Всѣ взоры обрапили къ ней.
 Въ ней, съ міромъ, съ небомъ примиренный,
 Могущей вѣрой укрѣпленный,
 Сидѣлъ безвинный Кочубей,
 Съ нимъ Искра тихій, равнодушный,
 Какъ агнецъ, жребію послушный.
 Телега спала. Раздалось
 Моленье ликовъ громогласныхъ.
 Съ кадилъ куренье поднялось.
 За упокой души несчастныхъ
 Безмолвно молился народъ,
 Спрадальцы за враговъ. И воптъ
 Идутъ они, взошли. На плаху,

Крестясь, ложился Кочубей.
 Какъ будно въ гробъ пшмы людей
 Молчапъ. Топоръ блеснулъ съ размаху,
 И опскочила голова.
 Все поле охнуло. Другая
 Капшися вслѣдъ за ней, мигая.
 Зардѣлась кровію права —
 И сердцемъ радуясь во злобѣ
 Палачъ за чубъ поймавъ ихъ обѣ
 И напряженною рукой
 Попрясъ ихъ обѣ надъ полною.

Свершилась казнь. Народъ безпечный
 Идепъ, разсыпавшись, домой,
 И про свои работы вѣчны
 Уже полкуепъ межъ собой.
 Пуспѣепъ поле понемногу.
 Тогда чрезъ песпрую дорогу
 Перебѣжали двѣ жены.
 Упомлены, запылены,
 Онѣ, казалось, къ мѣсту казни
 Спѣшши полныя боязни.
Уже поздно, кто-то имъ сказалъ
 И въ поле перспомъ указалъ.

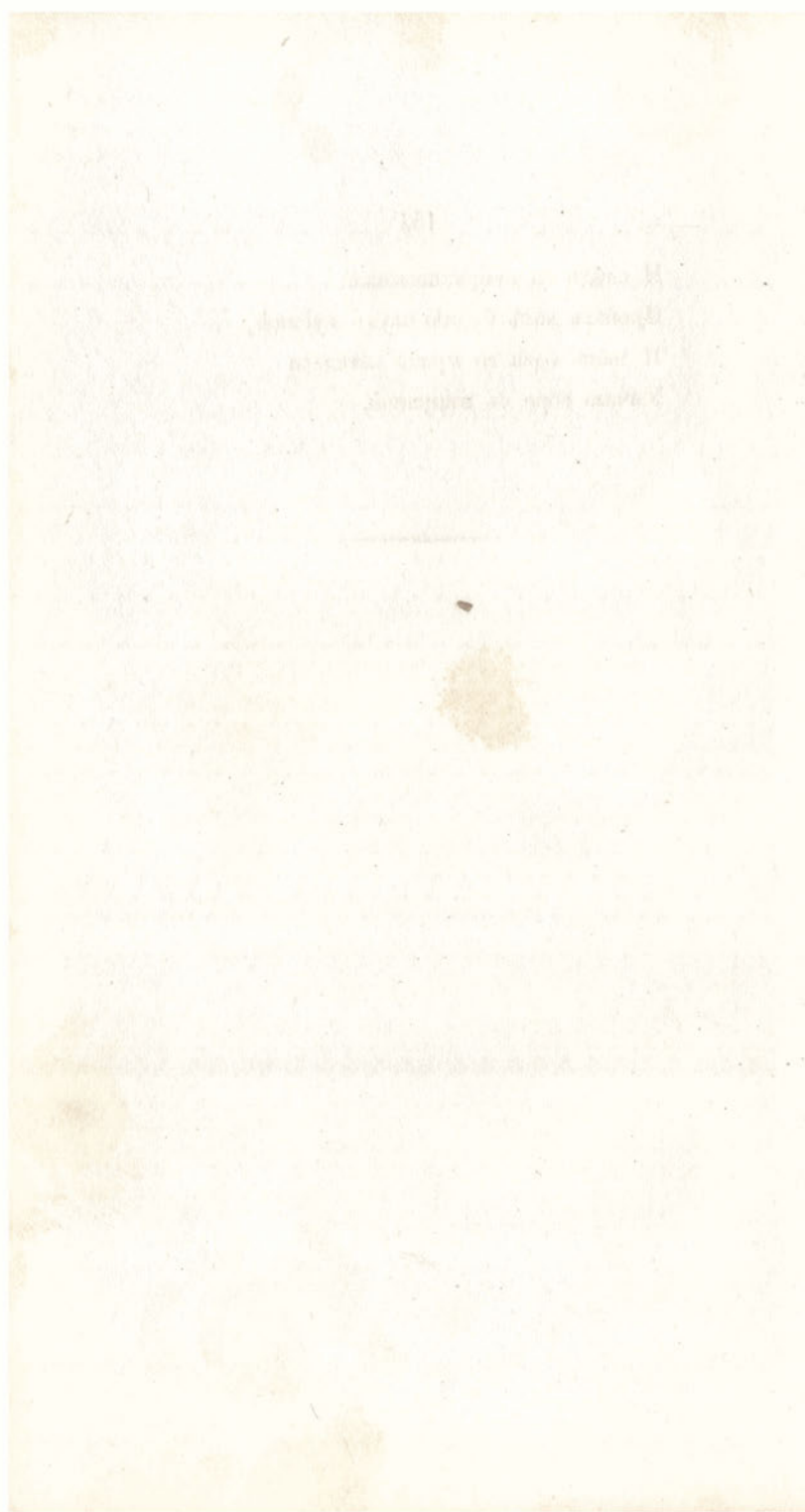
Тамъ роковой намостъ ломали,
 Молился въ черныхъ ризахъ попъ,
 И на шелегу подымали
 Два казака дубовый гробъ.

Одинъ предъ конною полпой
 Мазепа, грозенъ, удалялся
 Опъ мѣспа казни. Онъ перзался
 Какой-то спрашной пуспопой.
 Никпо къ нему не приближался,
 Не говорилъ онъ ничего;
 Весь въ пѣнѣ мчался конь его.
 Домой прѣхавъ, чпо Марія?
 Спросилъ Мазепа. Слышинъ онъ
 Опвѣпы робкіе, глухіе...
 Невольнымъ спрахомъ пораженъ,
 Идешъ онъ къ ней; въ свѣщницу входитъ:
 Свѣщница пихая пуспа —
 Онъ въ садъ, и шамъ смяпенный бродитъ;
 Но вокругъ широкаго пруда,
 Въ кустахъ, вдоль стѣней безмятежныхъ
 Все пусто, нѣтъ нигдѣ слѣдовъ —
 Ушла! — Зовешъ онъ слугъ надежныхъ,
 Своихъ проворныхъ сердюковъ.

Они бѣгутъ. Храпятъ ихъ кони —
 Раздался дикій кликъ погони
 Верхомъ — и скачутъ молодцы
 Во весь опоръ, во всѣ концы.

Бѣгутъ мгновенья дорогія.
 Не возвращается Марія.
 Никто не вѣдалъ, не слыхалъ,
 Зачѣмъ и какъ она бѣжала —
 Мазепа молча скрежешалъ.
 Запихнувъ, челядь препешала.
 Въ груди кипучій ядънося,
 Въ свѣщницѣ Гешманъ заперся.
 Близъ ложа шамъ во мракѣ ночи
 Сидѣлъ онъ не смыкая очи,
 Нездѣшней мукою помимъ.
 Поушпру, посланные слуги
 Одинъ явились за другимъ.
 Чуть кони двигались. Подпруги,
 Подковы, узды, чепраки,
 Все было пѣною покрыто,
 Въ крови, разперяно, избило —
 Но ни одинъ ему принесъ
 Не могъ о бѣдной дѣвѣ вѣспѣ.

И слѣдъ ея сущестпованья
Пропалъ какъ будто звукъ пустой,
И мать одна во мракъ изгнанья
Умчала горе съ ницетой.

ПѢСНЬ ТРЕТІЯ.

Души глубокая печаль
Спрямись дерзновенно въ даль
Вождю Украйны не мѣшаешь.
Твердя въ умыслѣ своемъ,
Онъ съ гордымъ Шведскимъ Королемъ
Свои сношенья продолжаетъ.
Межъ пѣмъ, чѣмъ обмануть вѣрнѣй
Глаза враждебнаго сомнѣнья,
Онъ, окружась толпой врачей,
На ложѣ мнимаго мученья
Споная молишь изцѣленья.
Плоды спраспей, войны, трудовъ,
Болезни, дряхлость и печали,
Предпечи смерти, приковали
Его къ одру. Уже готовъ
Онъ скоро бранный міръ оставить;
Святой обрядъ онъ хочетъ править,
Онъ Архипастыря зоветъ
Къ одру сомнительной кончины:

И на коварныя сѣдины
Елей панииспвенный печепъ.

Но время шло. Москва напрасно
Къ себѣ госпей ждала всечасно,
Средь спарыхъ, вражескихъ могилъ
Гоповя Шведамъ приизну шайну.
Незапно Карлъ поворошилъ
И перенесъ войну въ Украину.

И день наспалъ. Вспаепъ съ одра
Мазепа, сей спрадалецъ хилой,
Сей прупъ живой, еще вчера
Спонавший слабо надъ могилой.
Теперь онъ мощный врагъ Петра.
Теперь онъ, бодрый, предъ полками
Сверкаепъ гордыми очами
И саблей машепъ — и къ Деснѣ
Проворно мчипся на конѣ.
Согбенный пияжко жизнью спарой,
Такъ оный хипрый Кардиналъ,
Вѣнчавшисъ Римскою піарой,
И прямъ, и здравъ, и молодъ спалъ.

И вѣспѣ на крыльяхъ полетѣла,
 Украина смутно зашумѣла.
 « Онѣ перешелъ, онѣ измѣнилъ,
 Къ ногамъ онѣ Карлу положилъ
 Бунчукъ покорный. » Пламя пышетъ,
 Вспашетъ кровавая заря
 Войны народной.

Кпо опишетъ
 Негодованье, гнѣвъ Царя (26)?
 Гремилъ анаѳема въ Соборахъ;
 Мазепы ликъ перзаешъ капъ (27).
 На шумной Радѣ, въ вольныхъ спорахъ
 Другаго Гепмана пворятъ.
 Съ береговъ пуспынныхъ Енисея
 Семейспва Искры, Кочубея
 Поспѣшно призваны Петромъ.
 Онѣ съ нимъ слезы проливаешъ.
 Онѣ ихъ, лаская, осыпаешъ
 И новой чеспью и добромъ.
 Мазепа врагъ, наѣзникъ пылкій,
 Спарикъ Палѣй изъ мрака ссылки
 Въ Украину ѣдетъ въ Царскій спанъ.
 Трепещетъ бунтъ осиротѣлой.
 На плахѣ гибнетъ Чечель (28) смѣлой
 И запорожскій Ашаманъ.

И пы, любовникъ бранной славы,
 Для щема кинувшій вѣнецъ,
 Твой близокъ день, пы валъ Полтавы
 Вдали завидѣлъ наконецъ.

И Царь шуда жъ помчалъ дружины.
 Онъ какъ буря припекли —
 И оба спана средь равнины
 Другъ друга хипро облегли:
 Неразъ избишый въ схваткѣ смѣлой,
 Заранъ кровью опьянѣлый,
 Съ бойцомъ желаннымъ наконецъ
 Такъ грозный сходящися боецъ.
 И злобясь видипъ Карлъ могучій
 Ужъ не разспроенныя пучи
 Несчастныхъ Нарвскихъ бѣглецовъ,
 А нипъ полковъ блестящихъ, спройныхъ,
 Послушныхъ, быспрыхъ и спокойныхъ,
 И рядъ незыблемый шпыковъ.

Но онъ рѣшилъ: заупра бой.
 Глубокой сонъ во спанѣ Шведа,
 Лишь подъ полаткою одной
 Ведется шопотомъ бесѣда.

« Нѣтъ, вижу я, нѣтъ, Орликъ мой,
 Попоропились мы не кстапи:
 Расчетъ и дерзкій и плохой,
 И въ немъ не будетъ благодапи.
 Пропала, видно, цѣль моя.
 Чпо дѣлапи? далъ я промахъ важной:
 Ошибся въ эпомъ Карлѣ я.
 Онъ мальчикъ бойкій и опважной;
 Два-три сраженъя разыграпи,
 Конечно, можепи онъ съ успѣхомъ,
 Къ врагу на ужинъ прискакапи (29),
 Опвѣспшовапи на бомбу смѣхомъ (30);
 Не хуже Рускаго спрѣка
 Прокраспи въ ночь ко вражью спану;
 Свалипи какъ нынче казака
 И обмѣняпи на рану рану (31);
 Но не ему веспи борьбу
 Съ самодержавнымъ великаномъ:
 Какъ полкъ верпипися онъ судьбу
 Принудипи хочепи барабаномъ;
 Онъ слѣпи, упрямъ, неперпѣливъ,
 И легкомыслень, и кичливъ,
 Богъ вѣспи какому счаспью вѣрипи;
 Онъ силы новыя врага

Успѣхомъ прошлымъ только мѣришь —
 Сломилъ ему свои рога.
 Спыжусь: воинственнымъ бродягой
 Увлекся я на спаросилъ лишь;
 Былъ ослѣпленъ его опвагой
 И бѣглымъ счастьемъ побѣдъ
 Какъ дѣва робкая.»

О р л и к ъ.

Сраженья

Дождется. Время не ушло
 Съ Петромъ опять войши въ сношенья:
 Еще поправилъ можно зло.
 Разбитый нами, нѣтъ сомнѣнья,
 Царь не отвергнетъ примиренья.

М а з е п а.

Нѣтъ, поздно. Рускому Царю
 Со мной мириться невозможно.
 Давно рѣшилась непреложно
 Моя судьба. Давно горю
 Спѣсенной злобой. Подъ Азовымъ
 Однажды я съ Царемъ суровымъ
 Во спавкъ ночью пировалъ:
 Полны виномъ кипѣли чаши,
 Кипѣли съ ними рѣчи наши.

Я слово смѣлое сказалъ.
 Смутились госппи молодые —
 Царь вспыхнувъ, чашу уронилъ
 И за усы мои сѣдые
 Меня съ угрозой ухватилъ.
 Тогда, смирясь въ безсильномъ гнѣвѣ,
 Опшмспилъ себѣ я кляпву далъ;
 Носилъ ее — какъ мапъ во чревѣ
 Младенца носилъ. Срокъ наспалъ.
 Такъ, обо мнѣ воспоминае
 Хранилъ онъ будеть до конца.
 Петру я посланъ въ наказанье;
 Я пернъ въ лиспахъ его вѣща:
 Онъ далъ бы грады родовые
 И жизни лучшіе часы,
 Чпобъ снова какъ во дни былые
 Держалъ Мазепу за усы.
 Но еспъ еще для насъ надежды:
 Кому бѣжалъ, рѣшилъ заря.

Умолкъ и закрываеппъ вѣжды
 Измѣнникъ Рускаго Царя.

Горипъ воспокъ зарею новой.
 Ужъ на равнинѣ, по холмамъ

Грохочутъ пушки. Дымъ багровой
 Кругами всходитъ къ небесамъ
 Навспрѣчу упреннымъ лучамъ.
 Полки ряды свои сомкнули.
 Въ кустахъ рассыпались спѣлки.
 Капаясь ядра, свищутъ пули;
 Нависли хладные шпыки.
 Сыны любимые побѣды,
 Сквозь огонь окоповъ рвущся Шведы;
 Волнуясь, конница лепишъ;
 Пѣхопа движется за нею
 И паяжой пвердоспью своею
 Ея спремленія крѣпшъ.
 И бипвы поле роковое
 Гремшъ, пылаешъ здѣсь и памъ:
 Но явно счаспье боевое
 Служишъ ужъ начинаешъ намъ.
 Пальбой опбишья дружины,
 Мѣшаясь, падаюшъ во прахъ.
 Уходишъ Розенъ сквозь пѣснины;
 Сдаешся пыкій Шлипенбахъ.
 Тѣснимъ мы Шведовъ рапъ за рапью;
 Темнѣешъ слава ихъ знаменъ,
 И Богъ браней благодапью
 Нашъ каждый шагъ запечапшъ.

Тогда-по свѣще вдохновенный
 Раздался звучный гласъ ПЕТРА:
 «За дѣло, съ Богомъ!» Изъ шапра
 Толпой любимцевъ окруженный
 Выходитъ ПЕТРЪ. Его глаза
 Сіяютъ. Ликъ его ужасенъ.
 Движенія быстры. Онъ прекрасенъ,
 Онъ весь, какъ Божія гроза.
 Идетъ. Ему коня подводятъ.
 Решивъ и смиренъ вѣрный конь.
 Почуя роковой огонь
 Дрожитъ. Глазами косо водитъ
 И мчится въ прахъ боевомъ,
 Гордясь могущимъ сѣдокомъ.

Ужъ близокъ полдень. Жаръ пылаетъ.
 Какъ пахарь, бивша опдыхаетъ.
 Кой-гдѣ гарцуютъ казаки.
 Ровняясь спроялся полки.
 Молчитъ музыка боевая.
 На холмахъ пушки присмирѣвъ
 Прервали свой голодный ревъ.
 И се — равнину оглашая
 Далече грянуло ура:
 Полки увидѣли ПЕТРА.

И онъ промчался предъ полками,
 Могущъ и радостенъ какъ бой.
 Онъ поле пожиралъ очами.
 За нимъ во слѣдъ неслись толпой
 Сии пшеницы гнѣзда Петрова —
 Въ премѣнахъ жребія земнаго,
 Въ трудахъ державства и войны
 Его поварищи, сыны:
 И Шереметевъ благородный,
 И Брюсъ, и Боуръ, и Рѣпинъ,
 И, счастья баловень безродный,
 Полудержавный власцелинъ.

И передъ синими рядами
 Своихъ воинственныхъ дружинъ,
 Несомый вѣрными слугами,
 Въ качалкѣ, блѣденъ, недвижимъ,
 Спрадая раной, Карлъ явился.
 Вожди героя шли за нимъ.
 Онъ въ думу тихо погрузился.
 Смущенный взоръ изобразилъ
 Необычайное волненіе.
 Казалось, Карла приводилъ
 Желанный бой въ недоумѣнье...

Вдругъ слабымъ маніемъ руки
На Рускихъ двинулъ онъ полки.

И съ ними Царскія дружины
Сошлись въ дыму среди равнины:
И грянулъ бой, Полшавскій бой!
Въ огнѣ, подъ градомъ раскаленнымъ,
Спѣной живою опраженнымъ,
Надъ падшимъ спроемъ свѣжій спрой
Шпыки смыкаютъ. Тяжкой пучей
Опряды конницы лепучей,
Браздами; саблями звуча,
Сшибаясь, рубясь съ плеча.
Бросая груды тѣлъ на груду,
Шары чугуныя повсюду
Межъ ними прыгають, разятъ,
Прахъ роютъ и въ крови щипятъ.
Шведъ, Рускій — колетъ, рубитъ, рѣжетъ.
Бой барабанный, клики, скрежетъ.
Громъ пушекъ, попопъ, ржанье, спопъ,
И смерть и адъ со всѣхъ споронъ.

Среди тревоги и волненья,
 На бивву взоромъ вдохновенья
 Воджи спокойные глядятъ,
 Движенья рапшныя слѣдятъ,
 Предвидятъ гибель и побѣду,
 И въ пишинѣ ведутъ бесѣду.
 Но близъ Московскаго Царя
 Кто воинъ сей подъ сѣдинами?
 Двумя поддержанъ казаками,
 Сердечной ревностью горя,
 Онъ окномъ опытнымъ героя
 Взираетъ на волненье боя.
 Ужъ на коня не вскочитъ онъ,
 Одрахъ въ изгнанъ сиропѣя,
 И казаки на кличъ Палѣя
 Не налепятъ со всѣхъ споронъ!
 Но чпожъ его сверкнули очи,
 И гнѣвомъ, будпо мглою ночи,
 Покрылось спарое чело?
 Чпо возмушилъ его могло?
 Иль онъ, сквозь бранный дымъ, увидѣлъ
 Врага Мазепу, и въ сей мигъ
 Свои лѣпа возненавидѣлъ
 Обезоруженный спарикъ?

Мазепа, въ думу погруженный,
 Взираетъ на бипву, окруженный
 Толпой мяпежныхъ казаковъ,
 Родныхъ, спаршинъ и сердюковъ.
 Вдругъ выспрѣлъ. Спарецъ обратился.
 У Войнаровскаго въ рукахъ
 Мушкетный сволъ еще дымился.
 Сраженный въ нѣсколькихъ шагахъ,
 Младой казакъ въ крови валялся,
 А конь, весь въ пѣнѣ и пыли,
 Почуя волю, дико мчался,
 Скрываясь въ огненной дали.
 Казакъ на Гепмана спремился
 Сквозь бипву съ саблею въ рукахъ,
 Съ безумной яростью въ очахъ.
 Спарикъ, подѣхавъ, обратился
 Къ нему съ вопросомъ. Но казакъ
 Ужъ умираетъ. Попухшій зракъ
 Еще грозилъ врагу Россіи;
 Былъ мраченъ померпѣлой ликъ,
 И имя вѣжное Маріи
 Чуть лепеталъ еще языкъ.
 Но близокъ, близокъ мигъ побѣды.
 Ура! мы ломимъ; гиушя Шведы.

О славный часъ! о славный видъ!
 Еще напоръ — и врагъ бѣжитъ (32):
 И слѣдомъ конница пустилась,
 Убийствомъ шупяся мечи,
 И падшими вся степь покрылась
 Какъ роемъ черной саранчи.

Пируетъ Петръ. И гордъ и ясенъ
 И славы полонъ взоръ его.
 И Царскій пиръ его прекрасенъ.
 При кликахъ войска своего,
 Въ шашкѣ своемъ онъ угощаетъ
 Своихъ вождей, вождей чужихъ,
 И славныхъ плѣнниковъ ласкаетъ,
 И за учинелей своихъ
 Заздравный кубокъ поднимаетъ.

Но гдѣ же первый, званый гость?
 Гдѣ первый, грозный нашъ учинель,
 Чью долговременную злость
 Смирилъ Полтавскій побѣдитель?
 И гдѣ жъ Мазепа? гдѣ злодѣй?
 Куда бѣжалъ Іуда въ страхъ?
 Зачѣмъ Король не межъ гостей?
 Зачѣмъ измѣнникъ не на плахъ (33)?

Верхомъ, въ глуши степей нагихъ,
 Король и Гепманъ мчались оба,
 Бѣгутъ. Судьба связала ихъ.
 Опасность близкая и злоба
 Даруютъ силу Королю.
 Онъ рану тяжкую свою
 Забылъ. Поникнувъ головою,
 Онъ скачетъ, Рускими гонимъ,
 И слуги вѣрные полною
 Чуть могутъ слѣдовать за нимъ.

Обозрѣвая зоркимъ взглядомъ
 Степей широкій полукругъ,
 Съ нимъ старый Гепманъ скачетъ рядомъ,
 Предъ ними хупоръ... Что же вдругъ
 Мазепа будто испугался?
 Что мимо хупора помчался
 Онъ спороной во весь опоръ?
 Иль эпопъ заустылый дворъ,
 И домъ, и садъ уединенный,
 И въ поле оппершая дверь
 Какойнибудь рассказъ забвенный
 Ему напомнили теперь?

Святой невинности губитель!
 Узналъ ли ты свою обитель,
 Сей домъ, веселый прежде домъ,
 Гдѣ ты, виномъ разгоряченный,
 Семей счастливой окруженный,
 Шупилъ бывало за споломъ?
 Узналъ ли ты приютъ укромный,
 Гдѣ мирный ангелъ обиталъ,
 И садъ, откуда ночью тѣмной
 Ты вывелъ въ степь . . . Узналъ, узналъ!

Ночныя тѣни степь объедаютъ.
 На брегъ синяго Днѣпра
 Между скалами чутко дремлютъ
 Враги Россіи и Петра.
 Щадящъ мечпы покой героя,
 Уронъ Полтавы онъ забылъ.
 Но сонъ Мазепы смущенъ былъ.
 Въ немъ мрачный духъ не зналъ покоя.
 И вдругъ въ безмолвіи nocturno
 Его зовутъ. Онъ пробудился.
 Глядишь: надъ нимъ, грозя перспомъ,
 Тихонько кпо-шо наклонился.
 Онъ вздрогнулъ какъ подъ шопоромъ . . .

Предъ нимъ съ развишми власами,
 Сверкая впаыми глазами,
 Вся въ рубищѣ, худа, блѣдна,
 Стоиптъ, луной освѣщена...
 «Иль эпо сонъ?... Марія... пы ли?»

М А Р І Я.

Ахъ, пише, пише, другъ!... Сей часъ
 Опець и мапъ глаза закрыи...
 Поспой... услышашъ могушь насъ.

М А З Е П А.

Марія, бѣдная Марія!
 Опомвись! Боже!... Чпо съ побой?

М А Р І Я.

Послушай: хипроспи какія!
 Чпо за разсказъ у нихъ смѣшной?
 Она за пайну мнѣ сказала,
 Чпо умеръ бѣдный мой опець
 И мнѣ пихонько показала
 Съдую голову — Творецъ!
 Куда бѣжашъ намъ опть злорѣчья?
 Подумай: эпа голова
 Была совсѣмъ не человѣчья,
 А волчья — видишь: какова!
 Чѣмъ обманушь меня хопѣла!

Не стыдно ль ей меня перзаять?
 И для чего? чшобъ я не смѣла
 Съ побой сегодня убѣжать!
 Возможно ль?

Съ гореспью глубокой
 Любовникъ ей внималъ жестокой.
 Но, вихрю мыслей предана,
 Однако жъ, говоришь она,
 Я помню поле... праздникъ шумной...
 И чернь... и мерпвыя шѣла...
 На праздникъ мать меня вела...
 Но гдѣ жъ пы быль?... Съ побой розно
 Зачѣмъ въ ночи скипаюсь я?
 Пойдемъ домой. Скорѣй... ужъ поздно.
 Ахъ, вижу, голова моя
 Полна волненія пустаго:
 Я принимала за другаго
 Тебя, спарикъ. Оспавъ меня.
 Твой взоръ насмѣшавъ и ужасень.
 Ты безобразень. Онъ прекрасень:
 Въ его глазахъ блеспишь любовь,
 Въ его рѣчахъ пакала нѣга!
 Его усы бѣлые снѣга,
 А на пвонхъ засохла кровь.

И съ дикимъ смѣхомъ завизжала,
 И легче серны молодой
 Она вспрыгнула, побѣжала
 И скрылась въ шемношѣ ночной.

Рѣдѣла пѣнь. Воспокъ алѣль.
 Огонь казачій пламенѣль.
 Пшеницу казаки варили;
 Драбаншы у брегу Днѣпра
 Коней разсѣданныхъ поили.
 Проснулся Карлъ. «Ого! пора!
 Вспавай, Мазепа. Разсвѣтаесть.»
 Но Гепманъ ужъ не спитъ давно.
 Тоска, шоска его снѣдаесть;
 Въ груди дыханье спѣснено.
 И молча онъ коня сѣдаесть,
 И скачесть съ бѣглымъ Королемъ,
 И спрашно взоръ его сверкаесть,
 Съ роднымъ прощаясь рубежемъ.

Прошло спо лѣтъ — и что жъ оспалось
Опѣ сильныхъ, гордыхъ сихъ мужей,
Сполю полныхъ волею спраспей?
Ихъ поколѣнье миновалось —
И съ нимъ исчезъ кровавый слѣдъ
Усилий, бѣдспвий и побѣдъ.
Въ гражданспвѣ сѣверной державы,
Въ ея воинспвенной судьбѣ,
Лишь пы воздвигъ, Герой Полспавы,
Огромный памятникъ себѣ.
Въ спранѣ — гдѣ мѣльницъ рядъ крылатый
Оградой мирной обспунилъ
Бендеръ пуспынные раскапы,
Гдѣ бродящъ буйволы рогакпы
Вокругъ воинспвенныхъ могилъ —
Оспанки разоренной сѣни,
Три углубленныя въ землѣ
И мхомъ поросшія спупени
Гласящъ о Шведскомъ Королѣ.

Съ нихъ отражалъ герой безумный,
 Одинъ въ полкъ домашнихъ слугъ,
 Турецкой рапи приспугъ шумной,
 И бросилъ шпагу подъ бунчукъ;
 И щепно памъ пришлецъ унылый
 Искалъ бы Гепманской могилы:
 Забытъ Мазепа съ давнихъ поръ;
 Лишь въ поржеспвующей свѣпнытъ
 Разъ въ годъ анаемой доннытъ;
 Грозя, гремины о немъ Соборъ.
 Но сохранилася могила,
 Гдѣ двухъ спрадаыцевъ прахъ почилъ:
 Межъ древнихъ праведныхъ могилъ
 Ихъ мирно Церковь приюпила (34).
 Цвѣспетъ въ Диканькѣ древній рядъ
 Дубовъ, друзьями насажденныхъ;
 Они о праопцахъ казенныхъ
 Доннытъ внукамъ говорятъ.
 Но дочь пресупница... преданья
 Объ ней молчатъ. Ея спраданья,
 Ея судьба, ея конецъ
 Непроницаемою пмою
 Опъ насъ закрывы. Лишь порою
 Слѣпой Украинскій пѣвецъ,

Когда въ селѣ предъ народомъ
Онъ пѣсни Гешмана бренчишь,
О грѣшной дѣвѣ мимоходомъ
Казачкамъ юнымъ говоришь.

П Р И М Ъ Ч А Н І Я.

(1.) Василий Леонпьевичъ Котубей, генеральный Судія, одинъ изъ предковъ нынѣшнихъ Графовъ.

(2.) *Хуторъ* — загородный домъ.

(3.) У Котубей было нѣсколько дочерей; одна изъ нихъ была замужемъ за Обидовскимъ, племянникомъ Мазепы. Та, о которой здѣсь упоминается, называлась Машреной.

(4.) Мазепа въ самомъ дѣлѣ свашалъ свою крестницу, но ему отказали.

(5.) Преданіе приписываетъ Мазепѣ нѣсколько пѣсень, донынѣ сохранившихся въ памяти народной. Котубей въ своемъ доносѣ также упоминаетъ о папріотической думѣ, будто бы сочиненной Мазепою. Она замѣчательна не въ одномъ историческомъ отношеніи.

(6.) Бунчукъ и булава — знаки Гепманскаго достоинства.

(7.) Смолр. *Мазепу* Байрона.

(8.) Дорошенко, одинъ изъ героевъ древней Малороссіи, непримиримый врагъ Русскаго владычества.

(9.) Григорій Самойловичъ, сынъ Гепмана, сосланнаго въ Сибирь въ началѣ Царствованія Петра I.

(10.) Симеонъ Палѣй, Хвосшовскій Полковникъ, славный наѣздникъ. За своевольные набѣги сосланъ былъ въ Енисейскъ по жалобамъ Мазепы. Когда сей послѣдній оказался изменникомъ, то и Палѣй, какъ закоренѣлый врагъ его, былъ возвращенъ изъ ссылки и находился въ Полтавскомъ сраженіи.

(11.) Костя Гордѣнко, Кошевой Апаманъ Запорожскихъ казаковъ. Въ послѣдствіи передался Карлу XII. Взятъ въ плѣнъ и казненъ въ 1708 г.

(12.) 20,000 Казаковъ было послано въ Лифляндію.

(13.) Мазена въ одномъ письмѣ упрекаетъ Кочубея въ то, что имъ управляетъ жена его, *гордал и высокоумная*.

(14.) Искра, Полшавской Полковникъ, товарищъ Кочубея, раздѣлившій съ нимъ его умыселъ и участь.

(15.) Езуитъ Заленской, Бнятина Дульская и какой-то Болгарской Архіепископъ, изгнанный изъ своего опочесства, были главными агентами Мазениной измѣны. Последний въ видѣ нищаго ходилъ изъ Польши въ Украину и обратно.

(16.) Такъ назывались манифесны Гепмановъ.

(17.) Филиппъ Орликъ, генеральный Писарь, паперникъ Мазены, послѣ смерти (въ 1710) сего послѣдняго получилъ отъ Карла XII пушпой пингулъ Малороссійскаго Гепмана. Въ послѣдствіи принялъ Магомешанскую вѣру и умеръ въ Бендерахъ около 1736 года.

(18.) *Булавинъ*, Донской казакъ, бунтовавшій около того времени.

(19.) Тайный Секретарь Шафировъ и Гр. Головкинъ, друзья и покровители Мазены; на нихъ по справедливости долженъ лежать ужасъ суда и казни доносителей.

(20.) Въ 1705 году. Смолр. примѣчанія къ Исторіи Малороссіи, Б. Каменскаго.

(21.) Во время неудачнаго похода въ Крымъ, Казы-Гирей предлагалъ ему соединиться съ нимъ и вместе напасть на Русское войско.

(22.) Въ своихъ письмахъ онъ жаловался, что доносителей пытали слишкомъ легко, неосмущенно требовать ихъ казни, сравнивая себя съ Сусанною, неповинно оклеветанною незаконными старцами, а Графа Головкина съ пророкомъ Данииломъ.

(23.) Деревня Кочубей.

(24.) Уже осужденный на смерть, Кочубей был пытанъ въ войскѣ Гешмана. По ошвѣщанъ несчастнаго видно, что его допрашивали о сокровищахъ, имъ ушаенныхъ.

(25.) Войско, состоявшее на собшвенномъ иждивеніи Гешмановъ.

(26.) Сильныя мѣры, принятыя Петромъ съ обыкновенной Его быспрошой и энергіей, удержали Украину въ повиновеніи.

«1708 Ноября 7-го числа, по Указу Государеву, казаки по обычаю своему вольными голосами выбрали въ Гешманы Полковника Спародубскаго Ив. Скоропядскаго.

«8-го числа пріѣхали въ Глуховъ Кіевской, Черниговской и Переяславской Архіепископы.

«А 9-го дня предали кляшнѣ Мазепу оные Архіереи публично; того же дня и персону (куклу) онаго измѣнника Мазепы вынесли и снявъ кавалерію (кошорая на шу персону была надѣша съ баншомъ) оную персону бросили въ палачевскія руки, кошорую палачъ, взявъ и прицѣпя за веревку, шацилъ по улицѣ и по площади даже до висѣлицы, и потомъ повѣсили.

«Въ Глуховѣ же 10-го дня казнили Чечеля и прочихъ измѣнниковъ...» (*Журналъ Петра Великаго.*)

(27.) Малороссійское слово. Поруски палачъ.

(28.) Чечель оччально защищаль Вапурингъ прошивъ войскъ Бн. Меншикова.

(29.) Въ Дрезденѣ къ Королю Августу. Смолпр. *Voltaire Hist. de Charles XII.*

(30.) Ахъ, В. В.! бомба!... — «Что еспь общаго между бомбою и письмомъ, кошорое шебѣ дикшую? ниши.» Это случилось гораздо послѣ.

(31.) Ночью, Карлъ, самъ осматривая нашъ лагерь, наѣхалъ на казаковъ, сидѣвшихъ у огня. Онъ поскакалъ прямо къ нимъ и одного изъ нихъ застрѣлилъ изъ собствѣнныхъ рукъ. Казаки дали по немъ при выстрѣлѣ и жестоко ранили его въ ногу.

(32.) Благодаря прекраснымъ разпоряженіямъ и дѣйствіямъ Бн. Меншикова, участь главнаго сраженія была рѣшена заранѣе. Дѣло не продолжалось и двухъ часовъ. *Ибо (сказано въ Жур. Петра Вел.) испобѣдимые господа Шведы скоро хребетъ свой показали, и отъ нашихъ войскъ вся непріятельская армія весьма опрокинута.* Петръ въ послѣдствіи времени многое прощалъ Данилычу за услуги, оказанныя въ сей день Генераломъ Бн. Меншиковымъ.

(33.) L'Empereur Moscovite, pénétré d'une joie qu'il ne se mettait pas en peine de dissimuler (было о чемъ и радоваться) recevait sur le champ de bataille les prisonniers qu'on lui amenait en foule et demandait à tout moment: où est donc mon frère Charles?

.
 Alors prenant un verre de vin: A la sante, dit-il, de mes maîtres dans l'art de la guerre! — Renschild lui demanda: qui étaient ceux qu'il honorait d'un si beau titre. Vous Messieurs les généraux Suédois, reprit le Czar. Votre Majesté est donc bien ingrate, reprit le Comte, d'avoir tant maltraité ses maîtres.

(34.) Обезглавленные шѣла Искры и Кочубея были опзданы родспвенникамъ и похоронены въ Кіевской Лаврѣ; надъ ихъ гробомъ высѣчена слѣдующая надпись:

„Кто еси мнѣ глядѣй о насъ невѣдущій,
 Елипы здѣ еспесмо положены суи,
 Понеже намъ спрасъ и смерть повѣлъ молчаніи,

Сей камень возопієтъ о насъ или въцѣпѣи,
 И за правду и вѣрность къ Монарху нашу,
 Страданія и смерти испытѣмо чашу,
 Злуданьемъ Мазепы, всевѣчно правы,
 Постыченны заславше попоромъ во главы;
 Почиваемъ въ семъ мѣстѣ Машери Владычнѣ,
 Подающія всѣмъ своимъ рабамъ живомъ вѣчный.

Року 1708, мѣсяца Іюля 15 дня, постыченъ средѣ обозу
 войскаго, за Бѣлою Церковію на Борцаговцѣ и Ковшевомъ,
 благородный Василій Кочубей, Судія генеральный; Іоаннъ
 Искра, Полковникъ Полтавскій. Привезены же шѣла ихъ
 Іюля 17 въ Кіевъ и того жъ дня въ обнѣмѣи святой Печер-
 ской на семъ мѣстѣ погребены.»

ДОМШКЪ ВЪ КОЛОМНѢ.

I.

Четырестопный ямбъ мнѣ надобѣль:

Имъ пишемъ всякой. Мальчикамъ въ забаву

Пора бѣ его оспавишь. Я хопѣлъ

Давнымъ давно принялся за окпаву.

А въ самомъ дѣлѣ: я бы совладѣлъ

Съ пройнымъ созвучіемъ. Пушусь на славу!

Вѣдь рифмы запроспо со мной живушь;

Двѣ придумъ сами, прерпью приведушь,

II.

А чпобъ имъ пушъ опкрышь широкій, вольной,

Глаголы попчасъ имъ я разрѣшу....

Вы знаете, чпо рифмой наглагольной

Гнушаемъ мы. Почему? спрощу.

Такъ писывалъ *** богомольной,

По большей часпи пакъ и я пишу.

Къ чему? скажите; ужъ и пакъ мы гош.

Опнынѣ въ рифмы буду брашь глаголы.

III.

Не спану ихъ надменно браковапъ,
 Какъ рекруповъ, добившихся увѣчья,
 Иль какъ коней, за ихъ плохую спанпъ, —
 А подбирапъ союзы да нарѣчья;
 Изъ мелкой сволочи вербую рапъ.
 Мнѣ рифмы нужны; всѣ гопповъ сберечь я,
 Хопъ весь Словарь; чпо слогъ, шо и солдапъ —
 Всѣ годны въ спрой: у насъ вѣдь не парадъ.

IV.

Ну, женскіе и мужескіе слогн!
 Благословясь, попробуемъ: слушай!
 Ровняйпеса, выпягивайпсе ноги
 И по при врьдѣ въ окшаву заѣзжай!
 Не бойпесъ, мы не будемъ слишкомъ сппроги;
 Держисъ вольнѣй и полько не плошай,
 А шамъ уже привыкнемъ, слава Богу,
 И выѣдемъ на ровную дорогу.

V.

Какъ весело сппихи свои веспи
 Подъ цыфрами, въ порядкѣ, спрой за спроемъ,
 Не позволяпъ имъ въ спорону бреспи,
 Какъ войску, въ пухъ разсыпанному боемъ!

Тупъ каждый слогу замѣченъ и въ чesпи,
 Тупъ каждый стихъ глядитъ себѣ героемъ,
 А стихопворецъ съ кѣмъ же равенъ онъ?
 Онъ Тамерланъ, идъ самъ Наполеонъ.

VI.

Не много опдохнемъ на эпной почкѣ.
 Чпо? переспать или *пустить на пе?* . . .
 Признаюсь вамъ, я въ пѣписпальной спрочкѣ
 Люблю цезуру на впорой спопѣ.
 Иначе, стихъ по въ ямѣ, по на кочкѣ,
 И хопъ лежу шеперь на канавѣ,
 Все кажется мнѣ, будно въ прыскомъ бѣгѣ
 По мерзлой пашнѣ мчусь я на пелѣгѣ.

VII.

Чпо забѣда? не все жъ гулять пѣшкомъ
 По Невскому гранипу, иль на балѣ
 Лоцишь паркетъ, или скакашь верхомъ
 Въ степи Киргизской. Поппеусъ-ка далѣ,
 Со спанціи на спанцію шажкомъ,
 Какъ говорятъ о помѣ оригиналѣ,
 Копорый, не кормя, на рысакѣ
 Прѣхалъ изъ Москвы къ Невѣ-рѣкѣ.

VIII.

Скажу, рысакъ! Парнасскій иноходецъ
Его не обогналъ бы. Но Пегасъ
Спаръ, зубъ ужъ нѣтъ. Имъ вырыпый колодезь
Изохъ. Поросъ крапивою Парнасъ;
Въ опспавкѣ Фебъ живешъ, а хороводецъ
Спарушекъ Музъ ужъ не прельщаешъ насъ.
И паборъ свой съ классическихъ вершинокъ
Перенесли мы на полкучій рынокъ.

IX.

Усядся, Муза; ручки въ рукава,
Подъ лавку ножки! не вернись, рѣзушка!
Теперь начнемъ. — Жила была вдова,
Тому лѣтъ восемь, бѣдная спарушка,
Съ одною дочерью. У Покрова
Споила ихъ смиренная лачужка
За самой будкой. Вижу, какъ пеперь,
Свѣтѣлку, при окна, крыльцо и дверь.

X.

Дня при тому, шуда ходилъ я вмѣстѣ
Съ однимъ знакомымъ передъ вечеромъ.
Лачужки эпой нѣтъ ужъ памъ. На мѣстѣ
Ея поспроенъ прехъ-эпажный домъ.

Я вспомнилъ о спарушкѣ, о невѣстѣ,
 Бывало, шуптъ сидѣвшихъ подъ окномъ,
 О той порѣ, когда я былъ моложе,
 Я думалъ: живы ли онѣ? — И что же?

XI.

Мнѣ спало грустно: на высокій домъ
 Глядѣлъ я косо. Если въ эту пору
 Пожаръ его бы обхвاطилъ кругомъ;
 То моему бѣ озлобленному взору
 Пріятно было пламя. Спраннымъ сномъ
 Бываетъ сердце полно; много вздору
 Приходитъ намъ на умъ, когда бредемъ
 Одни или съ шоварищемъ вдвоемъ.

XII.

Тогда блаженъ, кто крѣпко словомъ правитъ
 И держитъ мысль на привязи свою,
 Кто въ сердце усыпляетъ или давитъ
 Мгновенно прошитѣвшую змѣю;
 Но кто болѣнавъ, того молва прославитъ
 Вмигъ извергомъ. . . . Я воды Лепы пью,
 Мнѣ Докпоромъ запрещена унылость:
 Ославимъ это, — сдѣлайте мнѣ милость!

XIII.

Спарушка (я спокрапъ видалъ почъ въ почъ
 Въ карпинахъ Рембранда пакія лица)
 Носила чепчикъ и очки. Но дочь
 Была, ей-ей, прекрасная дѣвица:
 Глаза и брови — темныя какъ ночь,
 Сама бѣла, пѣжна — какъ голубица;
 Въ ней вкусъ былъ образованный. Она
 Чипала сочиненья Эмпица.

XIV.

Играпъ умѣла пакже на гипарѣ
 И пѣла: *Стонетъ сизый голубокъ,*
 И *Выду ль я* —, и по — чпо ужъ поспарѣ,
 Все, чпо у печки въ зимній вечерокъ
 Иль скучной осенью при самоварѣ
 Или весною, обходя лѣсокъ,
 Поепъ уныла Русская дѣвица,
 Какъ Музы нашей грустная пѣвица.

XV.

Фигурно иль буквально: всей семьѣй,
 Отъ ямщика до перваго поэта,
 Мы все поемъ уныло. Грустный вой
 Пѣсьнъ Русская. Извѣстная примѣпа!

Начавъ за здравіе, за упокой
 Сведемъ какъ разъ. Печалью согрѣша
 Гармонія и нашихъ Музъ, и дѣвъ.
 Но правнпся ихъ жалобный напѣвъ,

XVI.

Параша (пакъ звалась красопка наша)
 Умѣла мышь и гладить, шить и плестъ;
 Всѣмъ домомъ правила одна Параша,
 Поручено ей было счеппы веспъ,
 При ней варилась гречневая каша,
 (Сей важный прудъ ей помогала неспъ
 Спряшуха Ѳекла, добрая спаруха,
 Давно лишенная чупья и слуха).

XVII.

Спарушка мапъ, бывало, подъ окномъ
 Сидѣла; днемъ она чулокъ вязала,
 А вечеромъ, за маленькимъ спюломъ,
 Раскладывала карпы и гадала,
 Дочь, между пѣмъ, весь обѣгала домъ,
 То у окна, по на дворъ мелькала,
 И кпо бы ни проѣхалъ нль нешѣлъ,
 Всѣхъ успѣвала видѣпъ (зоркій полъ!).

XVIII.

Зимою спавни закрывались рано,
 Но лѣпомъ дѣ-ночи распворено
 Все было въ домѣ. Блѣдная Діана
 Глядѣла долго дѣвушкѣ въ окно.
 (Безъ эпюго ни одного романа
 Не обойдется; пакъ заведено!)
 Бывало, мапъ давнымъ давно храпѣла,
 А дочка — на луну еще смопрѣла.

XIX.

И слушала мяуканье коповъ
 По чердакамъ, свиданій знакъ нескромной,
 Да спражи дальній крикъ, да бой часовъ —
 И полько. Ночь надъ мирною Коломной
 Тиха опмѣнно. Рѣдко изъ домовъ
 Мелькнууть двѣ шѣни. Сердце дѣвы помной
 Ей слышанъ было можно, какъ оно
 Въ упругое полкалось полопно.

XX.

По воскресеньямъ, лѣпомъ и зимою,
 Вдова ходила съ нею къ Покрову,
 И спановилася передъ полною
 У клироса налѣво. Я живу

Теперь не памѣ, но вѣрною мечпою
 Люблю лепашь, заснувши на яву,
 Въ Коломну, къ Покрову — и въ воскресенье
 Тамъ слушають Русское богослуженье.

XXI.

Туда, я помню, ѣздила всегда
 Графиня. . . . (звали какъ, не помню право)
 Она была богаша, молода;
 Входила въ церковь съ шумомъ, величаво;
 Молилась гордо (гдѣ была горда!)
 Бывало, грѣшенъ! все гляжу направо,
 Все на нее. Параша передъ ней
 Казалось, бѣдная, еще бѣднѣй.

XXII.

Порой Графиня на нее небрежно
 Бросала важный взоръ свой. Но она
 Молилась Богу тихо и прилежно
 И не казалась имъ развлечена.
 Смиренье въ ней изображалось нѣжно;
 Графиня же была погружена
 Въ самой себѣ, въ волшебствѣ моды новой,
 Въ своей красѣ надменной и суровой.

XXIII.

Она казалась хладный идеаль
 Тщеславія. Его бѣ вы въ ней узнали;
 Но сквозь надменность эпу я чипаль
 Иную повѣсть: долгиа печали,
 Смиренье жалобъ... Въ нихъ-по я вникаль,
 Невольный взоръ они-по привлекали...
 Но эпо знашь Графиня не могла,
 И, вѣрно, въ списокъ жерпѣвъ меня внесла.

XXIV.

Она спрадала, хопѣ была прекрасна
 И молода, хопѣ жизнь ея шекла
 Въ роскошной нѣгѣ; хопѣ была подвласниа
 Фортуна ей; хопѣ мода ей несла
 Свой фиміамъ, — она была несчастна.
 Блаженіѣ спокрапѣ ея была,
 Чипапель, новая знакомка ваша,
 Проспая, добрая моя Параша.

XXV.

Коса зміей на гребнѣ роговомъ,
 Изъ-за ушей змією кудри русы,
 Косыночка креспѣ-на-креспѣ нль узломъ,
 На понкой шеѣ восковыя бусы —

Нарядъ простой: но предъ ея окномъ
 Все жъ ѣздили Гвардейцы черноусы,
 И дѣвушка прельщаясь умѣла ихъ
 Безъ помощи нарядовъ дорогихъ.

XXVI.

Межъ ними кто ея былъ сердцу ближе,
 Или равно для всѣхъ она была
 Душею холодна? увидимъ ниже.
 Покаместъ мирно жизнь она вела,
 Не думая о балахъ, о Парижѣ,
 Ни о Дворѣ (хоть при Дворѣ жила
 Ея сеспра двоюродная, Вѣра
 Ивановна, супруга Гофъ-Фурьера).

XXVII.

Но горе вдругъ ихъ посѣтило домъ:
 Спряпуха, возвращаясь изъ бани жаркой,
 Слегла. Напрасно чаемъ и виномъ,
 И уксусомъ, и мяшиною припаркой
 Ее лечили. Въ ночь предъ Рождествомъ
 Она скончалась. Съ бѣдною кухаркой
 Онѣ проспились. Въ понедѣль же день пришли
 За ней, и гробъ на Охпу отвезли.

XXVIII.

Объ ней жалѣли въ домѣ, всѣхъ же болѣ
 Копѣ Васька. Послѣ вдовушка моя
 Подумала чпо два, при дня — не долѣ —
 Жить можно безъ кухарки; чпо не лзя
 Предать свою прапезу Божьей волѣ.
 Старушка кличетъ дочь: «Параша!» — «Я!»
 — «Гдѣ взялъ кухарку? свѣдай у сосѣдки,
 Не знаептъ ли. Дешевыя такъ рѣдки.» —

XXIX.

— «Узнаю, маменька.» И вышла вонъ,
 Закупавшись. (Зима спояла грозно,
 И снѣгъ скрышгѣлъ, и синій небосклонъ,
 Безоблаченъ, въ звѣздахъ, сіялъ морозно).
 Вдова ждала Парашу долго; сонъ
 Ее клонилъ пихонько; было поздно,
 Когда Параша пихо къ ней вошла,
 Сказавъ: — «Воптъ я кухарку привела.»

XXX.

За нею слѣдомъ, робко выпущая,
 Коропкой юбочкой принарядясь,
 Высокая, собою недурная,
 Шла дѣвушка, и, низко поклонясь,

Прижалася въ уголь, фарпукъ разбирая.

— «А чпо возьмешь?» спросила, обращаясь,

Спаруха. — «Все, чпо будетъ вамъ угодно,»

Сказала па смиренно и свободно.

XXXI.

Вдовѣ понравился ея опѣтъ.

— «А какъ зовутъ?» — «А Маврой» — Ну, Мавруша,

Живи у насъ; шы молода, мой свѣтъ;

Гоняй мужчинъ. Покойница Оеклуша

Служила мнѣ въ кухаркахъ десятъ лѣтъ,

Ни разу долга чеспи не наруша.

Ходи за мной, за дочерью моей,

Усердна будь; присчиываць не смѣй.» —

XXXII.

Проходишь день, другой. Въ кухаркѣ полку

Довольно мало: шо переваришь,

То пережаришь, шо съ посудой полку

Уронишь; вѣчно все пересолишь,

Шипъ сядетъ — не умѣетъ взять иголку;

Ее браняшь — она себѣ молчишь;

Вездѣ, во всемъ ужъ какъ нибудь подгадаешь.

Параша бьется, а никакъ не сладяшь.

XXXIII.

По утру, въ воскресенье, мать и дочь
 Пошли къ обѣднѣ. Дома лишь оспалась —
 Мавруша; видѣше ль: у ней всю ночь
 Болѣли зубы; чужь жива таскалась;
 Корицы нужно было наполочь, —
 Пирожное испечь она собиралась.
 Ее оставили; но въ церкви вдругъ
 На спарую вдову нашель испугъ.

XXXIV.

Она подумала: «въ Маврушѣ ловкой,
 Зачѣмъ къ пирожному припала спрась?
 Пирожница, ей-ей, глядишь плутовкой!
 Не вздумала ль она насъ обокрась,
 Да улизнуть? Вонъ будемъ мы съ обновкой
 Для праздника! Ахъши, какая спрась!»
 Такъ думая, спарушка обмирала
 И наконецъ, не выпергѣвъ, сказала:

XXXV.

— «Спой пущь, Параша. Я схожу домой
 Мнѣ чпо-по спрашно.» Дочь не разумѣла
 Чего ей спрашно. Съ паперши долой
 Чужь-чужь моя спарушка не слепѣла;

Въ ней сердце билось, какъ передъ бѣдой.
 Пришла въ лачужку, въ кухню посмотрила, —
 Мавруши нѣтъ. Вдова къ себѣ въ покой
 Вошла — и что жъ? о Боже! спрахъ какой!

XXXVI.

Предъ зеркальцомъ Параша, чинно сядя,
 Кухарка брилась. Что съ моей вдовой?
 «Ахъ, ахъ!» и шлепнулась. Ее увидя,
 Та, въ поропяхъ, съ намышленной щечкой
 Черезъ спаруху (вдовью чesъь обидя),
 Прыгнула въ сѣни, прямо на крыльцо,
 Да ну бѣжать, закрывъ себѣ лицо.

XXXVII.

Обѣдня кончилась; пришла Параша.
 — «Что, маменька?» — «Ахъ, Пашинька моя!
 Маврушка...» — «Что, что съ ней?» — «Кухарка наша...
 Опомнившись досель не въ силахъ я...
 За зеркальцомъ. . . вся въ мыль. . .» — «Воля ваша,
 Миѣ право ничего понянь нельзя;
 Да гдѣ жъ Мавруша?» — «Ахъ, она разбойникъ!
 Она здѣсь брилась! . . . почю мой покойникъ!» —

XXXVIII.

Параша покраснѣлась или нѣтъ,
 Сказаць вамъ не умѣю; но Маврушки
 Съ пѣхъ поръ какъ не было,—проспыхъ и слѣдъ;
 Ушла, не взявъ въ улапу не полушки
 И не успѣвъ надѣлать важныхъ бѣдъ.
 У красной дѣвушки и у спарушки
 Кпо заспушилъ Маврушу? признаюсь,
 Не вѣдаю, и кончить пороплюсь.

XXXIX.

—«Какъ! развѣ все шупъ? шупише!»—«Ей Богу.»
 —«Такъ вопъ куда окпавы насъ вели!
 Къ чему жъ шакую подняли тревогу,
 Скликали рапъ и съ похвальбою шли?
 Завидную жъ вы избрали дорогу!
 Ужель иныхъ предметовъ не нашли?
 Да нѣтъ ли хошъ у васъ правоученья?»
 —«Нѣтъ или еспъ: минупочку шерпѣнья»

XL.

Вопъ вамъ мораль: по мнѣнью моему,
 Кухарку даромъ нанимашь опасно;
 Кпо жъ родился мужчиною, пому
 Рядишься въ юбку спрапно и напрасно:

Когда нибудь придется же ему
Брить бороду себѣ, чпò несогласно
Съ природой дамской Больше ничего
Не выжмешь изъ расказа моего.

It is not to be expected that the
present theory of the origin of the
universe is a simple one. It is a
complex one, and it is one that
is still in the process of being
developed.

АНДЖЕЛО.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

FIELD NUMBER

I.

Въ одномъ изъ городовъ Италіи счастливой
Когда-то властвовалъ предобрый, спарый Дукъ,
Народа своего отецъ чадолюбивой,
Другъ мира, испины, художеспвъ и наукъ.
Но власпъ верховная не перлптъ слабыхъ рукъ,
А добростъ своей онъ слишкомъ предавался.
Народъ любилъ его, и вовсе не боялся.
Въ Судъ его дремалъ карающій Законъ
Какъ дрыхлый звъръ уже къ ловипвъ неспособный.
Дукъ эпо чувспвовалъ въ душѣ своей незлобной,
И часпю съпновалъ. Самъ ясно видѣлъ онъ,
Чпо хуже дѣдушекъ съ дня на день были внуки,
Чпо грудь кормилицы ребенокъ ужъ кусалъ,
Чпо правосудіе сидѣло сложа руки
И по носу его лѣнивый не щелкалъ.

II.

Нерѣдко добрый Дукъ, раскаяньемъ смущенный,
 Хопѣлъ возстановить порядокъ упущенный;
 Но какъ? Зло явное, перпимое давно,
 Молчаніемъ Суда уже дозволено,
 И вдругъ его казнишь совсѣмъ несправедливо
 И спранно было бы, пому-же особливо.
 Кпо первый самъ его пошворспвомъ ободрялъ.
 Чпо дѣлашь? долго Дукъ перпѣлъ и размышлялъ,
 Размысливъ наконецъ, рѣшился онъ на время
 Передать инымъ рукамъ верховной власпи бремя,
 Чпобъ новый власпелинъ расправой новой могъ
 Порядокъ вдругъ завесить и былъ бы крупъ и спрогъ.

III.

Былъ нѣкпо Анджело, мужъ опытный, не новый
 Въ искусствѣ власпвовапъ, обычаемъ суровый,
 Блѣднѣющій въ шрудахъ, ученьи и посѣхъ,
 За нравы спрогіе прославленный вездѣ,
 Спѣснившій весь себя оградой законной,
 Съ нахмуреннымъ лицомъ и съ волей непреклонной,
 Его-то спарый Дукъ намѣспникомъ нарекъ,
 И въ ужасъ ополчилъ и милоспью облекъ,
 Неограниченны права ему вручая.

А самъ докучнаго вниманья избѣгая,
 Съ народомъ не проспаясь, in cognito одинъ
 Пуспился спранспивовашъ какъ древній Паладинъ.

IV.

Лишь только Анджело вступилъ во управленье,
 И все пошпчасъ другимъ порядкомъ пошекло,
 Пружины ржавыя опять пришли въ движенье,
 Законы поднялись, хватая въ когши зло,
 На полныхъ площадяхъ, безмолвныхъ опгъ боязни,
 По пяпницамъ пошли разыгрывашъ казни,
 И ухо спалъ себѣ почесывашъ народъ
 И говоришъ: хе! да эшопгъ ужъ не шопгъ.

V.

Между Законами забытыми въ шу пору
 Жеспюкій былъ одинъ: Законъ сей изрекалъ
 Прелюбодѣю смершъ. Такова приговору
 Въ шомъ городѣ никшо не помнилъ, не слыхалъ.
 Угрюмый Анджело въ громадѣ уложенъ
 Ошпылъ его, и въ спрахъ повѣсамъ городскимъ
 Опять его на свѣпгъ пуспиль для исполненья,
 Сурово говоря помощникамъ своимъ:
 «Пора намъ зло путнущъ. Въ балованномъ народѣ

Преобрапилися привычки ужъ въ права,
И шмыгають кругомъ Закона на свободѣ,
Какъ мыши около зѣвающаго льва.
Законъ не долженъ быть пужало изъ прящицы,
На коемъ наконецъ уже сядиши пищицы.»

VI.

Такъ Анджело на всѣхъ навелъ невольно дрожь
Роспали вообще, смѣялась молодежь,
И въ шупкахъ спрогаго вельможи не щадила,
Межъ тѣмъ какъ въпрено надъ бездною скользила
И первый подъ попоръ безпечной головой
Попался Клавдіо, паприцій молодой,
Въ надеждѣ всю бѣду современемъ исправить
И не любовницу, супругу въ свѣтъ предспавишь,
Джюльепу нѣжную успѣлъ онъ обольспишь,
И къ панинспивамъ любви безбрачной преклонишь.
Но ихъ послѣдспвія къ несчастію явны спали;
Младыхъ любовниковъ свидѣтели заспали,
Ославили въ судѣ взаимный ихъ позоръ,
И юношѣ прочли законный приговоръ.

VII.

Несчастный, выслушавъ жестокое рѣшеніе,
Съ поникшей головой обратнo шелъ въ пнорью,

Невольно каждому внушая сожалѣнье
 И горько съшуя. На встрѣчу вдругъ ему
 Попался Луціо, гуляка беззаботной,
 Повѣса, вздорный враль, но малый доброхопной.
 Другъ молвилъ Клавдіо, молю! не опкажи:
 Сходи ны въ монастырь къ сестрѣ моей. Скажи,
 Чпо долженъ я на смерпь идти; чпобъ поспѣшила
 Она спаси меня, друзей бы упросила,
 Иль даже бы пошла къ намѣспнику сама.
 Въ ней много, Луціо, искуспва и ума,
 Богъ далъ ея рѣчамъ увѣрчивоспъ и сладоспъ
 Къ тому жъ и безъ рѣчей рыдающая младоспъ
 Мягчитъ сердца людей. — Изволь! поговорю,
 Гуляка опѣчалъ, и самъ къ монастырю
 Тотчасъ опсправился.

VIII.

Младая Изабела

Въ то время съ важною монахиней сидѣла.
 Поспричься черезъ день она должна была
 И разговоръ о томъ со спарицей вела.
 Вдругъ Луціо звонитъ и входитъ. У рѣшенки
 Его привѣспивуетъ, перебирая чепки
 Полузапворница: «Кого угодно вамъ?»

— Дѣвица (и судя по розовымъ щекамъ
 Увѣренъ я чпо вы дѣвица въ самомъ дѣлѣ)
 Нельзя-ли доложитъ прекрасной Изабелѣ,
 Чпо къ ней меня прислалъ ея несчастный братъ?
 — Несчастный?... почему? что съ нимъ? скажите смѣло:
 Я Клавдіо сеспира. — Нѣтъ, право? очень радъ.
 Онъ кланяется вамъ сердечно. Вотъ въ чемъ дѣло:
 Вашъ братъ въ тюрьмѣ. — За что? — За то, за чтобы я
 Благодарилъ его, красавица моя,
 И не было бъ ему инаго наказанья.
 (Тупъ онъ въ подробныя пущиися описанья,
 Немного жеспікія своею нагошой
 Для дѣвспвенныхъ ушей опшельницы молодой,
 Но со вниманіемъ все выслушала дѣва
 Безъ припорныхъ причудъ спыдливоспи и гнѣва.
 Она чиспа была душою какъ Ээиръ.
 Ея смупишь не могъ невѣдомый ей міръ
 Своею суешой и праздными рѣчами.)
 Теперь, примолвилъ онъ, оспалось лишь мольбами
 Вамъ пронупъ Анджело, и воптъ о чемъ просилъ
 Васъ брашець. Боже мой, дѣвица опвѣчала,
 Когда бъ оптъ словъ моихъ я пользы ожидала!...
 Но сомнѣваюся; во мнѣ не спанептъ силъ....
 Сомнѣнья намъ враги, шоптъ съ жаромъ возразилъ,

Настъ неудачею предашели спрацаюуъ,
 И благо вѣрное доспауъ не допуцаюуъ.
 Спупайпе къ Анджело, и знайпе онъ меня,
 Чпо если дѣвица, колѣна преклоня
 Передъ мужчиною и просипъ и рыдаепъ,
 Какъ Богъ онъ все даепъ, чего ни пожелаепъ.

IX.

Дѣвица, опспросяся у мапери чеспной
 Съ усерднымъ Луціо къ Вельможѣ посѣвшиа,
 И на колѣна спавъ, смиренною мольбой
 За брапа своего Намѣспника моила.
 Дѣвица, опвѣчалъ суровый челоуѣкъ,
 Спасти его нельзя; пвой брапъ свой опжилъ вѣкъ;
 Онъ долженъ умерепъ. Заплакавъ, Изабела
 Склонилась передъ нимъ и прочъ ндши хопѣла,
 Но добрый Луціо дѣвицу удержалъ;
 Не опспупайпесъ пакъ, онъ пихо ей сказаъ,
 Просипе вновь его; бросайпесъ на колѣни,
 Хватайпеся за плацъ, рыдайпе; слезы, пѣни,
 Всѣ средспва женскаго искуспва вы должны
 Теперъ упопробипъ. Вы слишкомъ холодны.
 Какъ будпо рѣчь идепъ межъ вами про иголку.
 Ковечпо, если пакъ, не будепъ вѣрно шолку.
 Не опспавайпе-же! еще!

X.

Она опять

Усердною мольбой спыдливо умоляпъ
 Жеспокосердаго блюспипела Закона.
 Повѣрь мнѣ, говорипъ, ни Царская корона,
 Ни мѣчь Намѣспника, ни бархапъ Суди,
 Ни полководца жезлъ — всѣ почеспи си —
 Земныхъ власпипелей ничпо не украшаепъ
 Какъ Милосердіе. Оно ихъ возвышаепъ,
 Когда бъ во власпъ пвою мой братъ былъ облеченъ,
 А шы былъ Клавдіо; шы могъ бы паспъ какъ онъ,
 Но брапъ бы не былъ спрогъ какъ шы.

XI.

Ея укоромъ

Смущенъ былъ Анджело. Сверкаямрачнымъ взоромъ,
 Оспавъ меня, прощу, сказалъ онъ пихо ей;
 Но дѣва скромная и жарче и смѣлѣй
 Была часъ опъ часу. Подумай, говориа,
 Подумай, если попъ, чья праведная сила
 Прощаепъ и цѣлптъ, судилъ бы грѣшныхъ насъ
 Безъ милосердія; скажи: чпо было-бъ съ нами?
 Подумай — и любви услышишь въ сердцѣ гласъ?
 И милоспъ нѣжная пвоими дхненъ успами,
 И новый человекъ шы будешь.

XII.

Онъ въ отвѣтъ:

Поди; пивои мольбы пусшая словъ упрата.
Не я, законъ казнишь. Спасши нельзя мнѣ брата
И завпра онъ умреть.

И з а б е л а.

Какъ завпра! что? нѣтъ, нѣтъ.

Онъ не гошовъ еще... подумай, въ самомъ дѣлѣ:
Ты знаешь, Государь, несчастный осужденъ
За преспушеніе, которое доселѣ
Процалось каждому; поспражденъ первый онъ.

А н д ж е л о.

Законъ не умиралъ, но былъ лишь въ усыпленіи,
Теперь проснулся онъ.

И з а б е л а.

Будь многоспивъ!

А н д ж е л о.

Нельзя.

Попворспивованъ грѣху естъ поже преспуленъ,
Карая одного, спасаю многихъ я.

И з а б е л а.

Ты ль первый изречешь сей приговоръ ужасной?
И первый жерпивою мой будетъ братъ несчастной.

Нѣтъ, нѣтъ! будь милоспивъ. Ужель душа твоя
 Совсѣмъ безвинная? спросись у ней: ужели
 И мысли грѣшныя въ ней опъ роду не плѣли?

ХІІІ.

Невольно онъ вздрогнулъ, поникнулъ головой
 И прочь идти хотѣлъ. Она: постпой, постпой!
 Послушай, воропись. Великими дарами
 Я задарю тебя прими мои дары,
 Они не суепны, но чесны и добры,
 И будешь ими ты дѣлаться съ небесами:
 Я одарю тебя молитвами души
 Предъ упренней зарей въ полуночной пищи,
 Молитвами любви, смиренія и мира,
 Молитвами свяпыхъ угодныхъ небу дѣвъ
 Въ уединеніи умершихъ ужъ для міра,
 Живыхъ для Господа.

Смущенъ и присмирѣвъ,
 Онъ ей свиданіе на завпра назначаетъ
 И въ опдаленные покои поспѣшаетъ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

День цѣлый Анджели безмолвный и утрюмой,
Сидѣлъ, уединясь, объявъ одною думой,
Однимъ желаніемъ; всю ночь не пронулъ сонъ
Успалыхъ вѣждъ его. «Что жъ это, мыслишь онъ,
Ужель ее люблю, когда хочу такъ сильно
Услышавъ вновь ее и взоръ мой усладить
Дѣвичьей прелестью? По ней грустивъ умильно
Душа.... или когда свяцова уловивъ
Захочетъ бѣсъ, тогда приманкою святою
И манивъ онъ на крюкъ? Нескромной красою
Я не былъ опъ роду къ соблазнамъ увлеченъ,
И чистой дѣвою пеперь я побѣжденъ.
Влюбленный человекъ доселѣ мнѣ казался
Смѣшнымъ, и я его безумству удивлялся.
А нынѣ!.....»

II.

Размышляя, молился хочешь онъ,
 Но мыслишь, молился разсѣянно. Словами
 Онъ небу говоришь, а волей и мечпами
 Спрямишься къ ней одной. Въ унынье погружень,
 Успами праздными вращалъ онъ имя Бога,
 А въ сердцѣ грѣхъ кипѣлъ. Душевная преревога
 Его осилила. Правленье для него,
 Какъ дѣльная, давно запверженная книга,
 Несноснымъ сдѣлалось. Скучалъ онъ; какъ опъ ига
 Опречься былъ гошовъ опъ сана своего;
 А важность мудрую, копорой споль гордился,
 Копорой весь народъ безмысленно дивился,
 Цѣнилъ онъ ни во что и сравнивалъ съ перомъ
 Носимымъ въ воздухѣ лепучимъ въперкомъ.....

Поупру къ Анджело явилась Изабела
 И спранный разговоръ съ Намѣспникомъ имѣла.

III.

А н д ж е л о.

Что скажешь?

И з а б е л а.

Волю я твою прищаа узнать.

А н д ж е л о.

Ахъ, если бы ее могла шы угадашь!...

Твой брагъ не долженъ жишь..... а могъ бы.

И з а в е л а.

Почему-же

Проспишь нельзя его?

А н д ж е л о.

Проспишь? чпо въ міръ хуже

Спошь гнуснаго грѣха? Убійство легче.

И з а в е л а.

Да,

Такъ судяшь въ небесахъ, но на землѣ, когда?

А н д ж е л о.

Ты думаешь? шакъ вопъ шебъ предположенъе:

Чпо если бъ опдали шебя на разрѣшенъе

Оспавишь брапа влечь ко плахъ на убой,

Иль искушишь его, пожерпвовавъ собой

И шпошь предавъ грѣху?

И з а в е л а.

Скорѣ чѣмъ душою

Я шпошью жерпвовавъ гошова.

А н д ж е л о.

Я съ шобою

Теперь не о душѣ шолкую.... дѣло въ помѣ:
Брашъ осужденъ на казнѣ; его спаси грѣхомъ
Не милосердіе-ль?

И з а б е л а.

Предъ Богомъ я гошова

Душою опвѣчаю: грѣха въ помѣ никакова,
Повѣрь, и нѣтъ. Спаси ты брата моего!
Тупъ милоспѣ, а не грѣхъ.

А н д ж е л о.

Спасешь-ли ты его

Коль милость на всѣхъ равно съ грѣхомъ потянетъ?

И з а б е л а.

О пусть моимъ грѣхомъ спасеніе брата станеть!
(Коль только это грѣхъ.) О помѣ гошова я
Молишся день и ночь.

А н д ж е л о.

Нѣтъ, выслушай меня,

Или ты словъ моихъ совсѣмъ не понимаешь,
Или понялъ меня нарочно избѣгаешь,
Я проще изъясняюсь: швой брашъ приговоренъ.

И з а б е л а.

Такъ.

А н д ж е л о.

Смерть изрекъ ему рѣшительно Законъ.

И з а б е л а.

Такъ почно.

А н д ж е л о.

Средство есть одно къ его спасенью.

(Все это клонится къ тому предположенью,
И только есть вопросъ и больше ничего.)
Положимъ: попятъ, кто бы могъ одинъ спасти его,
(Наперсникъ Судьи, иль самъ по сану власный
Законы полковавъ, смягчивъ ихъ смыслъ ужасный)
Къ тебѣ желаньемъ былъ преслушнымъ воспаленъ,
И пребывавъ, чпобъ ты казнъ брата искупила
Своимъ паденьемъ; не по — рѣшивъ Законъ.
Чпо скажешь? какъ бы ты въ умъ своемъ рѣшила?

И з а б е л а.

Для брата, для себя рѣшилась бы скорѣй,
Повѣрь, какъ яхонты носивъ рубцы бичей
И лечь въ кровавый гробъ спокойно какъ на ложе,
Чѣмъ осквернивъ себя.

А н д ж е л о.

Твой братъ умреть.

ИЗВЕЛА.

Такъ чпо-же?

Онъ лучший путь себѣ конечно избересть.
Безчестіемъ сеспры души онъ не спасесть.
Брашъ лучше разъ умри, чѣмъ гибнушь мнѣ навѣчно.

АНДЖЕЛО.

За чпо-жъ казалось тебѣ безчеловѣчно
Рѣшеніе суда? Ты обвиняла насъ
Въ жестокосердіи. Давно ль еще? Сей часъ
Ты праведный Законъ пираномъ называла,
А брашній грѣхъ едва ль не щупкой почиала.

ИЗВЕЛА.

Прости, прости меня, Невольно я душой
Тогда лукавила. Увы! себѣ самой
Противурѣчила я милое спасая,
И ненавистное припворно извиняя.
Мы слабы.

АНДЖЕЛО.

Я твоимъ признаньемъ ободренъ.
Такъ женщина слаба, я въ эпомъ убѣжденъ
И говорю тебѣ: будь женщина, не болѣ —
Иль будешь ничего. Такъ покорися волѣ
Судьбы своей.

И з а б е л а .

Тебя я не могу понятьъ.

А н д ж е л о .

Поймешь: люблю тебя.

И з а б е л а .

Увы! что мнѣ сказать?

Джюльету братъ любить, и онъ умирать, несчастный.

А н д ж е л о .

Люби меня, и живъ онъ будетъ.

И з а б е л а .

Знаю: собственный

Испытывать другихъ, ты хочешь.....

А н д ж е л о .

Нѣтъ, клянусь,

Опъ слова моего шеперь не оппорусъ;

Клянуся честію.

И з а б е л а .

О много, много честіи!

И дѣло честное!... Обманчикъ! Демонъ лести

Сей часъ мнѣ Клавдіо свободу подниши,

Или поспупокъ пивой и черному души

Я всюду разглашу — и полно лицемѣришь

Тебѣ передъ людьми.

А н д ж е л о.

И кпо же спанепъ вѣришь?

По спрогоспи моей извѣстенъ свѣшу я;
 Молва всеобщая, мой санъ, вся жизнь моя
 И самый приговоръ надъ брашней головою
 Представляпъ пивой доносъ безумной клеветною.
 Теперь я волю дадъ спремленію спраспей.
 Подумай и смирись предъ волею моей;
 Брось эпи глупости: и слезы, и моленья,
 И краску робкую. Опъ смерпи, опъ мученья
 Тѣмъ брапа не спасешъ. Покорноспью одной
 Искупишь пы его опъ плахи роковой.
 До завпра опъ шебя я спану ждапъ опвѣща.
 И знай, чпо пвого я не боюсь извѣща.
 Чпо хочешъ говори, не пошапнуся я.
 Всю испину пвою низвергнешъ ложъ моя.

IV.

Сказалъ, и вышелъ вонъ, невинную дѣвицу
 Оспавя въ ужасъ. Поднявши къ небесамъ
 Молящій, ясный взоръ и чистую десницу,
 Отъ мерзостныхъ палатъ, спѣшитъ она въ темницу.
 Дверь опворилась ей; и брапъ ея глазамъ
 Представился.

V.

Въ цѣляхъ, въ уныніи глубокомъ,
 О свѣпскихъ радостяхъ спараясь не жалѣпъ,
 Еще надѣясь жипъ, гоповаясь умерепъ,
 Безмолвенъ онъ сидѣлъ и съ нимъ въ плащѣ широкомъ
 Подъ чернымъ куколемъ съ Распяпіемъ въ рукахъ
 Согбенный спароспью бесѣдовалъ монахъ.
 Спарикъ доказывалъ спрадальцу молодому,
 Чпо смерпъ и быпіе равны одна другому,
 Чпо здѣсь и памъ одна безсмерпная душа
 И чпо подлунный міръ не споиптъ ни гроша. —
 Съ нимъ бѣдный Клавдіо печально соглашался,
 А въ сердцѣ милою Джюльепою занимался.
 Оппшельница вошла: миръ вамъ! — очнулся онъ
 И смоприптъ на сеспру, мгновенно оживлѣнъ.
 Опецъ мой, говориптъ монаху Изабела,
 Я съ брапомъ говориптъ одна бы здѣсь хопѣла.
 Монахъ оспавилъ ихъ.

VI.

К л а в д і о.

Чпо жъ, милая сеспра,
 Чпо скажешь?

И з а б е л а.

Милый братъ, пришла тебѣ пора.

К л а в д и о.

Такъ нѣтъ спасенья?

И з а б е л а.

Нѣтъ, нль развѣ помахинься
Душой за голову?

К л а в д и о.

Такъ средство есть одно?

И з а б е л а.

Такъ, есть. Ты могъ бы жить. Судья готовъ смягчиться.
Въ немъ милосердіе бѣсовское: оно
Тебѣ даруетъ жизнь за узы муки вѣчной.

К л а в д и о.

Чпо? вѣчная шюрма?

И з а б е л а.

Тюрма — хопъ безъ оградъ,
Безъ цѣпи.

К л а в д и о.

Изъяснись, чпо жъ эпо?

И з а б е л а.

Другъ сердечной,

Братъ милый! Я боюсь... Послушай, милый братъ,
Семь, восемь лишнихъ лѣтъ ужель тебѣ дороже
Всегдашней чести? Братъ, боишься-ль умереть?
Чпо чувство смерти? мигъ. И много-ли переѣшь?

Раздавленный червякъ при смерти перпинтъ поже,
Чпо перпинтъ великанъ.

К л а в д і о.

Сеспра! или я прусъ?

Или иди на смерть во мнѣ не спаенъ силы?
Повѣрь, безъ пренепа опъ міра опрѣшусь,
Коль долженъ умереть; и встрѣчу ночь могилы
Какъ дѣву милую.

И з а в е л а.

Вопъ братъ мой! узнаю;
Изъ гроба слышу я опцевскій голосъ. Точно:
Ты долженъ умереть; умри же безпорочно.
Послушай, ничего тебѣ не ушаю:
Топъ грозный Судя, свяпоша топъ жестокой,
Чьи взоры спрөгя во всѣхъ родящъ боянь,
Чья избранная рѣчь шлепъ опроковъ на казнь,
Самъ Демонъ; сердце въ немъ черно какъ адъ глубокой
И полно мерзоспью.

К л а в д і о.

Намѣспникъ?

И з а в е л а.

Адъ облекъ

Его въ свою броню. Лукавый человекъ!...

Ч. II.

Знай: если бѣ я его безспыдное желанье
Рѣшилась уполюбить, тогда бы могъ ты жить.

К л а в д і о.

О нѣтъ, не надобно.

И з а в е л а.

На грустное свиданье,
Сказалъ онъ, нынче въ ночь должна я поспѣшить,
Иль завтра ты умрешь.

К л а в д і о.

Нейди, сестра.

И з а в е л а.

Братъ милой!

Богъ видить: ежели одной моею могилой
Могла бы я себя опъ казни искупить,
Не спала бѣ болѣе иголки дорожнѣ
Я жизнь мою.

К л а в д і о.

Благодарю, другъ милой!

И з а в е л а.

Такъ завтра, Клавдіо, ты къ смерти будь готовъ.

К л а в д і о.

Да, такъ.... и страсти въ немъ кипятъ съ такою силой!

Для одного многовѣнья

Ужель себя сгубишь рѣшився-бѣ онъ навѣкъ?

Нѣтъ, я не думаю. Онъ умный человѣкъ.

Ахъ, Изабела!

ИЗ А Б Е Л А.

Что? что скажешь?

К Л А В Д І О.

Смерть ужасна!

ИЗ А Б Е Л А.

И спыдъ ужасенъ.

К Л А В Д І О.

Такъ — однако жъ.... умереть,

Идти невѣдомо куда, во гробъ плѣшь

Въ холодной тѣсношѣ.... Увы! земля прекрасна

И жизнь мила. А пущѣ: войти въ тѣмную мглу,

Спретглавъ низвергнувшись въ кипящую смолу,

Или во льду застыть, или съ вѣтромъ быстротечнымъ

Носиться въ пустотѣ, пространствомъ безконечнымъ..

.....

.....

.....

.....

ИЗ А Б Е Л А.

О Боже!

К Л А В Д І О.

Другъ мой! Сеспра! позволь мнѣ жить.

Ужъ если будешь грѣхъ спасши опъ смерти брата,
Природа извинишь.

ИЗВЕЛА.

Чпо смѣешь говоришь?

Трусъ! пварь бездушная! опъ сесприна разврата
Себѣ пы жизни ждешь!... Кровосмѣситель! нѣтъ,
Я думашъ не могу, нельзя чпобъ жизнь и свѣтъ
Моимъ опцемъ шебѣ даны. Проспи мнѣ, Боже!
Нѣтъ, осквернила мапъ опеческое ложе,
Коль понесла шебя. Умри. Когда бы я
Спасши шебя могла лишь волею моею,
То все паки бѣ шеперь свершилась казнь швоя.
Я пысячу моливъ за смерть швою имѣю,
За жизнь — ужъ ни одной.

КЛАВДІО.

Сеспра, поспой, поспой!

Сеспра, проспи меня!

VII.

И узникъ молодой

У держивалъ ее за плащѣ. Изабела
Опъ гнѣва своего насилу охладѣла,
И брата бѣднаго проспила, и опяшь
Лаская, начала спрадальца ушѣшашъ.

ЧАСТЬ ТРЕТІЯ.

I.

Монахъ сподѣлъ межъ нѣмъ за дверью оппертою
 И слышалъ разговоръ межъ брапомъ и сеспрою.
 Пора мнѣ вамъ сказаць, что спарый сей монахъ
 Ни что иное былъ, какъ Дукъ персодѣпный.
 Пока народъ считалъ его въ чужихъ краяхъ
 И сравнивалъ, шушя, съ бродящею кометой,
 Скрывался онъ въ полѣ, все видѣлъ, наблюдалъ
 И соглядатаемъ незримымъ посѣщалъ
 Палапы, площади, монастыри, больницы,
 Развратныя дома, шеапры и шемницы.
 Воображеніе живое Дукъ имѣлъ;
 Романы онъ любилъ, и можетъ быть хопѣлъ
 Халифу подражаць Гаруну Аль — Рашиду.
 Младой опшельницы подслушалъ весь разсказъ,
 Въ разспроганномъ умѣ рѣшилъ онъ поны же часъ
 Не только наказать жеспокосѣ и обиду,
 Но сладить кое-что Онъ тихо въ дверь вошелъ
 Дѣвцу опозвалъ и въ уголокъ опшелъ.

Я слышалъ все, сказалъ, пы похвалы достойна
 Свой долгъ исполнила пы свято; но теперь
 Предайся-жь пы моимъ совѣшамъ. Будь покойна
 Все къ лучшему придетъ; послушна будь и вѣрь.
 Тупъ онъ ей объяснилъ свое предположенъе
 И далъ прощальное свое благословенъе.

II.

Друзья! повѣрите ль, чпобъ мрачное чело
 Угрюмой, зло души печальное зеркало,
 Желанья женскія на вѣки привязало
 И нѣжной красопѣ понравившся могло?
 Не чудно ли? Но пакъ. Сей Анджело надменный,
 Сей злобный человекъ, сей грѣшникъ — былъ любимъ
 Душою нѣжною, печальной и смиренной,
 Душой опроверженной мучителемъ своимъ.
 Онъ былъ давно женатъ. Лепунья легкокрыла
 Младой его жены молва не пощадила,
 Безъ доказательспва насмѣшливо каря;
 И онъ ее прогналъ, надменно говоря:
 «Пускай себѣ молвы неправо обвиненъе,
 «Нѣтъ нужды. Не должно коснуться подозрѣнъе
 «Къ супругѣ Кесаря.» Съ тѣхъ поръ она жила
 Одна въ предмѣстїи, печально изнывая.

Объ ней-то вспомнилъ Дукъ, и дѣва молодая
По наспавленію монаха къ ней пошла.

III.

Марьяна подъ окномъ за пряжею сидѣла
И тихо плакала. Какъ Ангелъ Изабела
Предъ ней нечаянно явилась у дверей.
Опшельница была давно знакома съ ней,
И часто утѣшаясь несчастную ходила.
Монаха мысль она ей поспѣшь объяснила.
Марьяна, только лишь наспавеніи ночи мгла,
Къ палапамъ Анджело идти должна была,
Въ саду съ нимъ встрѣчались подѣ каменной оградой
И наградишь его условленной наградой.
Чуть внятнымъ шопотомъ, прощаясь, шепнущь
Лишь только по: *теперь о братъ не забудь.*
Марьяна бѣдная сквозь слезы улыбалась
Госпожилась дрожа — и дѣва съ ней разспалась.

IV.

Всю ночь, въ шемницѣ Дукъ послѣдствій ожидалъ
И сидя съ Клавдіо, спрадальца утѣшалъ.
Предъ свѣтомъ снова къ нимъ явилась Изабела,
Все шло какъ надобно: сей часъ у ней сидѣла

Марьяна блѣдная, съ успѣхомъ возврапясь,
 И мужа обманувъ. Денница занялась —
 Вдругъ запечатанный приказъ приносятъ вѣстникъ
 Начальнику пюрьмы. Читають: что жъ? Намѣстникъ
 Немедля узника приказывалъ казнить
 И голову его въ палаты предъявить.

V.

Замыслилъ новую затѣю Дукъ предсавивъ
 Начальнику пюрьмы свой перстень и печать
 И казнь остановилъ, а къ Анджело опсправивъ
 Другую голову, велѣвъ обрѣчь и снявъ
 Ее съ широкихъ плечъ разбойника морского,
 Горячкой въ шуже ночь умершаго въ пюрьмѣ,
 А самъ опсправился, дабы вельможу злова
 Сполъ гнусныя дѣла пворящаго во шмѣ
 Предъ свѣпомъ обличить.

VI.

Едва молва невяжно
 О казни Клавдіо успѣла пробѣжать,
 Пришла другая вѣсть. Узнали, что обратно
 Ко граду ѣдетъ Дукъ. Народъ его вспрѣчалъ

Толпами кинулся. И Анджело смущенный,
 Грызомый совѣспью, предчувспіемъ спѣсенный,
 Туда же поспѣшилъ. Улыбкой добрый Дукъ
 Привѣспивуетъ народъ, шѣснаційся вокругъ
 И дружно къ Анджело пропягиваетъ руку.
 И вдругъ раздался крикъ — и прямо въ ноги Дуку
 Дѣвица падаетъ Помилуй, Государь!
 Ты циптъ невинности, шы милоспи алпарь,
 Помилуй! . . . — Анджело бѣдѣетъ и шрепещетъ
 И взоры дикіе на Изабелу мечетъ
 Но побѣдилъ себя. Оправивъ ся успѣвъ,
 Она помѣшена, сказалъ онъ, видѣвъ брата
 Приговореннаго на смерпъ. Сія упрапа
 Въ ней разумъ попрясла

Но обнаружа гнѣвъ

И долго скрыпное въ душѣ негодование,
 Все знаю, молвилъ Дукъ, все знаю! наконецъ
 Злодѣспиво на землѣ получиптъ воздаянъе.
 Дѣвица, Анджело! за мною, во дворецъ!

VII.

У прона во дворецъ спояла Маріана
 И бѣдный Клавдіо. Злодѣй, увидя ихъ
 Запрепешалъ, челомъ поникнулъ и ушихъ;
 Все объяснилося, и правда изъ шумана

Возникла; Дукъ погда: что Анджело скажи,
 Чего доспощишь ты? Безъ слезъ и безъ боязни
 Съ угрюмой пвердоспшою поппъ опвѣчаешъ: казни.
 И объ одномъ молю: скорѣе прикажи
 Веспи меня на смериль.

Иди, сказалъ власпипелъ,
 Да гибнешъ судія-шорганъ и обольспипелъ;
 Но бѣдная жена къ ногамъ его упавъ,
 Пощиуй, молвила, ты мужа мнѣ опдавъ,
 Не опщмай опяшь; не смѣйся надо мной. *Ты*
 — Не я, но Анджело, смѣялся надъ шобою,
 Ей Дукъ опвѣщспвуешъ, но о швоей судьбѣ
 Самъ буду я пещись. Опщанутся тебѣ
 Его сокровища, и будешъ ты награда
 Супругу лучшему. — Мнѣ лучшаго не надо.
 Пощиуй, Государь! не будь неумолимъ,
 Твоя рука меня соединила съ нимъ!
 Ужели для шого пакъ долго я вдовѣла?
 Онъ человѣчспву свою привнесъ лишь дань.
 Сеспра! спаси меня! другъ милый Изабела!
 Проси ты за него, хощь на колѣни спань,
 Хощь руки подыми ты молча.

Изабела

Душой о грѣшникѣ, какъ Ангель, пожалѣла

И предъ Власшпелемъ колѣна преклоня,
Помилуй, Государь, сказала. За меня
Не осуждай его. Онъ, (сколько мнѣ извѣстно,
И какъ я думаю) жилъ праведно и честно,
Пока мѣсптъ на меня очей не успремилъ.
Проспи же ны его!»

И Дукъ его проспилъ.

К о н е ц ъ .

86341